Д. К. ПЕТРОВЪ.

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в.

РОССІЯ и НИКОЛАЙ I

въ стихотвореніяхъ

ЭСПРОНСЕДЫ и РОССЕТТИ.

Soli non siam; fin dai remoti lidi
Grido di morte ai despoti rimbomba.

Rossetti.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке. Екатерингофскій просп.
1909.

Д. К. ПЕТРОВЪ.
Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в.

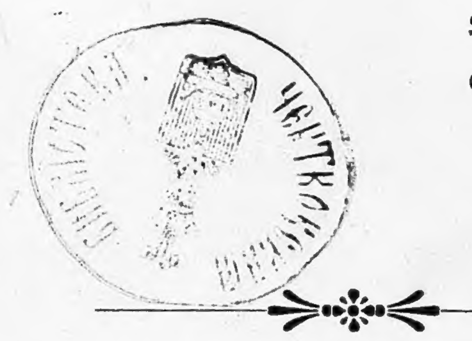
РОССІЯ и НИКОЛАЙ I

въ стихотвореніяхъ

ЭСПРОНСЕДЫ и РОССЕТТИ.

Soli non siam; fin dai remoti
lidi
Grido di morte ai despoti
rimbomba.

Rossetti.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винеке. Екатерингофскій просп., 15.
1909.

Печатается по опредѣленію Историко-Филологич. Факультета С.-Петербургскаго Императорскаго Университета.

За Декана:

18 Апрѣля 1909 г. *И. Бодуэнъ — де-Куртенэ.*

Сергѣю Өедоровичу

Платонову.

С.-Петербургъ 4-го апрѣля 1909 г.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Политическая поэзія почетомъ у изслѣдователей не пользуется. И совершенно напрасно! Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не стишки или куплеты, сочиняемые на случай, а законченныя, цѣнныя и въ художественномъ отношеніи, драмы, поэмы, сатиры и т. п., въ которыхъ отражаются мысли великаго писателя, думы и мечты цѣлаго поколѣнія или эпохи. Таковы напримѣръ оды Пиндара, Божественная Комедія Данте или Германъ и Доротея Гете. Выяснить ихъ политическое содержаніе задача, безспорно привлекательная!

Одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ въ исторіи человѣчества это 1789 — 1848 гг. Французская революція, Наполеоновская эпопея, реставрація, борьба за національную независимость, за свободныя учрежденія и соціальныя усовершенствованія, возникшая послѣ 1815 г. во многихъ странахъ Европы— все это нашло краснорѣчивыхъ пѣвцовъ, защитниковъ, хулителей и среди поэтовъ. Изъ крупныхъ упомянемъ Байрона, Гюго, Мицкевича, Рунеберга, Эспронседу, изъ второстепенныхъ, но все же талантливыхъ—Россетти, Джусти, Гервега, Рылѣева...

Нѣкоторымъ изъ нихъ и посвящена настоящая книжка. Не смотря на ея небольшой объемъ, она потребовала отъ автора не мало работы и справокъ въ областяхъ, доселѣ довольно чуждыхъ его постояннымъ занятіямъ. Поэтому съ самой живой признательностью онъ долженъ назвать здѣсь всѣхъ тѣхъ, кто своими совѣтами и указаніями принесли ему существенную помощь, а именно—С. Ѳ. Платонова, А. А. Чебышева, А. А. Флоридова, И. М. Болдакова, А. И. Браудо, а также своихъ старыхъ друзей М. И. Кудряшева, И. П. Мурзина и всѣхъ прочихъ, служащихъ въ Библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета.

Ошибокъ и пробѣловъ въ предлагаемомъ этюдѣ найдется, вѣроятно, много. Ихъ, надѣемся, автору и укажутъ. Одинъ недосмотръ онъ спѣшитъ исправить здѣсь же. Къ числу русскихъ работъ о Рунебергѣ (см. стр. 4-я, прим. 1-е) слѣдуетъ присоединить небольшой, но содержательный очеркъ ген.-лейт. М. М. Бородкина „О разсказахъ прапорщика Столя“ (Гельсингфорсъ, 1901).

Д. К. П.

I.

Событія и явленія русской исторіи и общественной жизни издавна привлекали вниманіе западно-европейскихъ поэтовъ. Русскихъ людей и дѣла иногда воспѣвали, чаще строго судили ихъ, такъ или иначе оцѣнивали. Интересъ обнаруживался, обыкновенно, въ двухъ направленіяхъ: или произносился приговоръ надъ современными событіями, или нашей стариной пользовались, какъ художественнымъ матеріаломъ. Иногда обѣ линіи совпадали. И чѣмъ ближе къ XIX-ому столѣтію, тѣмъ чаще такія отраженія Россіи въ зеркалѣ западнаго слова. [1])

О русскихъ дѣлахъ разсказывается уже въ скандинавскихъ сагахъ [2]). Испанскіе драматурги XVI—XVII столѣтій, въ поискахъ разнообразія, не разъ обращались за сюжетами или положеніями къ от-

---

[1]) Руководящая статья по нашему вопросу—работа покойнаго Н. П. Дашкевича, Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ русскимъ, помѣш. въ сборникѣ статей, посвященныхъ почитателями В. И. Ламанскому, СПб. 1907—1908, стр. 1375—1415.

[2]) Напр. въ Eymundarsaga Hringssonar, переносящей насъ въ эпоху сыновей Владиміра Св. Эта сага, во многихъ отношеніяхъ, обладаетъ исторической цѣнностью. О ней писалъ еще Сенковскій. См. Eugen Mogk, Gesch. der norwegisch-isländ. Literatur, Strassburg 1904, стр. 828—829.

даленной Московіи, которая тогда вновь начинала входить въ систему европейскихъ государствъ, пользоваться благами западной культуры [1]). Глубокій интересъ возбуждали, конечно, личность и дѣятельность Преобразователя Россіи, о которомъ на Западѣ существуетъ не одинъ десятокъ поэмъ, романовъ или драмъ [2]). И не только второстепенные поэты, въ родѣ Раупаха, освѣжали свое творчество струями изъ русскихъ источниковъ [3]); напротивъ, всякій, кто остановится на занимающемъ насъ вопросѣ, сейчасъ же припомнитъ имена Шиллера [4]), нѣмецкаго Тиртея Кёрнера [5]), Байрона [6]), глубо-

---

[1]) Напр. Лопе де-Вега въ El gran duque de Moscovia y el emperador perseguido драматизуетъ исторію перваго Лжедимитрія. См. Lope de Vega, Obras, publ. por la Real Academia Española, т. VI, Madrid 1896, объяснительныя замѣчанія редактора, стр. CXXXIII—CXXXIX, самый текстъ, стр. 599—642. Русскіе моменты въ ком. Кальдерона La vida es sueño давно отмѣчены: у насъ на нихъ впервые указалъ В. И. Ламанскій въ своей увлекательной книгѣ „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи", СПб. 1859, стр. 354—355.

[2]) См. Г. Ѳ. Линсцеръ, Петръ Великій и Алексѣй Петровичъ, эпизодъ русской исторіи въ освѣщеніи западно-европейской литературы. (Сборникъ „Петръ Великій" составл. преподавателями СПб. Петровсакго коммерч. училища. СПб. 1903, стр. 249—294).

[3]) См. его драму Die Fürsten Chawansky.

[4]) Недоконченный Demetrius.

[5]) Въ серіи Leyer und Schwert, которая вся трепещетъ отголосками войны за освобожденіе Германіи, есть, между прочимъ, красивый сонетъ Moskau, переведенный Фетомъ. См. Th. Koerner's Sämmtliche Werke, изд. 1871-го г. (Berlin), стр. 12.

[6]) VI—X пѣсни Донъ-Жуана нѣкоторые критики (ср. R. Ackermann, Lord Byron, Heidelberg 1901, стр. 146) такъ и обозначаютъ „На службѣ Россіи", потому что содержаніе ихъ—приключенія героя въ русской арміи при осадѣ Измаила, а затѣмъ въ придворныхъ сферахъ Петербурга временъ Екатерины II. Русскіе мотивы встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Байрона: достаточно назвать его „Мазепу". Въ настоящемъ очеркѣ для насъ особенно важна политическая сатира The age of bronze" (январь—февраль 1823 г. см. Ackermann, стр. 136). Безпощадно критикуетъ здѣсь Байронъ политику Священнаго Союза,

комысленнаго пѣвца природы и религіи Вильяма Вордсворта [1]) и многихъ другихъ.

представители котораго собрались въ Веронѣ вершить судьбу Испаніи. Радикально—настроенный поэтъ не щадитъ, разумѣется, и русскихъ. Правда, онъ сочувственно отзывается о героизмѣ русскаго народа въ 1812 г., прославляя пожаръ Москвы, какъ нѣчто безподобное, не имѣющее соперниковъ, какъ Sublimest of Volcanos (Byron, Works, изд. Tauchnitz, т. III, стр. 269). Тѣмъ съ бóльшимъ негодованіемъ обрушивается онъ на двуличную политику русскихъ въ греческомъ вопросѣ (тамъ-же стр. 272), а изображенію самого Императора Александра отводитъ цѣлую главу (X), полную ядовитыхъ насмѣшекъ и грозныхъ предостереженій. Царь-щеголь, самодержецъ вальсовъ и войны, соединяющій калмыцкую красоту съ хитростью казака, либералъ, сторонникъ свободы, не желающій, однако, чтобы націи ею наслаждались, дэнди, который любитъ поболтать о мирѣ и готовъ освободить грековъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они стали его рабами—вотъ нѣсколько чертъ изъ характеристики Александра (тамъ-же, стр. 276)! Однако, царю съ его украинскими полками не удастся проучить Испанію. Пусть онъ вспомнитъ злоключенія своего тезки Александра Македонскаго въ Скиѳіи и печальной памяти походъ Петра на берега Прута! Вокругъ царя много старухъ (намекъ на m-me Крюднеръ), но нѣтъ ни одной Екатерины. Испанію подчинить трудно. Лучше пусть царь вернется къ своимъ башкирамъ, перекуетъ мечи на плуги, избавитъ Россію отъ рабства и кнута! (тамъ-же, стр. 277).

[1]) Мы имѣемъ въ виду циклъ небольшихъ поэмъ и сонетовъ, написанныхъ въ разное время (1802—1822), но впослѣдствіи объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Poems dedicated to National Independence and Liberty“. Въ нихъ Вордсвортъ воспѣваетъ подвиги народовъ, сражавшихся съ Наполеономъ за независимость и свободу. Понятно, что онъ не могъ обойти молчаніемъ событій и русской исторіи. Такъ подъ № XXXIV всей серіи помѣщено стихотвореніе „The french army in Russia“. Здѣсь разработана обычная тема о русскомъ морозѣ, который сокрушилъ великую армію... Напрасно поэтому, говоритъ авторъ, сравнивать зиму съ дряхлымъ старикомъ, который, прихрамывая, еле-еле плетется—у старика-зимы много силы! Ея дуновеніе губитъ цвѣтъ молодости, такъ что цѣлые легіоны въ одинъ мигъ падаютъ, находя сразу и смерть, и погребеніе... Наступило утро, и подъ ясно-голубыми небесами беззвучная пустыня, полное безлюдье. (W. Wordsworth, Poetical works, ed. by Th. Hutchinson. London 1907, стр. 321—322). Въ слѣдующей пьесѣ (On the same occasion) Вордсвортъ приглашаетъ всю природу веселиться, радоваться побѣдѣ старой безсильной зимы (that old decrepit Winter), которая уничтожила войска, препятствовавшія мирному наслажденію жизнью и красотой (тамъ-же, стр. 322). Оба только, что изложенныя стихотворенія написаны въ 1816 г. Черезъ 6 лѣтъ Вордсвортъ вновь вернулся къ русскому походу и на

Въ настоящемъ очеркѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго поползновенія исчерпать богатую тему: для этого понадобится обширный трудъ [1]). Нѣтъ, на нижеслѣдующихъ страницахъ рѣчь будетъ, по преимуществу, о двухъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ заключены любопытныя данныя для ознакомленія съ западно-европейскими приговорами Россіи. Первое „Пѣснь казака" (El canto del Cosaco), принадлежащая наиболѣе видному романтику Испаніи—Хосé Эспронседа. Второе написано итальянцемъ Габріэлемъ Россетти, талантливымъ поэтомъ и патріотомъ, дѣятелемъ неаполитанской революціи 1820 г. Оно озаглавлено—Niccolò I di Russia in Italia.

этотъ разъ не забылъ упомянуть и о героизмѣ народа. Прежде только зима представлялась ему побѣдительницей Наполеона, теперь онъ вспоминаетъ и о самоотверженномъ подвигѣ Москвы, ея страшной жертвѣ, которой она обрекла себя на сожженіе, вспоминаетъ и о русской крови, пролитой съ беззавѣтнымъ мужествомъ. Впрочемъ, и этотъ сонетъ оканчивается указаніемъ на неисповѣдимую волю Всемогущаго, который повелѣлъ Голоду, Снѣгу и Морозу—

„Finish the strife by deadliest victory!" (тамъ-же, стр. 322).

Такимъ образомъ, въ признаніи героизма Россіи соединили свои голоса либеральное творчество Байрона и идиллически-религіозная поэзія Вордсворта. О всемъ циклѣ Independence and Liberty см. Maria Gothein, W. Wordsworth, sein Leben, seine, Werke, seine Zeitgenossen, Halle a S. 1893, т. I, стр. 150 и слѣд.

[1]) Приближается юбилей достопамятнаго 1812-го года. Будетъ очень жаль, если и онъ пройдетъ столь же незамѣченнымъ, какъ столѣтній юбилей завоеванія Финляндіи, въ 1908 г., не вызвавшій, сколько мы знаемъ, ни одной серьезной работы историко-литературнаго характера. А между тѣмъ высоко-поэтическія, часто вполнѣ безпристрастныя „Сказанія прапорщика Столя", какъ и вообще творенія ихъ автора, І. Л. Рунеберга, давнымъ давно заслуживаютъ быть введенными въ кругозоръ русской науки. Рунебергъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ XX-го столѣтія, рано или поздно долженъ стать предметомъ изслѣдованія для нашихъ историковъ и литераторовъ. Содержательныя статьи покойнаго Я. К. Грота, все-же не исчерпываютъ всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ Рунебергомъ. Изученіе Финляндіи, ея прошлаго, ея поэзіи для русскихъ—дѣло обязательное. Пора бы перестать интересоваться этой окраиной почти исключительно съ дачной или узко-политической точки зрѣнія.

II.

Мы видѣли, что Байронъ приглашалъ императора Александра I разстаться съ воинственными замыслами на счетъ Испаніи. Эту благородную страну, небеса и законы которой чисты, незачѣмъ заражать зловоніемъ гнилыхъ и испорченныхъ легіоновъ [1]). Такимъ образомъ, Байронъ и здѣсь является горячимъ испанофиломъ, какимъ показалъ себя еще въ Childe Harold'ѣ [2]). Но и помимо Байрона были въ Европѣ лица, гораздо ближе стоявшія къ Александру, люди, голоса которыхъ, конечно, осуждали испанское предпріятіе, хотя оно и не реализовалось въ полной мѣрѣ. Александръ I намѣревался вмѣшаться въ испанскія дѣла не только морально, но и матеріально, готовъ былъ послать свои войска для успокоенія страны и защиты Фердинанда VII. [3]) Но въ русскомъ обществѣ къ такой политикѣ—заниматься чужими дѣлами въ ущербъ своимъ—многіе

---

[1]) Byron, Works, т. III, стр. 277 (ук. изд.).

[2]) Тамъ-же, т. II, стр. 20 и слѣд.

[3]) См. Chateaubriand, Congrès de Verone, Guerre d'Espagne и т. д. Paris 1838. стр. 118—120.

относились съ осужденіемъ. Ее признавали обременительной для государственной казны; въ ней видѣли препятствіе, отвлекавшее заботливость императора отъ внутренняго состоянія Россіи, которое нуждалось въ серьезныхъ реформахъ... [1]) Однако, Александръ интересы Европы ставилъ выше прямой пользы Россіи и считалъ, что необходимо немедля—приняться за гашеніе революціоннаго пожара въ Испаніи [2]). Результатъ совѣщаній на веронскомъ конгрессѣ—походъ герцога Ангулэмскаго въ Испанію въ 1823 г.

Впрочемъ, справедливость требуетъ напомнить, что первый примѣръ распорядительства чужой судьбою подалъ не Александръ, не его товарищи, участники Священнаго Союза. Лѣтъ за 15 до 1823 г. съ той-же самой Испаніей, волненія въ которой заставили русскаго императора, въ частной бесѣдѣ съ Шатобріаномъ, высказаться въ томъ смыслѣ, что теперь нѣтъ политики отдѣльныхъ націй, что есть одна общая политика, направленная на благо всѣхъ [3]), съ Испаніей, говоримъ мы, не болѣе вѣжливо поступилъ Наполеонъ. Извѣстно, какое мѣсто въ наполеоновской эпопеѣ занимаетъ Испанія; извѣстно и то, что испанскую авантюру честолюбиваго корсиканца

[1]) См. напр. А. Поджіо у М. В. Довнара-Запольскаго, Мемуары декабристовъ. Кіевъ 1906, стр. 193, и отзывъ П. Г. Дивова, у Н. К. Шильдера, Николай I, т. I, стр. 296. Ср. еще Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, СПб. 1886, стр. 284 и слѣд.

[2]) Chateaubriand, ук. мѣсто.

[3]) Тамъ-же стр. 221.

трудно объяснять и оправдывать соображеніями принципіальнаго характера, хотя бы легитимизмомъ и борьбой съ революціонными идеями, какъ то объявляли своей задачей герои Священнаго Союза. Наполеонъ могъ надѣвать какую угодно маску друга человѣчества и цивилизатора Испаніи [1]); эта страна была все-таки жертвой его властолюбія, которую собственные правители запутали въ сѣтяхъ государственнаго безумія и измѣны. Наполеонъ, слѣдуя тактикѣ ловкаго вора, воспользовался добычей, которая сама шла ему въ руки, какъ нельзя лучше соотвѣтствуя его жаднымъ планамъ.

Нигдѣ старый порядокъ не умиралъ столь мучительной и позорной смертью, какъ въ Испаніи. Династія Бурбоновъ, если не считать царствованія Карла III, не принесла родинѣ Сервантеса желаннаго освѣженія и прогресса. Несчастіе страны было въ томъ, что на смѣну просвѣщеннаго деспота, которымъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, былъ Карлъ III, явился четвертый король того-же имени, личность бездарная, ничтожная, гораздо болѣе герой commedia dell'arte, чѣмъ государь. Хотя онъ и не былъ конституціоннымъ монархомъ, про него иронически можно сказать—онъ царствовалъ, но не управлялъ. Человѣкъ глупо-довѣрчивый, не умѣвшій различать людей, онъ состоялъ въ полномъ рабствѣ у своей жены, честолюбивой и распутной интригантки Маріи-Луизы, и

---

[1]) Такимъ онъ выставлялъ себя въ манифестѣ къ исп. народу, изданномъ 25-го мая 1808 г. См. H. Baumgarten, Geschichte Spaniens vom Ausbruch der frz. Revolution bis auf unsere Tage, Leipzig 1865. т. I, стр. 241—242.

ея любовника Годоя, котораго считалъ своимъ первымъ другомъ. Соединяя въ своихъ рукахъ важнѣйшія должности государства, этотъ временщикъ, носившій пышный титулъ князя мира (Principe de la Paz [1]), не имѣлъ никакого понятія объ истинной политикѣ, все равно—внутренней или внѣшней. Лишенный малѣйшей искры патріотизма, только честолюбивый, но не даровитый, онъ готовъ былъ служить тому, кто дастъ больше, хотя бы при этомъ пришлось нарушить и присягу, и законы чести [2]). Въ началѣ XIX-го столѣтія достаточно опредѣлилось, отъ кого можно было ждать самыхъ прочныхъ милостей. Это былъ Наполеонъ, и Годой, послѣ нѣкоторыхъ колебаній между британской и французской политикой, сталъ на сторону послѣдней. Наполеонъ прельщалъ его миражемъ самостоятельнаго герцогства въ Португаліи [3])!.

Народъ до поры до времени терпѣлъ и молчалъ. Но у него была своя надежда и утѣшеніе. Разстройство финансовъ, полное обнищаніе государства, разрушеніе арміи и флота, унизительная международная роль Испаніи—всѣ эти язвы залѣчатся, лишь только на престолъ вступитъ инфантъ, донъ-Фердинандъ [4])!.. Нелюбимый отцомъ, ненавидимый матерью, жертва

---

[1]) Онъ получилъ его за сравнительно выгодный для Испаніи Базельскій миръ. См. Baumgarten, т. I, стр. 69.

[2]) См. характеристику королевской семьи и Годоя у Geoffroy de Grandmaison, L'Espagne et Napoléon, Paris 1908, стр. 41 и слѣд. и Memorias de D. Antonio Alcalá Galiano, т. I, стр. 22—24 (Madrid 1880).

[3]) Краткій очеркъ событій см. у Файфа, Исторія Европы XIX-го вѣка, стр. 183—186, подробнѣе, Baumgarten, т. I, стр. 108 и слѣд; Ср. также Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, Première série, т. I. стр. 1—25 (Paris, 1869).

[4]) См. между прочимъ Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 70.

происковъ и интригъ Годоя, который не прочь былъ и совсѣмъ устранить его отъ престола, молодой инфантъ народу казался залогомъ новыхъ лучшихъ дней. Событія впослѣдствіи обнаружили, что Фердинандъ не стоилъ народной любви, но тогда никто этого еще не зналъ... Любовь къ Фердинанду достигла высшей степени въ 1807 г., когда онъ имѣлъ неосторожность вступить въ сношенія съ Наполеономъ. Желая упрочить свое положеніе, ища защиты противъ интригъ Годоя, Фердинандъ написалъ Наполеону письмо, прося руки принцессы императорскаго дома. Годой догадался, что принцъ занятъ какими-то таинственными планами. Ему не трудно было убѣдить Карла IV, что Фердинандъ устроилъ заговоръ съ цѣлью свергнуть его съ престола. 30-го окт. 1807 г. въ Мадридѣ была опубликована прокламація, взводившая на Фердинанда страшныя обвиненія. Мнимаго заговорщика и его товарищей ждалъ строгій судъ. Фердинандъ испугался, просилъ у отца прощенія и получилъ его. Тогда же онъ прекратилъ всякіе переговоры съ французскимъ правительствомъ. Но тѣмъ не менѣе эскуріальскій скандальный процессъ сдѣлалъ свое дѣло. Наполеону открывалась возможность выступить защитникомъ наслѣдственныхъ правъ любимаго народомъ Фердинанда, на тотъ случай, если-бы Карлъ IV вздумалъ привести въ исполненіе свою угрозу—лишить сына престола, какъ онъ писалъ Наполеону послѣ процесса Фердинанда [1]). Во всякомъ случаѣ, распря между роди-

---

[1]) См. Geoffroy de Grandmaison, стр. 99 и слѣд; Baumgarten, т. I, стр. 144 и слѣд. См. также. Alcalá Galiano, ук. соч. т. I, стр. 138 и слѣд.

телями и сыномъ, раздуваемая коварствомъ Годоя, раскрыла Наполеону глаза на истинное положеніе Испаніи. Эта страна представлялась беззащитной, правители, занятые семейными счетами—неспособными къ сопротивленію. Для Наполеона прекрасный случай втянуть Испанію въ сферу французскаго вліянія и укрѣпить положеніе императорскаго дома, посадивъ на испанскій престолъ одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Разсчетъ Наполеона казался простъ и ясенъ. Въ короли онъ выбралъ своего брата Жозефа Бонапарта, занимавшаго доселѣ ту-же должность въ Неаполѣ. Начальникомъ надъ войсками, назначенными дѣйствовать въ Испаніи, якобы въ пользу Фердинанда, былъ поставленъ Мюратъ, который долго не зналъ объ истинныхъ намѣреніяхъ своего господина и даже осмѣливался мечтать, что испанская корона достанется ему. Только теперь Годой понялъ, что обманутъ Наполеономъ, что дѣла идутъ плохо. Въ испугѣ онъ вообразилъ, что ему и королевской четѣ остается лишь одинъ путь спасенія — бѣгство, едва только французскія войска приблизятся къ Мадриду. Намѣреніе Годоя увезти короля и королеву въ Америку не осталось тайной для населенія Мадрида, и вотъ 17-го Марта громадная толпа двинулась въ Аранхуэсъ — помѣшать бѣгству Карла IV и Маріи Луизы и по своему расправиться съ Годоемъ. Для наилучшаго пониманія обстоятельствъ не нужно упускать изъ виду, что въ это время народъ относился къ французамъ вполнѣ дружелюбно. Ему и въ голову не приходили че-

столюбивые, эгоистическіе замыслы Наполеона; напротивъ, всѣ думали, что французы идутъ прекратить неурядицу въ странѣ, поддержать Фердинанда. Врагъ былъ только Годой! Въ Аранхуэсѣ разыгрались обычныя сцены народныхъ волненій. Дворецъ временщика былъ разграбленъ, самъ онъ еле живой ушелъ отъ мести раздраженной черни и отдался въ руки Фердинанда. Король струсилъ и издалъ указъ, лишавшій Годоя всѣхъ его званій и должностей, и, въ заключеніе, отрекся отъ престола. 19 Марта 1808 г. королемъ былъ провозглашенъ Фердинандъ VII [1]).

Однако, желанннго успокоенія не послѣдовало. Наполеонъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы отступать. Напротивъ, окончательная ссора Фердинанда VII и Карла IV давала ему лишній козырь въ игрѣ. Еще нѣсколько ловкихъ ходовъ, и оба государя, отецъ и сынъ, предоставятъ престолъ и родину въ безконтрольное распоряженіе императора французовъ. Событія 17—19-го Марта — прелюдія къ т. н. байоннской траги-комедіи.

Благодаря ловкимъ совѣтамъ и уговорамъ генерала Савари, новаго агента Наполеона, который 4-го Апрѣля 1808 г. привезъ въ Мадридъ окончательныя инструкціи своего государя, Фердинандъ согласился отправиться во Францію — дать личныя доказательства дружбы и довѣрія могущественному покровителю. Фердинадъ съ небольшой свитой прибылъ въ

---

[1]) См. Файфъ, стр. 186; Baumgarten, т. I, стр. 159 и слѣд. Geoffroy de Grandmaison, стр. 130 и слѣд. Времена Годоя изображены въ одномъ изъ Episódios Nacionales Гальдоса (La Corte de Cárlos IV).

Байонну, гдѣ черезъ нѣсколько дней ему было объявлено, что онъ долженъ отречься отъ престола. Вскорѣ послѣ этого въ Байонну были доставлены Годой и старая королевская чета... Между сыномъ и родителями, произошли неприличныя сцены, которыя произвели тяжелое впечатлѣніе даже на Наполеона, и, въ результатѣ, отецъ и сынъ оба отказались отъ престола въ пользу великаго кондотьера XIX-го столѣтія [1]).

Между тѣмъ въ столицѣ Испаніи произошло нѣчто такое, что должно было торопить Наполеона съ исполненіемъ замысловъ, разыгралось знаменитое 2-ое Мая, (El Dos de Mayo), до сихъ поръ наполняющее сердце испанца патріотическимъ волненіемъ и грустью [2]). Повязка съ глазъ испанцевъ, наконецъ, спала: опредѣлилось вполнѣ ясно, что съ недобрыми цѣлями полки Мюрата заняли Мадридъ! Когда Мюратъ сдѣлалъ попытку удалить изъ дворца членовъ королевской фамиліи, которые еще не успѣли по-

---

[1]) См. Geoffroy de Grandmaison, ук. соч. стр. 170 и слѣд. и Baumgarten, т. I, стр. 181 и слѣд.

[2]) Объ этомъ достопамятномъ днѣ, его жертвахъ и герояхъ только что вышла капитальная работа г. Juan Pérez de Guzman y Gallo — El Dos de Mayo de 1808 en Madrid (867 стр. in 4º mayor.). Вообще, къ чести испанцевъ, надо указать, что они отпраздновали юбилей наполеоновскаго нашествія самымъ достойнымъ образомъ. Въ Октябрѣ 1908 г. въ Сарагосѣ состоялся международный конгрессъ, спеціально посвященный войнѣ за независимость (Guerra de la Independencia 1807—1815), на которомъ были читаны доклады испанскихъ и иностранныхъ ученыхъ. (См. Cultura Española, Ноябрь 1908 г. стр. 921—922). Кромѣ того, во многихъ отдѣльныхъ городахъ имѣли мѣсто публичные курсы, лекціи, рѣчи—также все въ память о славныхъ дняхъ. Наконецъ, появилось въ печати не мало трудовъ, освѣщающихъ тѣ или иные эпизоды бурнаго времени 1807—1815 гг. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ интересны и для русскаго читателя.

кинуть Мадрида (напр. инфанта донъ-Франсиско), на улицахъ города вспыхнулъ открытый мятежъ. Разумѣется, Мюратъ, сперва ошеломленный нежданнымъ нападеніемъ, скоро справился съ толпами плохо вооруженныхъ горожанъ и черни... Правда, пострадало не мало французовъ, застигнутыхъ въ расплохъ, но Мюратъ жестоко за нихъ отомстилъ. По окончаніи уличной схватки, когда возстаніе было уже подавлено, Мюратъ разстрѣливалъ испанцевъ цѣлыми десятками, причемъ многіе изъ нихъ были и вовсе непричастны къ убійству французовъ [1]).

Байоннскія сцены и 2-ое Мая въ Мадридѣ — первый актъ обширной драмы въ старинномъ испанскомъ вкусѣ, съ соединеніемъ трагическихъ и комическихъ моментовъ; драмы, послѣдствіями которой Испанія живетъ еще и нынѣ. Мы не станемъ излагать всѣхъ перипетій и событій, разыгравшихся на пиренейскомъ полуостровѣ послѣ 2-го Мая 1808 г. и окончившихся въ 1814 г. водвореніемъ Фердинанда на родительскомъ престолѣ. Для цѣлей настоящей работы необходимо отмѣтить немногое.

---

[1]) Точное число жертвъ Мюрата 579 – 408 убитыхъ и 171 раненный. См. Pérez de Guzman y Gallo, ук. соч. 641—713. Geoffroy de Grandmaison, ук. соч. стр. 203—208 даетъ другія цифры: всѣхъ пострадавшихъ— убитыхъ и раненыхъ – около 300. 2-ое Мая увѣковѣчено на картинѣ знаменитого Гойи (Goya), которому принадлежатъ и другія произведенія кисти, относящіяся къ войнѣ за независимость. См. De la Viñaza, Goya, su tiempo, su vida, sus obras, стр. 102 (Madrid 1887). Перечисленіе всѣхъ историческихъ картинъ Гойи на событія 1807—1815 гг. можно найти у Valerian von Loga, Francisco de Goya, стр. 183—184 (Berlin 1903). О 2-мъ Мая см. Geoffroy de Grandmaison, стр. 189 и слѣд. Любопытныя мелочи есть у Alcalá Galiano, т. I, стр. 156—177. 2-ое Мая воспѣвали многіе поэты; оно же изображается въ одномъ изъ Episódios Nacionales Гальдоса, который, впрочемъ, не изъ лучшихъ романовъ этой обширной коллекціи.

Когда положеніе дѣлъ окончательно выяснилось, мы замѣчаемъ въ Испаніи слѣдующіе центры и системы силъ. Во-первыхъ—французы, т. е. армія, во главѣ которой стоятъ лучшіе маршалы Наполеона, и Жозефъ-Бонапартъ съ своими ближайшими приверженцами, какъ соотечественниками, такъ и испанцами. Роль этой системы не блестящая. У короля нѣтъ ни денегъ, ни подданныхъ, ни вліянія. Ему трудно удержаться въ столицѣ, да и самъ онъ, человѣкъ довольно миролюбивый, нелишенный, вдобавокъ, поэтическихъ вкусовъ, скучаетъ своей ролью, съ грустью вспоминая счастливые дни въ Неаполѣ. Не по себѣ и испанцамъ, которые передались на его сторону: они могли тяготиться старымъ порядкомъ, могли преслѣдовать личныя выгоды, переходя въ лагерь французовъ, но 2-ое Мая и взрывъ патріотизма всего народа поневолѣ заставили ихъ усумниться въ правотѣ своего дѣла[1]). Армія французовъ, привыкшая къ побѣдамъ, избалованная милостями фортуны, не стяжала въ Испаніи новыхъ лавровъ. Напротивъ, испанскій походъ—близкая параллель къ нашему двѣнадцатому году. Первая армія въ Европѣ терпитъ пораженія (Bailen, Albuera, Badajoz и др.), при осадѣ крѣпостей встрѣчается съ жестокимъ сопротивленіемъ (Сарагоса[2]), терпитъ голодъ и хо-

[1]) Въ числѣ такихъ усумнившихся и затѣмъ перешедшихъ на народную сторону былъ напр. José García de León y Pizarro, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ при Фердинандѣ VII. О немъ см. Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 246 и слѣд.

[2]) Sitio de Zarogoza—увлекательный романъ, входящій въ составъ Episódios Nacionales Гальдоса. Еще и теперь въ одной изъ варіацій арагонской хоты поется—

лодъ, подвергается постояннымъ преслѣдованіямъ гверильеровъ, ропщетъ и негодуетъ... [1]) Наконецъ, русскій походъ 1812 г., его мрачная развязка и отреченіе въ Fontainebleau освобождаютъ Испанію отъ французской тираніи и опеки.

Вторая система силъ—испанская армія. Ея роли въ дѣлѣ освобожденія родины не слѣдуетъ преувеличивать. Старый порядокъ, безсовѣстное управленіе Годоя, разстроивъ всѣ отрасли государственной жизни, привели въ упадокъ и вооруженныя силы народа... Въ 1808 г. передъ открытіемъ кампаніи испанская армія имѣла довольно жалкій видъ, которому соотвѣтствовали и ея внутреннія качества [2]). Плохо вооруженная, малочисленная, безъ талантливыхъ военачальниковъ—не легко ей было, не взирая на горячій патріотизмъ и жажду славы, бороться съ первоклассными войсками всесвѣтнаго героя. Учесть ея спеціальный вкладъ въ освободительную войну тѣмъ болѣе трудно, что съ августа 1808 г. въ политическую и военную игру вводится новая, третья система силъ. У Испаніи появляется союзница—

La Vírgen del Pilar dice
Que no quiere ser francesa,
Que quiere ser la capitana
De la tropa aragonesa.

[1]) Краткій очеркъ войны за независимость см. у Файфа, ук. соч. ч. I, главы VIII и IX, Reynald, Histoire de l'Espagne, стр. 45--85. (Paris 1873), Hubbard, ук. соч. т. I, стр. 25 и слѣд. Подробно и довольно скучно время 1807—1815 пересказано у A. Baumgarten'a. Новѣйшій капитальный, но еще не оконченный трудъ Charles Oman, A History of the peninsular War, Oxford 1902—1908. Три тома. На русск. яз. имѣется работа А. С. Трачевскаго, Исторія Испаніи въ XIX-омъ ст. М. 1872 г. Можно отмѣтить еще одну очень старую книгу Ѳ. Булгарина, Воспоминанія объ Испаніи, СПБ. 1823 г.—въ общемъ надежный очеркъ.

[2]) См. Charles Oman, т. I, стр. 89—102.

Англія, рука которой замѣтна рѣшительно во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, вплоть до безславнаго царствованія Фердинанда VII и похода герцога Ангулэмскаго въ 1823 г. Англичане справедливо гордятся своимъ участіемъ въ испано-французскихъ войнахъ начала XIX-го столѣтія: безъ ихъ помощи едва-ли бы Испанцы справились съ Наполеономъ. Почти всѣ пораженія французовъ, упомянутыя выше, достигнуты благодаря комбинаціи англійской и испанской армій, въ которой первую роль играли англичане, между прочимъ потому, что полководцемъ ихъ былъ даровитый и энергичный сэръ Артуръ Уэллеслей, впослѣдствіи знаменитый герцогъ Веллингтонъ [1]). Впрочемъ, слава Байленской капитуляціи (въ Іюлѣ 1808 г.), когда вся андалусская армія французовъ (около 23000 ч.) перешла въ руки врага—принадлежитъ исключительно испанцамъ [2]).

Конечно, всѣ симпатіи русскаго историка на сторонѣ четвертой системы силъ, на сторонѣ испанскаго народа, который въ тѣ дни заслуживалъ столько же удивленія, сколько жалости. Удивленія за

---

[1]) Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Россіи эпизодовъ англо-французскихъ войнъ въ Испаніи это—походъ сэра Джона Мура изъ Лиссабона въ Бургосъ (Октябрь 1808—Январь 1809), походъ неудачный для англичанъ, но не безславный. Муру не удалось добраться до Бургоса: преслѣдуемый Наполеономъ, онъ принужденъ былъ отступить къ Коруньѣ, гдѣ встрѣтился съ маршаломъ Сультомъ, разбилъ его, спасъ свою армію, но самъ палъ въ битвѣ... Кто изъ насъ не знаетъ стихотворенія Мура-Козлова—

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили?

О походѣ Мура, см. Ch. Oman, т. I, стр. 473 и слѣд.

[2]) См. Файфъ, ук. соч. стр. 190—191. Очень живое описаніе байленскихъ дней можно прочесть у Гальдоса въ Episódios Nacionales, въ романѣ того-же имени. См. еще Ch. Oman, ук. соч. т. I, стр. 176—206.

его героизмъ, преданность національнымъ идеаламъ, стойкость въ борьбѣ, презрѣніе къ смерти и выносливость. Жалости заслуживалъ онъ, потому что боролся за ничто, за фантомъ, за короля, который принялъ его жертву, но обманулъ его и унизилъ! Да и правители Испаніи, стоявшіе во главѣ дѣлъ отъ байленскихъ дней и до возвращенія Фердинанда, далеко не всѣ, какъ должно, оцѣнили народный энтузіазмъ и довѣріе! Въ Испаніи повторилась обычная исторія: неблагодарность оказалась на сторонѣ правителей, а не народа! То же черезъ нѣсколько лѣтъ произойдетъ въ Россіи...

Испанцы не желали ни французскаго ига, ни французскихъ благодѣяній. Они продолжали любить Фердинанда, видѣли въ немъ законнаго, желаннаго государя (el rey deseado), со страстнымъ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія на родину. Одна за другою провинціи вооружались противъ французовъ [1]). Безъ различія пола, возраста, сословія—

[1]) Это вооруженіе провинцій и возстаніе на общаго врага воспѣто Кинтаной (Quintana) въ извѣстной одѣ Al armamento de las provincias españolas contra los franceses (Іюль 1808). Въ послѣдней строфѣ между прочимъ стоитъ —

...España mande á sus leones
Volar rugiendo al alto Pireneo,
Y allí alzar el espléndido trofeo,
Que diga: „Libertad á las Naciones“.
Tal es, o pueblo grande, o pueblo fuerte,
El premio que la suerte
Á tu valor magnánimo destina.

См. Quintana, Obras completas, стр. 11 (B. A. Esp. т. XIX, Madrid 1867) Въ этихъ строкахъ вѣрная оцѣнка международнаго значенія испанскаго похода Наполеона. Вмѣстѣ съ 1812-ымъ годомъ онъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ гибели Наполеона. 1808-ой годъ—начало конца императорской эпопеи. Слова Кинтаны невольно напоминаютъ—

каждый несъ свою лепту къ алтарю народной свободы, готовъ былъ отдать жизнь и честь за счастье и благо родины [1]). Самое яркое проявленіе энтузіазма испанцевъ—партизанская война, т. н. guerillas, наводившія страхъ и ужасъ на французовъ [2]),

---

Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Порядокъ возстанія провинцій и городовъ былъ слѣдующій: 22-го Мая возстала Картахена, 23-го Мая—Валенсія провозгласила королемъ своимъ Фердинанда; 25-го Мая Астурія формально объявила войну Наполеону и отправила въ Англію пословъ просить помощи. 26-го Мая къ народному движенію присоединились Сантандéръ и Севилья, а черезъ четыре дня ихъ примѣру послѣдовали Корунья, Бадахосъ и Гранада. См. Geoffroy de Grandmaison, ук. соч. стр. 227 и слѣд.

¹) У Кинтаны читаемъ—

Fuego noble y sublime, ¿ á quién no alcanzas?
Lágrimas de dolor vierte el anciano,
Porque su debil mano
El acero á blandir ya no es bastante;
Lágrimas vierte el ternezuelo infante;
Y vosotras tambien, madres y esposas,
Tiernas amantes, ¿ qué furor os lleva
En medio de estas huestes sanguinosas?
Otra lucha, otro afan, otros enojos
Guardó el destino á vuestros miembros bellos,
Deben arder en vuestros negros ojós.
¿ Quereis, responden, darnos por despojós
Á esos verdugos? No: con pecho fuerte
Lidiando á vuestro lado,
Tambien sabremos arrostrar la muerte.
Nosotras vuestra sangre atajaremos;
Nosotras dulce galardon seremos.

Guerrillas были узаконены декретомъ Центральной Хунты (см. ниже, стр. 20) отъ 28-го Дек. 1808 г., но партизанскій способъ войны практиковался въ Испаніи гораздо раньше, задолго до Наполеона, такъ что правительство лишь санкціонировало старинный народный пріемъ.

Guerrillas были знакомы обитателямъ Испаніи еще въ римскую эпоху. См. Lafuente de Alcántara, Historia de Granada, т. I, стр. 52—53 (Paris, 1852). То же повторяется и во времена арабовъ; см. исторію Омара Ибн-Гафсуна, мастерски разсказанную Dozy въ его Histoire des musulmans en Espagne, т. II, стр. 175 (Leyde 1861) и слѣд.; 190 и слѣд.

самый славный моментъ въ борьбѣ за независимость родины — геройская защита Сарагосы, которая сдалась французамъ только послѣ вторичной упорной осады [1]). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что регулярныя арміи—англійская и испанская—широко воспользовались помощью партизанскихъ guerillas, что французскіе батальоны пѣхоты и отряды конницы таяли всего больше отъ мѣткихъ выстрѣловъ и кинжальныхъ ударовъ гверильеровъ.

Менѣе утѣшительную картину представляетъ сфера, въ которой развивала свою энергію пятая система силъ и интересовъ. Мы разумѣемъ правителей Испаніи, къ которымъ, за отсутствіемъ Фердинанда, перешла власть сперва только распорядительная, а потомъ творческая, поскольку она касалась реформированія государственной жизни Испаніи. Здѣсь, не смотря на то, что врагъ занималъ добрую половину страны, не было полнаго единодушія, шла личная или партійная борьба, сталкивались эгоистическіе разсчеты, здѣсь сражались за преобладаніе и будущность несогласимыя политическія міросозерцанія. Говоря короче, шелъ горячій споръ, кому принадлежитъ вѣдать судьбою родины—консерваторамъ или либераламъ, при чемъ за вспышками мелочной

Guerrillas рекомендуются и въ Las siete partidas Альфонса Мудраго. См. Baumgarten, ук. соч. стр. 358—359. О Гверильяхъ см. интересныя и живыя подробности у Ѳ. Булгарина, ук. соч. стр. 41 и слѣд.

1) Іюнь 1808 г.—Январь 1809. Штурмъ Сарагосы, рѣшившій ея участь—27-го Января. Капитуляція Сарагосы—20-го февраля 1809 г. Подробности см. Ch. Oman, ук. соч. т. I, стр. 140 и слѣд., т. II, стр. 90 и слѣд. При первой осадѣ значительную часть французской арміи составляли польскіе полки.

злобы, за шумомъ громкихъ фразъ порою забывались истинныя потребности времени и страны. То же увидимъ и въ эпоху реставраціи Фердинанда. Этотъ уголъ картины самый непривлекательный, но для полноты впечатлѣнія не должно забывать, что онъ существуетъ.

Борьба и соперничество развивались по нѣсколькимъ линіямъ. Наиболѣе важными факторами были Центральная Хунта, регентство и кортесы. Когда Испанія осталась безъ короля, правительственныя права и обязанности перешли къ т. н. Хунтамъ, которыя возникли почти во всѣхъ городахъ Испаніи. Однако, эти мѣстныя, провинціальныя „правительства", которыя очень часто вступали въ пререканія одно съ другимъ, не представляли единства страны, такъ что, со всѣхъ точекъ зрѣнія, необходима была одна центральная хунта. Долго сопротивлялась ея созыву вліятельная Севилья, но, наконецъ, въ Сентябрѣ 1808 г. все же образовалась „Верховная и Центральная Хунта Испаніи и Индіи" (Junta suprema central gubernativa de España y Indias [1]) Къ сожалѣнію, ея членамъ не удалось стать на надлежащую высоту, понять, что́ именно было необходимѣе всего въ тѣ трудные дни. Они не съумѣли въ достаточной мѣрѣ организовать военныхъ силъ страны, не съумѣли или не захотѣли своевременно провести реформы государственнаго порядка, б. ч. вполнѣ умѣренныя, подготовленныя общественнымъ мнѣніемъ страны.

---

[1]) Baumgarten, ук. соч. I, стр. 311 и Ch. Oman, т. I, стр. 342—367 и 630.

Своей боязливостью и консерватизмомъ Центральная Хунта въ значительной степени обусловила крайности испанскихъ радикаловъ и либераловъ, которыя обнаружились уже въ эпоху наполеоновской войны и еще ярче во времена реставраціи. А между тѣмъ и въ лояльной, католической Испаніи было достаточно сторонниковъ просвѣтительныхъ идей XVIII-го ст., много afrancesados, которые таились во дни Карла IV и Годоя, а теперь возвысили голосъ, усматривая въ крушеніи Испаніи доказательство того, что по прежнему дальше жить нельзя, что уничтоженіе стараго порядка неизбѣжно.

Центральная Хунта, избравшая своимъ мѣстопребываніемъ Севилью и обнаруживавшая ребяческую страсть къ помпѣ и мишурному блеску, которыми старательно окружала себя, 22-го Мая 1809 г. все-же издала декларацію о созывѣ кортесовъ, древняго національнаго парламента Испанцевъ, уже давнымъ давно не собиравшагося, но еще не забытаго народомъ. Этимъ кортесамъ и суждено было стать ареной дѣятельности, блеска, а также, иной разъ, смѣшныхъ увлеченій либераловъ.

Согласно стариннымъ кастильскимъ законамъ кортесы состояли изъ трехъ сословій—духовенство, дворянство, города—которыя всѣ были представлены отдѣльно. Казалось-бы, что такой-же порядокъ слѣдуетъ избрать и теперь, но событія шли скорѣе тактики консервативной Хунты. Согласно ея рѣшенію, кортесы должны были собраться 1-го Марта 1810 г., и т. обр. былъ пропущенъ почти цѣлый годъ

въ теченіе котораго общее положеніе дѣлъ въ Испаніи значительно ухудшилось. Французы все глубже и глубже проникали въ страну, хунта стала чувствовать себя не безопасной въ Севильѣ, и 20-го Января 1810 г. ея члены начали готовиться къ переѣзду на небольшой островъ Леонъ (Isla de Leon), находящійся вблизи Кадиса и избранный новой резиденціей правительства. Между тѣмъ французы заняли Севилью, а въ Кадисѣ вспыхнулъ шумный мятежъ противъ Хунты, которая сдѣлала такъ мало для спасенія родины. Противъ Хунты соединились теперь всѣ силы—либералы, упорные приверженцы стараго порядка, не желавшіе никакихъ реформъ, и городская чернь... Хунта уступила и 30-го Января 1810 г., передала власть въ руки регентства изъ пяти лицъ [1]). Регентству, которое стремилось продолжать консервативную и бездарную политику Хунты, удалось оттянуть созывъ кортесовъ до 24-го Сентября 1810 г., но когда они, наконецъ, были открыты [2]), то это были уже не древніе кортесы съ

---

[1]) Вскорѣ послѣ открытія кортесовъ эти пять регентовъ были смѣщены и замѣнены тремя. Подробности см. у Baumgarten'a, т. I, стр. 284 и слѣд.; 413 и слѣд.; и Ch. Oman, т. III, стр. 518.

[2]) Первоначально засѣданія происходили на островѣ Леонѣ, расположенномъ въ шести миляхъ отъ Кадиса, въ мѣстномъ театрѣ. Въ 1811 г. кортесы перенесли свою дѣятельность въ Кадисъ, гдѣ и засѣдали (въ церкви San Felipe de Neri) уже до конца, до выработки „испанской" конституціи. Преобладаніе либеральныхъ тенденцій въ кортесахъ 1810—1812 гг. не вполнѣ соотвѣтствовало настроенію страны. Численное превосходство либеральныхъ депутатовъ объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что представители провинцій, занятыхъ французами, были набраны на мѣстѣ, въ Кадисѣ, центрѣ и очагѣ прогрессивной политики, изъ тѣхъ Астурійцевъ, Каталанцевъ, Арагонцевъ и т. д., которые находились въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, возможно, при желаніи, оспаривать законность полномочій у значи-

тремя сословіями, а парламентъ съ одной палатой, состоявшей б. ч. изъ людей горячихъ, убѣжденныхъ либераловъ, знавшихъ, по ихъ мнѣнію, какъ спасти родину, страстныхъ патріотовъ, которые рѣшили, во чтобы то ни стало, провести свои политическія программы въ жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, первымъ ихъ актомъ было провозглашеніе верховной власти народа, вторымъ—объявленіе свободы печати [1]).

Работа кортесовъ выразилась прежде всего въ цѣломъ рядѣ распоряженій и декретовъ, которые отвѣчали насущнымъ потребностямъ минуты—впрочемъ, далеко не всегда удачно — или уничтожали вопіющія несправедливости стараго порядка (напр. декретъ 6-го Августа 1811 г., отмѣнявшій феодальныя права сеньоровъ съ передачей нѣкоторыхъ изъ нихъ коронѣ). Но, главнымъ образомъ, представители народа занимались устроеніемъ родины на широкихъ началахъ либеральнаго, конституціоннаго режима. Въ ихъ пожеланіяхъ, проэктахъ и постановленіяхъ сливались отголоски англійскаго государственнаго права, вѣянія французской революціи, отзвуки родной старины, до Габсбурговъ, обыкновенно идеализованные. Давала себя чувствовать и та разруха, которую переживала Испанія: король на чужбинѣ, во власти враждебнаго государя, города, села и поля отечества, занятые французами и т. п.—все

тельнаго количества депутатовъ. Обо всемъ этомъ см. подробнѣе Baumgarten, т. I, стр. 500 и слѣд.; Hubbard, т. I, стр. 91 и слѣд. Интересныя данныя см. также у Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 267 и слѣд., и Ch. Oman, т. III, стр. 505 и слѣд.

[1]) Файфъ, ук. соч. стр. 224.

это неизбѣжно должно было выразиться въ излишней напряженной недовѣрчивости тѣхъ или иныхъ параграфовъ созидавшейся конституціи...

Какъ бы то ни было, работы по переустройству Испаніи были закончены только въ Январѣ 1812 г.: явилась знаменитая конституція 12-го г., испанская конституція, боевой кличъ многихъ революціонныхъ движеній въ эпоху реставраціи. Сущность ея сводилась къ слѣдующему. Источникъ всякой власти народъ. Государственная религія — римскій католицизмъ; прочіе культы не допускаются. Исполнительная власть принадлежитъ наслѣдственному монарху, который пользуется правомъ относительнаго veto. Онъ же назначаетъ министровъ, которые отвѣтственны передъ кортесами. При королѣ состоитъ государственный совѣтъ, члены котораго назначаются королемъ, но изъ тройного числа кандидатовъ, указанныхъ кортесами. Власть законодательная осуществляется кортесами, которые образуютъ одну палату. Правомъ избранія пользуется каждый испанецъ, достигшій 25 лѣтъ отъ роду, живущій въ своей провинціи не менѣе семи лѣтъ и отвѣчающій опредѣленному денежному цензу. Выборы повторяются черезъ два года. Способъ избранія трехстепенный— приходъ, уѣздъ, провинція. Никто не можетъ быть членомъ въ двухъ послѣдовательныхъ кортесахъ. Званіе депутата несовмѣстимо съ коронною службой. Кортесы собираются каждый годъ, но засѣданія ихъ длятся только два мѣсяца. Остальное время года кортесы представлены въ столицѣ т. н. постоянной де-

путаціей, такъ что народъ никогда не лишенъ возможности тщательно наблюдать за ходомъ дѣлъ. Муниципальное управленіе всецѣло построено на избирательномъ и автономномъ началѣ. Военная служба обязательна для каждаго гражданина. Кромѣ арміи въ каждой провинціи имѣется гражданская милиція, верховная власть надъ которой въ рукахъ кортесовъ. Наконецъ, никакое измѣненіе конституціи не можетъ быть предпринято раньше, чѣмъ черезъ 8 лѣтъ со времени ея опубликованія [1]).

---

[1]) Не наше дѣло входить въ разборъ и критику испанской конституціи, тѣмъ болѣе, что слабыя стороны ея давно отмѣчены историками. Онѣ бросаются въ глаза: однопалатная система—источникъ постоянныхъ столкновеній между королемъ и народомъ, какъ то и случилось послѣ реставраціи Фердинанда VII; ничтожная роль короля, который лишенъ абсолютнаго veto, безъ разрѣшенія кортесовъ не можетъ жениться или выѣхать изъ страны; правительство подъ зоркимъ наблюденіемъ *депутаціи*; фанатическая преданность буквѣ закона, ставившая серьезныя препятствія улучшенію и развитію конституціи и т. д. См. Reynald, Histoire de l'Espagne, стр. 80 Baumgarten, т. I, стр. 530—538. и Н. И. Карѣевъ. Происхожденіе современнаго народноправового государства, СПб. 1908, стр. 218—219. Болѣе подробныя свѣдѣнія о ходѣ дебатовъ при выработкѣ конституціи см. въ классическомъ трудѣ Графа Toreno, Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España, стр. 383 и слѣд (B. A. Esp. т. LXIV, Madrid, 1872).

III.

Въ Испаніи еще и нынѣ, почти во всякомъ городѣ, есть площадь, называемая площадью конституціи (Plaza de la Constitucion) — все это въ память Кадиса и дѣятелей 1812 года... Однако, было бы ошибочно думать, что даже тогда, въ пору зачатія и рожденія основныхъ законовъ, у нихъ были только защитники, панегиристы и поклонники. Нѣтъ, еще до возвращенія Фердинанда VII въ 1814 г., въ Испаніи обнаружились большіе запасы народныхъ силъ, готовыхъ стать подъ знамена стараго уклада жизни, а слѣдовательно противъ всякихъ конституцій и ограниченій абсолютной власти монарха [1]).

И ряды такихъ враговъ либеральнаго режима пополнялись не только грандами, дворянствомъ, высшимъ духовенствомъ, вліянію и богатству которыхъ конституція 12-го г. наносила чувствительный ударъ, но и людьми, вполнѣ безкорыстно преданными старинѣ — сельскими священниками, земледѣльцами, частью арміи и т. д. Словомъ, раболѣпные (serviles), какъ величали либералы своихъ политическихъ про-

[1]) Ch. Oman. ук. соч. т. III, стр. 515.

тивниковъ, начали роптать, приступили къ оппозиціи еще во время кортесовъ въ Кадисѣ, когда создалась и самая кличка ихъ [1]). Эта оппозиція проявилась уже на засѣданіяхъ, по цѣлому ряду вопросовъ, въ особенности вокругъ и около декрета, уничтожавшаго инквизицію [2]).

И несомнѣнно, иногда новая Испанія относилась къ старой черезчуръ сурово и несправедливо, что и было одной изъ причинъ, почему удалась реакція Фердинанда VII-го [3]).

Съ 1808 г. по 1814 г. этотъ государь безъ подданныхъ и безъ короны провелъ во Франціи, въ почетномъ плѣну, которымъ, повидимому, ни мало не тяготился [4]). Паденіе Наполеона развязало ему руки, и онъ поспѣшилъ въ Испанію. Начинается пора реставраціи, время пышныхъ фразъ, которыми одинаково искусно сыпали и король, и его противники самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, время, когда и народъ, идеальные порывы котораго не находили болѣе ни надлежащихъ руководителей, ни потребной пищи, принимался мало по малу, подъ покровомъ принциповъ, грабить и убивать, вершить разрушительную, антикультурную работу. Это было время, когда король игралъ недостойную комедію, то грозилъ кулакомъ, то униженно кланялся и от-

---

[1]) Servil—игра словъ: 1) раболѣпный 2) подлое существо — ser vil. См. Baumgarten, т. I. стр. 529.

[2]) Тамъ-же, стр. 559 и слѣд.; 568—569. Декретъ объ уничтоженіи инквизиціи 22-го февр. 1811 г.

[3]) Baumgarten, т. II, стр. 5—6.

[4]) Тамъ-же, т. I стр. 218—219. и А. С. Трачевскій, стр. 231—232.

ступалъ, обманывалъ и хитрилъ, когда министры и депутаты изливали цѣлые потоки краснорѣчія и не умѣли реорганизовать армію, поддержать въ ней дисциплину, спасти страну отъ финансоваго краха, мужественно встрѣтить врага, который въ 1823 г. явился наводить порядокъ въ Испаніи. Это были долгіе годы, когда совершался убійственный для Испаніи процессъ отпаденія ея американскихъ колоній [1]), когда солдаты и офицеры бунтовали и говорили зажигательныя рѣчи въ кафе и въ театрахъ, когда воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ заговоровъ, патріотическихъ обществъ—явныхъ и тайныхъ [2])—и pronunciamento, когда правительство трепетало передъ каждымъ клубнымъ ораторомъ и болтуномъ.

---

[1]) Подробности см. у. Hubbard'а, удѣляющаго исторіи эмансипаціи Южной Америки нѣсколько главъ своей работы.

[2]) Объ этихъ чрезвычайно интересныхъ моментахъ періода реставраціи и революціи см. Alcalá Galiano, Recuerdos de un anciano Madrid 1890, стр. 208 и слѣд.; особенно, стр. 328—420. Тайныя общества ведутъ свое начало отъ масоновъ, ложи которыхъ были основаны кое-гдѣ въ Испаніи офицерами Наполеоновской арміи. Ложи масоновъ долгое время популярностью не пользовались: мѣшало ихъ иностранное происхожденіе. Съ 1816 г. масонство переходитъ въ руки испанскихъ либераловъ и конституціоналистовъ, пріобрѣтаетъ политическую окраску, эмансипируется отъ вліянія французскихъ братствъ и начинаетъ играть весьма видную роль въ освободительномъ движеніи. Революція 1820 г.—дѣло испанскихъ масоновъ. Кромѣ масоновъ были въ промежутокъ 1820—1823 г.г. еще два тайныхъ, общества, comuneros и карбонаріевъ. Значеніе вторыхъ ничтожно, первые отличались непримиримымъ радикализмомъ и враждовали съ масонами. Явныя общества носили названіе патріотическихъ (sociedades potrióticas), они держали свои собранія или митинги въ кафе наиболѣе крупныхъ городовъ Испаніи; лица, выступавшія съ рѣчами въ этихъ собраніяхъ, назывались ораторами (oradores). Въ Мадридѣ были два знаменитыхъ патріотич. общества: Lorencini, Fontana de oro — имена двухъ популярныхъ кафе.

Самый ходъ событій, приведшихъ въ 1823 г. къ вооруженному вмѣшательству Франціи, былъ приблизительно таковъ. 25-го Сентября 1813 г. въ Кадисѣ открылись засѣданія кортесовъ, созванныхъ уже согласно конституціи 12-го года. Среди депутатовъ, на этотъ разъ, не было прежняго одушевленія, либерализмъ нѣсколько пріуныль, и, напротивъ, консервативныя тенденціи поднимали голову. Чувствовалось приближеніе новаго времени, начинала сказываться ошибка конституціи 1812 г., въ силу которой никто не могъ быть членомъ двухъ послѣдовательныхъ кортесовъ. Опытные бойцы 1810—1812 гг. только временно сохранили свои полномочія, пока не прибудутъ изъ всѣхъ избирательныхъ округовъ новые представители [1]). Ранней весною 1814 г. Фердинандъ вернулся въ Испанію. Послѣ довольно продолжительныхъ колебаній, успокоенный увѣреніями своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и раболѣпныхъ членовъ кортесовъ [2]), будто народъ горой стоитъ за абсолютную монархію, въ иныхъ городахъ присутствуя при сценахъ уличныхъ волненій, которыя еще болѣе укрѣпляли его въ этой мысли, Фердинандъ 4-го Мая 1814 г. отмѣнилъ конституцію 1812 года и объявилъ регулярные кортесы закрытыми. Ему хотѣлось, какъ онъ выразился въ манифестѣ, чтобы самое суще-

---

[1]) Baumgarten, т. I, 582—583 и II, стр. 8 и слѣд.

[2]) Эти послѣдніе (въ количествѣ 69 человѣкъ) подали Фердинанду адресъ съ всеподданѣйшей просьбою о возстановленіи старой Испаніи. Адресъ начинался словами: въ обычаѣ древнихъ Персовъ было проводить въ анархіи 5 дней послѣ смерти ихъ повелителя". Съ тѣхъ поръ раболѣпныхъ охотно называли Персами. См. Baumgarten т., II, стр. 37—38.

ствованіе всего того, что совершилось въ его отсутствіе, считалось какъ-бы не бывшимъ. Само собою разумѣется, что, помимо конституціи, всякіе декреты и постановленія кортесовъ, и первыхъ и вторыхъ, были объявлены неимѣющими никакой силы [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, по приказу короля, были арестованы, брошены въ темницы и преданы суду наиболѣе видные изъ депутатовъ перваго и второго созывовъ, вожди либераловъ, наивно полагавшіе, что Фердинандъ долженъ начать свою дѣятельность на родинѣ клятвеннымъ обѣщаніемъ соблюдать конституцію (декретъ кортесовъ отъ 2-го фев. 1814 г.). Суды почти всегда оправдывали депутатовъ за которыми, и въ самомъ дѣлѣ, не было никакой вины. Тѣмъ не менѣе король не остановился и въ Маѣ 1815 г. самовольно приговорилъ «виновныхъ» къ различнымъ наказаніямъ: къ тюремному заключенію, денежнымъ штрафамъ, изгнанію и т. д. [2]).

---

[1]) См. Hubbard, ук. соч. т. II, стр. 260—263. Надо, однако, замѣтить что декретъ 4-го Мая нѣкоторое время оставался необнародованнымъ: Фердинандъ все-таки побаивался!

[2]) Baumgarten, т. II, стр. 73—77. Тщетно заступались за либераловъ представители европейскихъ державъ, въ частности русскій посолъ Татищевъ, человѣкъ чрезвычайно ловкій, которому удавалось иногда пріобрѣтать при мадридскомъ дворѣ большое вліяніе въ ущербъ англійскимъ дипломатамъ. Совѣты Татищева были обыкновенно весьма благоразумны: онъ постоянно указывалъ Фердинанду на опасность необузданной реакціи, на необходимость принимать въ разсчетъ духъ времени. Имп. Александру I очень хотѣлось втянуть Испанію въ сферу русской политики, конечно, поскольку это согласовалось съ программой Священнаго Союза. Испанская революція 1820 г. окончательно заставила Александра отвернуться отъ либеральныхъ мечтаній молодости и вооружила противъ Испаніи. Престижъ Россіи сильно пошатнулся въ Испаніи еще раньше, именно въ 1818 г., когда русское правительство прислало въ Кадисъ цѣлую эскадру на помощь противъ возмутившихся американскихъ колоній, при чемъ бо́льшая часть кораблей оказалась негодными къ далекому, океанскому плаванію. Въ свое время это произвело большой скандалъ въ Европѣ и очень

По всей линіи было дано повелѣніе играть назадъ, Испаніи предписывалось вернуться къ порядкамъ, господствовавшимъ до 1808 г. Возстановлена была инквизиція, на высшія должности выдвигались личности ничтожныя, ветерановъ наполеоновскихъ войнъ, людей, въ самомъ дѣлѣ преданныхъ родинѣ и королю, затирали, лишали всякаго вліянія. Хорошо жилось только духовенству, власть котораго достигла громадныхъ размѣровъ, да придворной камарильѣ, почти безконтрольно распоряжавшейся королемъ и дѣлами правленія.

Народъ, низшіе классы населенія, едва ли улавливали истинный смыслъ происходившаго. Желанный король возвратился въ отечество, коварный врагъ бѣжалъ во свояси, истинная религія—въ лицѣ священниковъ и монаховъ—торжествовала... Чего же еще было требовать лояльному испанцу? Къ экономической нищетѣ, къ притѣсненіямъ чиновниковъ онъ привыкъ и выносилъ ихъ довольно терпѣливо. Поэтому въ драмѣ 1814—1823 г.г. народъ долгое время безмолвствуетъ. Когда же онъ заговоритъ, то голосъ его, главнымъ образомъ, будетъ звучать не въ защиту конституціи, а за вѣру, короля и отечество! Изъ простонародья вѣдь составлялись т. н. апостолическія банды (los apostólicos), эта твердая опора абсолютизма! Да и болѣе подвижная городская чернь отъ поры до времени высказывала

осрамило русскихъ. См. Baumgarten, т. II, стр. 156 и слѣд.; 181, 197, 201; см. также Hubbard, т. I, стр. 338—339,—и José Garcia de Leon y Pizarro, Memorias, т. II, стр. 155 и слѣд. т. III, стр. 427 и слѣд. (Madrid 1894—1897).

чувства, которыя далеко не свидѣтельствовали объ ея симпатіяхъ конституціонному режиму [1]). Впрочемъ, когда будетъ нужно, вожди освободительнаго движенія выдадутъ крики городской толпы за голосъ страждущаго и мстящаго народа!

Но покорность народной массы далеко не раздѣлялась арміей. Правда, и здѣсь были абсолютисты, напр. королевская гвардія, часто игравшая жалкую, унизительную роль [2]). Но значительное большинство военныхъ, безъ различія чиновъ и званій, роптало на Фердинанда, и этотъ ропотъ выразился въ длинномъ рядѣ pronunciamentos, приведшихъ къ революціи 1820 г. Строго говоря, у Фердинанда и его правительства почти не было своей арміи. Королемъ и системой, которую онъ воплощалъ, были недовольны солдаты и офицеры, отличившіеся въ эпоху первыхъ кортесовъ: среди нихъ отмѣна конституціи была встрѣчена съ полнымъ неодобреніемъ. Понятно, что они казались Фердинанду подозрительными! Далѣе, Фердинандъ не нашелъ нужнымъ наградить и приблизить къ себѣ вождей guerrillas или тѣхъ военныхъ, которые, сражаясь съ Наполеономъ, доказали свою вѣрность. И ихъ онъ не считалъ надежными! Такимъ образомъ, онъ съ самаго начала оттолкнулъ отъ себя и либеральные, и консервативные элементы военнаго сословія. Къ этому надо прибавить общія причины недовольства, которыя одинаково тяготѣли

---

[1]) См. Hubbard, т. I, стр. 257—262. и Alcalá Galiano, Memorias. т. II, стр. 88.

[2]) Какъ напр. въ волненіяхъ лѣтомъ 1822 г. См. Hubbard, т. I. стр. 91 и слѣд.

надо всѣми. Солдаты и матросы цѣлыми годами не получали жалованья и нерѣдко относились къ своей службѣ съ ненавистью. Правительству стоило неимовѣрныхъ усилій снаряжать тѣ небольшіе отряды, которые оно отъ поры до времени посылало въ Южную Америку [1]). Дезертирство солдатъ стало обычнымъ явленіемъ. Голодные, оборванные они представляли превосходный горючій матеріалъ для любого pronunciamiento. Испанская революція 1820 года и есть,по преимуществу, военная революція, такъ какъ кортесы, подъ давленіемъ необходимости, созванные Фердинандомъ, открылись только 26-го Іюня 1820 г. Роли военныхъ и депутатовъ распредѣляются такъ, что первые создаютъ революцію, вторые неумѣлой политикою доводятъ страну до вмѣшательства французовъ.

Не успѣлъ Фердинандъ вернуться на родину, какъ вспыхнуло первое pronunciamiento. Это была неудачная попытка Порлье (Porlier), одного изъ извѣстнѣйшихъ вождей народнаго движенія противъ Наполеона въ Галисіи и Астуріи. При Фердинандѣ онъ былъ лишенъ званія фельдмаршала и приговоренъ къ четырехлѣтнему заключенію въ крѣпости Корунья (Coruña). Однако, ему удалось освободиться, и 18-го Сентября 1815 г. онъ поднялъ знамя возстанія въ Коруньѣ. Въ своемъ манифестѣ Порлье, оставляя въ сторонѣ личность короля,

---

[1]) Дѣло дошло до того, что въ Іюлѣ 1816 г. былъ изданъ королевскій приказъ—въ одну назначенную ночь схватить всѣхъ нищихъ и бродягъ въ Мадридѣ и другихъ большихъ городахъ и записать ихъ въ солдаты. Baumgarten, т. II, стр. 175.

обвинялъ его совѣтниковъ въ уничтоженіи конституціи и во всѣхъ тѣхъ обидахъ, которыя были причинены Испаніи, столь блестяще и такъ недавно доказавшей свою лояльность и любовь къ престолу. Удалить этихъ злыхъ совѣтниковъ, этихъ измѣнниковъ короля и родины, не удавалось никакимъ мирнымъ способомъ. Оставался только одинъ—возстаніе, къ которому Порлье и призываетъ согражданъ. Цѣль предпріятія—созывъ представителей народа, избранныхъ согласно конституціи 1812 г. [1]). Какъ уже сказано, попытка Порлье не имѣла серьезнаго успѣха, и онъ окончилъ свою жизнь на висѣлицѣ (2-го Окт. 1815 г. [2]).

Однако, печальный конецъ бывшаго фельдмаршала не остановилъ приверженцевъ свободы, тяготившихся абсолютнымъ режимомъ. Одно за другимъ слѣдовали въ различныхъ городахъ Испаніи pronunciamientos, которые долгое время не достигали цѣли. Такъ къ Февралю 1816 г. относится заговоръ Ришара (Richart), мадридскаго адвоката, повидимому, имѣвшій цѣлью покончить съ самимъ королемъ и его братомъ, Донъ-Карлосомъ [3]). Въ Апрѣлѣ 1817 г. генералы Lacy и Milans пытались было устроить

---

[1]) Baumagrten, т. II, стр. 125—127.

[2]) Тамъ-же, стр. 131.

[3]) Этотъ заговоръ, въ которомъ были замѣшаны и военные, называется иногда заговоромъ треугольника (triángulo), потому что заговорщики образовали тройки съ тою цѣлью, чтобы каждый былъ извѣстенъ лишь двумъ другимъ членамъ, съ которыми и составлялъ одну тройку. По другимъ свѣдѣніямъ, заговорщики не имѣли въ виду убить короля и инфанта, а только завладѣть ихъ особами и заставить короля поклясться конституціи. См. Hubbard, т. I, стр. 305—306 и Baumgarten, т. II, стр. 151—152.

новое pronunciameinto, на этотъ разъ въ Каталоніи, конечно, съ обычною цѣлью—возстановить конституцію. Былъ уже назначенъ день, когда слѣдовало открыть дѣйствія, но среди заговорщиковъ нашлись измѣнники, и Lacy, какъ главный виновникъ, былъ отправленъ на Майорку, гдѣ его разстрѣляли. [1]) Ничего не вышло и изъ слѣдующаго pronunciamiento, въ Валенсіи, въ концѣ 1818 г., когда заговорщики, во главѣ которыхъ стояли Донъ-Діего Калатрава и Видаль, покушались захватить одного изъ злѣйшихъ клевретовъ Фердинанда VII, валенсіанскаго генералъ-губернатора Эліо [2]).

Такъ дошло время до достопамятнаго Января 1820 г., въ самый первый день котораго и состоялось удачное, прогремѣвшее на цѣлый свѣтъ, pronunciamiento Ріего и Кироги.

Въ арміи, собранной въ Кадисѣ и назначенной къ отправкѣ въ Америку, было особенно много недовольныхъ. Къ общимъ причинамъ враждебнаго отношенія къ правительству, на которыя указано выше [3]), нужно присоединить еще и то обстоятельство, что солдаты и офицеры одинаково не хотѣли попасть въ Америку, зная всѣ трудности войны при тамошнихъ условіяхъ. Кадисъ, свободолюбивый и прежде, теперь окончательно сталъ центромъ, откуда лучи либеральныхъ и революціонныхъ стремленій расходились во всѣ стороны. Агитаторы, зная, что

---

[1]) О трагическихъ обстоятельствахъ его смерти см. Hubbard, т. I, стр. 341—342.

[2]) См. тамъ-же, стр. 370—371 или Baumgarten, т. II, стр. 232.

[3]) См. выше, стр. 32—33.

въ арміи ропотъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, старательно вели пропаганду среди солдатъ и офицеровъ. На тайныхъ собраніяхъ говорили пламенныя рѣчи, призывали къ свободѣ, къ защитѣ священныхъ правъ націи, произносили панегирики въ честь конституціи 1812 г., этого величайшаго созданія человѣческой мысли [1]).

Среди либеральныхъ офицеровъ выдвинулись Рафаэль Ріего, въ то [время командовавшій Астурійскимъ батальономъ, и полковникъ Кирога, намѣченный въ вожди національной арміи. Впрочемъ, не онъ, а именно Ріего сдѣлался истиннымъ героемъ и, въ концѣ концовъ, жертвою возстанія 1820 г. И оно, какъ всѣ предыдущія, имѣло своимъ девизомъ—свободу. Ріего, родомъ изъ Астуріи, еще въ эпоху Наполеона доказавшій свою храбрость, человѣкъ горячій, склонный къ необдуманнымъ рѣшеніямъ, любитель эффектныхъ фразъ и жестовъ, жадный до аплодисментовъ толпы, вдобавокъ мало образованный [2]), въ самый первый день новаго года, въ мѣстечкѣ Las Cabezas de San Juan, близъ Кадиса, собравъ ввѣренный ему отрядъ, провозгласилъ конституцію 1812 г. [3]). Начало было хорошее, но очень скоро обстоятельства повернулись противъ заговорщиковъ. Прежде всего, населеніе Las Cabezas и

[1]) См. Baumgarten, т. II, стр. 237—238. Подробности въ мемуарахъ Alcalá Galiano, т. I, главы XXVIII и слѣдующія (до конца тома) и у него-же, Recuerdos de un anciano, Madrid 1890, стр. 207- 290.

[2]) Baumgarten, т. II, стр. 247 и Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 478—479.

[3]) Hubbard, т. II, стр. 8.

большинства мѣстностей вокругъ Кадиса, куда проникла вѣсть о pronunciamiento, осталось безучастно къ предпріятію Ріего и его батальона: оно имъ не мѣшало, но и не содѣйствовало[1]). А кромѣ того, другой изъ вождей возстанія, Кирога, оказался гораздо менѣе энергичнымъ, чѣмъ Ріего. Правда, ему удалось захватить островъ Леонъ (Isla de Leon), но затѣмъ онъ замѣшкался, законныя власти въ Кадисѣ успѣли приготовиться къ защитѣ, и всѣ попытки революціонеровъ проникнуть въ этотъ оживленный и богатый городъ, несомнѣнно имъ сочувствовавшій, ни къ чему не привели. Комендантъ форта La Cortadura, защищающаго Кадисъ съ суши, донъ Луисъ Фернандесъ Кордова остался вѣренъ королевскому правительству, благодаря чему рушилась надежда Кироги, что ему удастся соединиться съ руководителями и сторонниками революціи, находившимися въ самомъ Кадисѣ (Алькала́ Галіано, Вальесой, Мендисабалемъ и др. [2]).

Однако, послѣ этой неудачи Ріего духомъ не палъ. Если Кадисъ остался недоступнымъ, то, быть можетъ, друзья и защитники свободы, казалось, повсюду разсѣянные на югѣ Испаніи, поднимутъ голову, станутъ за правое дѣло, какъ только увидятъ Ріего и его храбрыхъ товарищей! И вотъ Ріего съ своей колонной, въ которой было 1500 человѣкъ пѣхоты и 40—конницы, совершилъ свой трагикомическій походъ по Андалусіи, тщетно мечтая вызвать энту-

---

1) Baumgarten, т. II, стр. 254, 259—260.
2) Hubbard, т. II, стр. 3.

зіазмъ и возстаніе. Альхесирасъ, Málaга, Ронда, Kóрдова, Бельмесъ и Эспіэль—нигдѣ въ этихъ городахъ и селахъ, нигдѣ не нашелъ онъ сочувствія! Еще мало кто вѣрилъ въ дѣло свободы, власть Фердинанда VII представлялась несокрушимой! Небольшая армія Ріего таяла съ каждой минутой, съѣстные и военные припасы истощались, въ иныхъ мѣстахъ ее тѣснили правительственныя войска. Ріего повѣрилъ, что время свободы еще не наступило, и, перебравшись въ Эстремадуру, сопутствуемый только 45 солдатами, 11-го Марта 1820 г. онъ распустилъ своихъ товарищей на всѣ четыре стороны [1]).

Но если Ріего полагалъ, что дѣло свободы проиграно, онъ ошибался. Его примѣръ нашелъ множество подражателей въ другихъ городахъ Испаніи. За pronunciamiento въ Las Cabezas de San Juan послѣдовалъ цѣлый рядъ мятежныхъ вспышекъ — въ Коруньѣ, Ферролѣ, Виго, Сарагосѣ и т. д. [2]). Этого было достаточно, чтобы испугать Фердинанда, который почувствовалъ, что тронъ подъ нимъ шатается. Правда, вначалѣ онъ мечталъ, что ему удастся вступить съ революціей въ какой-нибудь выгодный компромиссъ, обмануть и обойти ее, а затѣмъ, когда буря затихнетъ, вновь вернуться на старый путь. Для выясненія сущности переживаемаго момента онъ назначилъ диктаторскую хунту подъ предсѣдательствомъ донъ-Карлоса, поручилъ государственному совѣту выработать планъ неотложныхъ реформъ,

[1]) Hubbard, т. II, стр. 5—6.
[2]) Тамъ-же, стр. 7—8.

наконецъ, 6-го Марта издалъ декретъ о немедленномъ созывѣ кортесовъ. Но и въ этомъ послѣднемъ актѣ, который стоилъ ему больше всего, Фердинандъ хитрилъ и лицемѣрилъ: въ декретѣ ни слова не было сказано ни о времени созыва, ни о самомъ характерѣ кортесовъ. Никто не зналъ, что́ это будетъ: традиціонное ли собраніе старинной испанской монархіи или однопалатные кортесы согласно конституціи 1812 г. Понятно, что такія полумѣры никого не удовлетворяли, тайныя общества вели свою пропаганду, населеніе волновалось извѣстіями съ юга, крайне преувеличивая значеніе похода Ріего. 7-го Марта 1820 г. на центральной площади Мадрида, Puerta del Sol, собралась громадная толпа народа и двинулась ко дворцу, чтобы заставить Фердинанда признать конституцію. Король окончательно испугался и, въ данномъ случаѣ вылитый портретъ своего родителя Карла IV, 9-го Марта поклялся на вѣрность испанской конституціи. Объ этомъ событіи было возвѣщено населенію Испаніи манифестомъ, составленнымъ въ самыхъ лицемѣрныхъ выраженіяхъ [1]. Само собою разумѣется, что ни о какомъ преслѣдованіи Ріего и другихъ дѣятелей его лагеря не могло быть рѣчи: напротивъ, они были провозглашены національными героями, спасителями отечества, и вскорѣ заняли отвѣтственныя должности.

Но политическая атмосфера Испаніи не освѣжилась и послѣ этой бури, на горизонтѣ остались обрывки прежнихъ тучъ, постепенно стали сби-

---

[1]) Baumgarten, т. II, стр. 281.

раться новыя. Самъ Фердинандъ только и мечталъ, какъ бы сбросить съ себя ненавистное иго новаго порядка вещей, избавиться отъ опеки конституціонныхъ кортесовъ, открытыхъ имъ въ засѣданіи 26-го Іюня 1820 г. [1]), избавиться отъ либеральнаго министерства, навязаннаго ему судьбою. Въ этихъ стремленіяхъ и мечтахъ короля всячески поддерживали раболѣпные (serviles), которые послѣ мартовскихъ событій не останавливались болѣе передъ мыслью—уже не словомъ, а дѣломъ вступиться за короля, поднять возстаніе противъ новаго правительства, зажечь въ странѣ огонь междуусобной брани. Съ этого времени въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи, особенно въ Каталоніи, усиленно формируются отряды роялистскихъ волонтеровъ, т. н. apostólicos, которые въ недалекомъ будущемъ составятъ главную опору карлистовъ [2]). Мало того: раболѣпные, не полагаясь вполнѣ на свои силы, мечтаютъ о вмѣшательствѣ Франціи, подготовляютъ ея консервативные круги къ тому, что́, какъ реальный фактъ, выразится въ походѣ герцога Ангулэмскаго въ 1823 г. На сторонѣ Фердинанда и большинство правителей Европы, и, конечно, императоръ Александръ I, за которымъ тянутся и прочіе государи Священнаго Союза. Вскорѣ послѣ 9-го Марта рус-

---

[1]) О церемоніи открытія см. Baumgarten, т. II, стр. 325 и слѣд.

[2]) Въ Каталоніи до сихъ поръ очень много карлистовъ. Намъ самимъ случалось въ глухихъ мѣстечкахъ этой провинціи, въ домахъ крестьянъ, даже въ гостинницахъ, видѣть портреты теперешняго донъ-Ка́рлоса... Въ Каталоніи бокъ-о-бокъ живутъ самые прогрессивные элементы и представители древняго консерватизма.

ское правительство въ пространной нотѣ высказывается противъ испанской революціи 1820 г. со всѣми ея послѣдствіями. Едва ли ошибочно будетъ сказать, что съ самаго начала Александръ I твердо держался за мысль о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Испаніи, съ цѣлью возстановить законный порядокъ. Думы этого загадочнаго и таинственнаго вѣнценосца [1]) приняли болѣе осязательный характеръ на конгрессѣ въ Троппау, гдѣ три восточныя монархіи согласились между собою о своего рода полицейскомъ вмѣшательствѣ во внутреннюю политику иностранныхъ государствъ, буде тамъ произойдутъ революціонныя движенія. Объ этомъ соглашеніи были извѣщены представители Англіи и Франціи въ Троппау, а также и испанское правительство [2]). Блестящее примѣненіе принципа—походъ герцога Ангулэмскаго, принятый на Веронскомъ конгрессѣ и удачно приведенный въ исполненіе.

Но испанцамъ было плохо не только потому, что Фердинандъ, раболѣпные и Священный Союзъ— всѣ соединились въ нападеніи на революціонные факты и мечты... Внѣшнихъ враговъ было у Испаніи не многимъ меньше и въ 1808—1812 гг., но тогда она съумѣла отстоять и независимость, и національ-

---

[1]) Личность Александра I продолжаетъ оставаться неразъясненной и послѣ трудовъ Надлера, Шильдера, Schiemann'a и др. Психологической біографіи этого государя еще нѣтъ, хотя онъ заслуживаетъ ее болѣе, чѣмъ кто-либо другой, будучи одной изъ самыхъ крупныхъ и интересныхъ фигуръ русской исторіи. Нужно надѣяться, что нѣкоторый свѣтъ на дѣло прольютъ письма Имп. Елизаветы Алексѣевны, нынѣ впервые издаваемыя В. К. Николаемъ Михайловичемъ.

[2]) Baumgarten, т. II, стр. 296—300, 494 и 402.

ную гордость. Теперь же помимо того, что значительная часть народа была враждебна дѣлу свободы, у самихъ руководителей либеральныхъ стремленій не оказалось ни единства, ни достаточныхъ талантовъ. Послѣ революціоннаго движенія 1820 г. окончательно опредѣлилась партія умѣренныхъ (moderados), благоразумныхъ, но не даровитыхъ конституціоналистовъ, которые хотѣли почти невозможнаго—помирить свободу, какъ ее опредѣляли основные законы 1812 г., съ такимъ презрѣннымъ воплощеніемъ роялизма, какимъ былъ Фердинандъ VII. Moderados преобладали въ кортесахъ 1820 г., изъ нихъ же было составлено первое конституціонное министерство Фердинанда. Но съ парламентскимъ большинствомъ и министрами Фердинандъ расходился во многихъ очень существенныхъ вопросахъ—напр. въ вопросѣ объ уничтоженіи монашескихъ орденовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ-бы совершенно не понимая положенія дѣлъ, Фердинандъ, coûte que coûte, готовъ былъ искать опоры въ той фракціи либераловъ, которая образовалась также послѣ мартовскихъ дней 1820 г. и получила названіе exaltados. Какъ нерѣдко бывало и въ другихъ странахъ, сходились и иногда становились союзниками крайніе правые и крайніе лѣвые. Exaltados не были республиканцами [1]), но въ политическихъ своихъ требованіяхъ шли гораздо дальше робкихъ и не всегда рѣшительныхъ moderados. Восторженные опирались на клубы, на патріотическія общества, у нихъ былъ

[1]) Baumgarten, т. II, стр. 482. О первыхъ признакахъ существованія партіи exaltados см. Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 324.

центръ, вокругъ котораго они собирались, герой, на котораго съ гордостью можно было указывать: все тотъ же Piего! Министерство старалось умѣрить пылъ восторженныхъ, попридержать ихъ языкъ, тѣмъ болѣе, что восторженные, не ограничиваясь Испанiей, хотѣли перенести радикальную пропаганду за ея предѣлы, напр. печатали въ своихъ газетахъ призывы ко всѣмъ народамъ Европы—послѣдовать примѣру Испанiи и возстать на тирановъ [1]). Однако, первому министерству moderados, бывшему съ Фердинандомъ не въ ладахъ, не удалось удержать exaltados; не болѣе удачна была политика и второго министерства изъ умѣренныхъ. Возбужденiе въ странѣ все росло и росло. Роялисты и духовенство повсюду разжигали пламя распри и междуусобицы Въ Мадридѣ происходили столкновенiя между гражданской милицiей и королевской гвардiей. Exaltados все громче и громче кричали объ опасности, которая грозила Испанiи и свободѣ со стороны восточныхъ державъ, готовившихъ въ Троппау громъ и молнiю!...

Когда, подъ совокупнымъ дѣйствiемъ всѣхъ этихъ моментовъ, въ 1821 г. были созваны новые кортесы, они имѣли совсѣмъ иную физiономiю, чѣмъ кортесы 1820 г.: теперь въ ихъ средѣ настолько преобладали радикалы, что президентомъ кортесовъ былъ избранъ самъ Piего [2]). Мало того, и министерство пришлось составить изъ приверженцевъ exaltados;

---

[1]) Baumgarten, т. II, стр. 354.
[2]) Тамъ-же, стр. 443.

и оно-то, какъ и можно было ожидать, оказалось не на высотѣ положенія. Министры и радикальные депутаты любили болѣе слово, чѣмъ дѣло, и когда наступилъ 1823 г. не съумѣли они спасти отечество отъ униженія и позора. Роялисты возстали противъ законнаго правительства, прикрываясь тѣмъ соображеніемъ, что король въ плѣну у радикальнаго министерства, что его необходимо спасти... Въ Каталоніи, въ городѣ Urgel'ѣ, было учреждено роялистское регентство, вступившее въ переговоры съ Франціей по вопросу о вмѣшательствѣ. Горизонтъ окончательно покрылся тучами, но радикалы, очарованные красотой и энергіей собственныхъ рѣчей, полагали, что ничего угрожающаго Испаніи державы не предпримутъ, что, напротивъ, сами государи восточной и центральной Европы не твердо сидятъ на тронахъ, что у нихъ въ собственныхъ владѣніяхъ далеко не все благополучно! Пусть роялисты призываютъ Европу ко вмѣшательству! Напрасно! У Испанцевъ много друзей повсюду: Carbonari въ Италіи, Tugendbund въ Германіи и т. д.! Да и въ русской арміи много недовольныхъ [1])! Словомъ, Священный Союзъ безсиленъ противъ войскъ и вѣрныхъ сыновъ Испаніи, проникнутыхъ горячимъ энтузіазмомъ. Поэтому никакихъ уступокъ королю и роялистамъ: ни одна іота въ конституціи 1812 г. не должна быть измѣнена... [2]) Но это все были фразы, за которыми

---

[1]) Baumgarten, т. II, стр. 520. Рѣчь идетъ, очевидно, о волненіяхъ въ Семеновскомъ полку.

[2]) Тамъ-же, стр. 521.

не стояло реальной силы. События обнаружили очень скоро все ничтожество болтовни радикаловъ. На Веронскомъ конгрессѣ державы рѣшили придти на помощь несчастному Фердинанду,—жертвѣ революціонной тираннiи, погасить пожаръ, грозившiй добрымъ нравамъ и спокойствiю всей Европы. Что за важность если Фердинандъ въ Мартѣ 1820 г. поклялся соблюдать конституцiю! Это клятва вынужденная, идущая въ разрѣзъ съ величiемъ монархическаго принципа. Вотъ когда французскiе штыки возстановятъ полноту власти Фердинанда, онъ можетъ даровать испанцамъ конституцiю, согласную съ просвѣщеннымъ духомъ времени!

Входить въ подробности похода герцога Ангулэмскаго намъ незачѣмъ. Достаточно указать, что французскiй принцъ блистательно исполнилъ порученiе, возложенное на него Священнымъ Союзомъ. Почти не встрѣчая сопротивленiя, достигъ онъ до Кадиса, куда заблаговременно удалилось правительство, увезя съ собою и Фердинанда [1]), и 1-го Октября 1823 г. бездарный Бурбонъ былъ съ подобающими почестями принятъ во французскомъ лагерѣ [2]). Мо-

---

[1]) Здѣсь ему пришлось испивать послѣднюю чашу позора, въ которомъ онъ самъ былъ виновнѣе всего. Дѣло дошло до того, что Alcalá Galiano, тогда депутатъ и виднѣйшiй изъ exaltados, сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что Фердинандъ временно лишился разсудка, и что, согласно конституцiи, его надо объявить неспособнымъ управлять, отставить отъ должности и назначить регентовъ! Baumgarten, т. II, 572—573. Предложенiе Al. Galiano было принято кортесами, хотя незначительнымъ количествомъ голосовъ. См. Memorias, т. II, стр. 446 и слѣд.

[2]) По поводу удачнаго окончанiя похода герц. Ангулэмскаго французскiй посолъ въ Петербургѣ Laferronais устроилъ 30-го Окт. 1823 г.

derados и exaltados одинаково были разбиты и подавлены: лучшія ихъ силы удалились въ изгнаніе впредь до наступленія новыхъ, болѣе счастливыхъ дней. Послѣдній актъ испанской революціи 1820 г. это—казнь Riego. 15-го Сентября 1823 г. онъ былъ захваченъ одной апостолической бандой (въ маленькомъ городѣ Vilches въ Sierra Morena), потомъ перешелъ въ руки французовъ и, наконецъ, выданъ испанскимъ властямъ. 10-го Октября дѣло этого злодѣя и чудовища, этого величайшаго изъ измѣнниковъ поступило на судъ, и черезъ 8 часовъ приговоръ уже былъ готовъ. Riego былъ приговоренъ къ смертной казни четвертованіемъ. Однако, передъ такимъ варварствомъ все же остановились, и Riego былъ просто повѣшенъ (Мадридъ, 7-го Ноября 1823 г.). У его эшафота чернь, еще такъ недавно видѣвшая въ Riego своего героя и освободителя, кричала: ¡muera Riego, y viva el rey absoluto! [1])

великолѣпный балъ. Стѣны парадной залы были украшены вензелями Александра I, Людовика XVIII, Фердинанда VII и герц. Ангулэмскаго. Подъ вензелями Фердинанда красовались слѣдующіе стихи:

Affranchi de tes fers, Vainqueur de tes tyrans,
Le ciel, o Ferdinand, te garde un sort prospère;
Tes peuples dans leur roi vont retrouver un père,
Toi même en tes sujets retrouver des enfants.

См. Остафьевскій Архивъ (СПБ. 1899), А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому, т. II, стр. 364 и 598—599.

[1]) См. Hubbard, т. II, стр. 281—282 г. Изложеніе дальнѣйшихъ судебъ Испаніи послѣ реставраціи 1823 г. не относится къ нашей прямой задачѣ. Для интересующихся сообщимъ необходимыя свѣдѣнія здѣсь, въ примѣчаніи. Съ 1823 г. по 1825 г. въ странѣ царилъ самый ужасный терроръ: Фердинандъ расправлялся съ своими врагами. Но и это не удовлетворило фанатиковъ роялизма, между прочимъ и потому, что инквизиція не была возстановлена. Serviles или apostólicos стали возлагать всѣ свои упованія на брата короля, донъ-

IV.

Событія, изложенныя на предшествующихъ страницахъ, были хорошо извѣстны въ Россіи, служили предметомъ оживленныхъ споровъ, вызывали кри-

Ка́рлоса, который, въ виду бездѣтности Фердинанда VII, оффиціально считался наслѣдникомъ престола. Наконецъ, отъ четвертаго брака Фердинанда VII съ неаполитанской принцессой Маріей-Кристиной родилась (10 Октября 1830 г.) дочь Марія-Исабелла, впослѣдствіи, королева Исабелла II. Незадолго до этого была обнародована прагматическая санкція, уничтожавшая салическій законъ, установленный первыми Бурбонами. Исабеллѣ открывалась дорога къ трону, несмотря на то, что три восточныя державы строго осудили мѣру Фердинанда, какъ посягательство на монархическій принципъ. Донъ-Ка́рлосъ изъ наслѣдника превратился въ претендента, apóstolicos стали карлистами. Въ 1833 г. (Сентябрь) Фердинандъ VII скончался, на престолъ вступила Исабелла, регентшей была объявлена Марія-Кристина. Она, какъ и слѣдовало ожидать, сблизилась съ либералами и вручила управленіе Мартинесу де-ла-Роса, извѣстному поэту и благородному патріоту, выдвинувшемуся изъ среды либеральной партіи еще въ эпоху Фердинанда. 10-го Апрѣля 1834 г. Испаніи была дарована конституція, довольно близко подходившая къ испанской (т. н. Estatuto real), но спокойствіе въ странѣ не воцарилось, потому что донъ-Ка́рлосъ не думалъ отказываться отъ своихъ (дѣйствительно, законныхъ) правъ. 1834—1839 гг.—время карлистскихъ войнъ, которыя имѣли своихъ героевъ и мучениковъ (напр. знаменитаго Zumalacárregui). Театромъ этихъ войнъ были, по преимуществу, сѣверныя (басскія) провинціи. 14-го Сентября 1839 г. бо́льшая часть карлистскихъ войскъ сдалась правительственному генералу Эспартеро, а самъ донъ-Ка́рлосъ удалился во Францію. Между тѣмъ либерализмъ росъ и крѣпчалъ въ Испаніи, такъ что въ Августѣ 1836 г. въ Мадридѣ опять вспыхнулъ мятежъ, результатомъ котораго было окончательное возстановленіе конституціи 1812 г. Въ 1840 г. регентство перешло къ Эспартеро, а

тику или апологію.[1]) И у насъ, какъ на Западѣ Европы, государи и народы по вопросу объ Испаніи оказались въ разныхъ лагеряхъ. Мы видѣли, что правительство Александра I въ спорѣ Фердинанда съ подданными стояло на сторонѣ короля, поддерживая его всякими средствами, вплоть до посылки гнилыхъ кораблей. Иначе смотрѣло общество, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ его представителей. Для доказательства обратимся къ мемуарамъ, показаніямъ и запискамъ декабристовъ: мы встрѣтимъ знакомыя имена, увидимъ оцѣнку уже отмѣченныхъ выше происшествій... Отчасти выяснится и степень вліянія испанцевъ и ихъ дѣлъ на предпріятія русскихъ прогрессистовъ и либераловъ въ послѣдніе годы Александровскаго царствованія.

Походы 1812—1814 гг. способствовали сближенію русской военной молодежи съ западно-европейской культурой, съ кругомъ ея идей и требованій. Разница между своимъ и чужимъ впервые стала сознаваться вполнѣ ясно, и, какъ результатъ сознанія, возникали мысли о необходимости коренной реформы государства россійскаго. Что къ такимъ, разумѣется, естественнымъ и неизбѣжнымъ, послѣдствіямъ приводили наполеоновскія войны это по-

въ 1843 г. Исабелла, которой шелъ четырнадцатый годъ, была объявлена совершеннолѣтней... Въ Испаніи наступило время сравнительнаго спокойствія и порядка. См. краткій очеркъ у Файфа, ук. сочиненіе, стр. 471—478. Къ нѣкоторымъ изъ эпизодовъ, только что отмѣченныхъ нами, мы еще вернемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ работы.

[1]) Что англинскіе клобники говорятъ о Гишпаніи?—спрашиваетъ кн. Вяземскій А. И. Тургенева въ письмѣ изъ Варшавы отъ 27 Марта 1820 г. См. Остафьевскій архивъ, т. II, стр. 32.

стоянно устанавливаютъ сами декабристы[1]). По возвращенiи русскихъ войскъ на родину, политическiе и общественные интересы, пробудившiеся съ особою силой въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ, не могли заглохнуть. Ихъ поддерживали и недовольство отечественными порядками, прочно установившимися въ Россiи временъ Священнаго Союза, и постоянный притокъ новыхъ свѣдѣнiй съ Запада, шедшихъ черезъ книгу и, въ особенности, черезъ журналъ или газету. По свидѣтельству И. Д. Якушкина, въ 1815 г. въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ. Послѣ обѣда играли въ шахматы, читали вслухъ иностранныя газеты, слѣдили за происшествiями въ Европѣ[2]). Въ то же самое время многiе офицеры гвардiи и генеральнаго штаба со страстью учились и читали сочиненiя и журналы политическiе, также иностранныя газеты, «въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозицiи съ правительствомъ

[1]) Записки И. Д. Якушкина: Пребыванiе цѣлый годъ въ Германiи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнiя хоть сколько нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ. См. Записки, Лонд. изд. 1862 г., стр. 4—6. Тоже самое у Н. В. Басаргина, Записки, стр. 69 (Девятнадцатый вѣкъ, т. I. М. 1872). См. еще А. Бѣляевъ, Воспоминанiя декабриста, стр. 154 (изд. 1882 г.) и др. Ср. еще М. В. Довнаръ-Запольскiй, Идеалы декабристовъ, стр. 194 и слѣд. (М. 1907 г.). Н. Н. Буличъ, Очерки по исторiи русской литературы и просвѣщенiя съ начала XIX-го вѣка, т. II, стр. 209 и слѣд. (СПБ. 1905) и т. д.

[2]) Записки, стр. 6. Якушкинъ тутъ же сообщаетъ, что такое времяпровожденiе среди офицеровъ было рѣшительнымъ нововведенiемъ: прежде.. пили и курили на пропалую. Съ этимъ любопытно сравнить жалобу Александра I, что уже осенью 1812 г. между офицерами были вольнодумцы. См. С. Г. Волконскiй, Записки, стр. 131 (СПб. 1901).

въ конституціонныхъ государствахъ» [1]). На своеобразномъ и не всегда грамотномъ языкѣ приблизительно также выражается и А. Поджіо. «Обративъ вниманіе къ политикѣ тѣхъ временъ, онъ увидѣлъ время, гдѣ духъ преобразованія взволновалъ народы». Увлекаясь борьбой за политическую свободу, которая шла въ Испаніи, Неаполѣ, Пьемонтѣ и Греціи, А. Поджіо стремительно набрасывался на газеты и журналы, которые, «съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдовалъ до малѣйшаго происшествія» [2]).

Вполнѣ понятно, что въ тѣхъ кругахъ, изъ которыхъ вышли декабристы, съ особо-пристальнымъ вниманіемъ слѣдили за перипетіями политической бури, разразившейся на пиренейскомъ полуостровѣ въ первую четверть XIX-го столѣтія.

Уже одинаковая судьба наполеоновскихъ замысловъ противъ Россіи и Испаніи невольно броса-

---

[1]) В. И. Семевскій, В. Богучарскій, П. Е. Щеголевъ, Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX-го столѣтія, т. I. Декабристы, стр. 185: Записка М. А. Фонъ-Визина (СПб. 1905).

[2]) М. В. Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 190. Живую картинку находимъ въ Запискахъ Н. И. Греча. Извѣстно, какъ онъ относился къ либеральнымъ движеніямъ своего времени: они представлялись ему дѣломъ честолюбцевъ и поджигателей (см. Записки о моей жизни, стр. 325). Къ такимъ же поджигателямъ Гречъ готовъ причислить и нѣкоторыхъ изъ декабристовъ. К. Ѳ. Рылѣева, однако, онъ не считаетъ злоумышленникомъ или формальнымъ революціонеромъ, а просто фанатикомъ, слабоумнымъ человѣкомъ, который помѣшался на пунктѣ конституціи (!). Въ кабинетѣ Греча Рылѣевъ обыкновенно брался за „Гамбургскую Газету“, читалъ, какъ увѣряетъ авторъ Записокъ, ничего не понимая. Едва же онъ доходилъ до слова constitution, какъ вскакивалъ и просилъ Греча перевести ему это мѣсто: „сдѣлайте одолженіе, Николай Ивановичъ, переведите мнѣ, что тутъ такое. Должно быть очень хорошо“. Записки, стр. 369 (СПб. 1886).

лась въ глаза: и тамъ, и здѣсь отраженіе врага и окончательное торжество надъ нимъ было дѣломъ, которому вся нація отдавала и жизнь, и богатство [1]). Война за независимость въ Испаніи и 1812-ый годъ въ Россіи были явленіями родственными и по ближайшимъ послѣдствіямъ. И про испанцевъ, и про русскихъ, которые въ годину испытанія спасали родину, можно сказать, что оба народа были обмануты своими правительствами. Фердинандъ, вернувшійся въ отечество, отмѣнилъ конституцію и ничѣмъ не облегчилъ положенія нисшихъ слоевъ населенія. Александръ I на народный энтузіазмъ и самопожертвованіе въ 1812-омъ году отвѣтилъ позднѣе такъ, что у многихъ возникало убѣжденіе о презрѣніи и даже ненависти Государя къ Россіи [2]). Но среди испанскихъ дѣлъ изучаемой эпохи были и такія, на которыхъ русскій вольнодумецъ и политиканъ могъ съ отрадой останавливать свой взоръ. Мы имѣемъ въ виду дѣятельность кортесовъ и конституцію 1812-го года. Разстояніе и не всегда точная освѣдомленность скрывали промахи и недостатки депутатовъ, засѣдавшихъ въ Кадисѣ, ихъ торопли-

[1]) Несомнѣнно, что неудачи Наполеона въ Россіи подняли духъ испанскихъ guerilleros и солдатъ. Извѣстно также, что кортесы въ Кадисѣ вступили въ дипломатическія сношенія съ Александромъ I, и что въ Великихъ Лукахъ былъ заключенъ союзъ Россіи и Испаніи для совмѣстной борьбы съ Наполеономъ. См. Hubbard, ук. соч. т. I, стр. 125, 136 и Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. III, стр. 90. Сочувственные отзыва Дениса Давыдова объ испанскихъ guerilleros см. у В. И. Ламанскаго, Славяне въ Малой Азіи и т. д., стр. 365—366.

[2]) Якушкинъ, Записки, стр. 7: До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія Имп. Александра I, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Ср. еще тамъ-же, стр. 17—письмо Трубецкого къ А. Муравьеву: царь ненавидитъ Россію.

вость, партійные счеты, угловатость ихъ политическаго дѣтища—основныхъ законовъ и т. д. На лицо были борцы за свободу, которымъ удалось довести дѣло до конца, спасти родину, подарить ей либеральный уставъ. Въ своихъ симпатіяхъ будущіе декабристы колебаться не могли. Въ Испаніи они видѣли то, о чемъ мечтали для Россіи. Сравнивая свое и чужое, горевали о печальномъ положеніи родины. Ясно поэтому, съ какими чувствами наши либералы должны были принять вѣсть о возвращеніи Фердинанда VII въ Испанію, объ отмѣнѣ конституціи, о томъ, что по всей линіи раздался кличъ назадъ, сопровождавшійся гоненіемъ на сторонниковъ новизны. Съ осени 1815-го года завязалась упорная борьба Фердинанда и конституціоналистовъ: одно за другимъ слѣдовали pronunciamientos, вспыхнула революція 1820 г., провозглашена и отмѣнена конституція 1812 года, казненъ Ріего. Вѣсти обо всемъ этомъ долетали до Россіи, съ жадностью принимались и горячо обсуждались въ собраніяхъ, подготовлявшихъ четырнадцатое декабря. Въ Запискѣ М. Ѳ. Орлова прямо сообщается, что «гишпанскія происшествія... сыграли большую роль» во всѣхъ разговорахъ русскихъ политиковъ. Орловъ отмѣчаетъ и взрывъ негодованія, который онъ вызвалъ, сказавъ, что Ріего былъ дуракъ, и что его нечего жалѣть [1]. Стоитъ, наконецъ, указать и то, что съ 27 Ноября по 14 Декабря 1825 г. портреты Кироги и Ріего

[1]) Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 10.

были выставлены въ одномъ изъ магазиновъ Петербурга [1]).

Такова общая картина. Сообщимъ нѣсколько мелочей, которыя представляются намъ наиболѣе любопытными.

Въ хвастливыхъ, но порою очень цѣнныхъ, Запискахъ Д. И. Завалишина [2]) между прочимъ чи-

---

[1]) В. И. Штейнгель въ первомъ письмѣ къ Имп. Николаю; см. Общественныя движенія, стр. 488. Любопытныя мелочи объ отношеніи испанскихъ дѣлъ къ русскимъ, спеціально въ масонскихъ кругахъ, можно найти въ работѣ В. И. Семевскаго, Декабристы-Масоны, Минувшіе годы, 1908, Февраль, стр. 33, 36, 40, Мартъ, стр. 163, Май—Іюнь, стр. 419.

[2]) Th. Schiemann въ своемъ трудѣ Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, т. II, стр. 84, прим. 2-ое (Berlin 1908) особо цѣнными считаетъ въ Мемуарахъ Завалишина тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются о привольной жизни декабристовъ въ Сибири. Нѣмецкій историкъ идетъ дальше; онъ и самъ готовъ признать внѣшнія условія ссылки героевъ 14-го Декабря необычайно благопріятными и мягкими. Съ этимъ трудно не согласиться тому, кто читалъ записки и мемуары Е. П. Оболенскаго (см. его письмо къ А. В. Протасьеву, Общественныя движенія, стр. 226 и 228), А. П. Бѣляева (Записки, стр. 211 и слѣд.), кн. М. Н. Волконской и др. Порой въ писаніяхъ декабристовъ мелькаютъ и не очень красивыя черточки, какъ будто противорѣчащія героическому ореолу, которымъ мы привыкли окружать ихъ: напр. солдаты или сторожа исполняли за знатныхъ узниковъ работу, обязательную для ссыльныхъ (см. Бѣляевъ, стр. 224). То обстоятельство, что господа платили за эту работу, ничуть не выставляетъ въ лучшемъ свѣтѣ демократизмъ и народолюбіе декабристовъ.

Вообще, ихъ исторія, во многихъ отношеніяхъ, являетъ странныя противорѣчія. Съ одной стороны, торопливое и небрежное слѣдствіе, пристрастный и несправедливый судъ (см. о немъ, Schiemann, т. II, стр. 72 и слѣд.), стремленіе правительства выставить декабристовъ отъявленными злодѣями, бунтовщиками и цареубійцами, какими ихъ изображаетъ Донесеніе слѣдственной комиссіи, по справедливости, заслуживающее названіе романическаго (см. Шильдеръ, Имп. Николай I, стр. 433), обѣщанія самого Николая I спасти того или другого изъ виновныхъ, имъ не сдержанныя (напр. его слова А. Е. Розену, сказанныя на допросѣ 22-го Дек. 1825 г.—„тебя, Розенъ, охотно спасу!“ См. А. Е. Розенъ, Записки декабриста, по изд. СПб. 1907, стр. 76-я) и т. д. Съ другой стороны, необременительная каторга въ Сибири, почти свободная жизнь на поселеніи тамъ-же, военная служба на Кавказѣ, протекавшая въ обычныхъ условіяхъ и т. д. Эти два момента исторіи

таемъ, что, живучи въ Петербургѣ, онъ одно время близко сошелся съ тамошними испанцами. Среди этихъ знакомцевъ Завалишина были люди изъ различныхъ сферъ общества: напр. Кальдеронъ де-ла-Барка, совѣтникъ посольства, и негоціантъ Моласъ. Завалишинъ бывалъ въ одномъ испанскомъ семействѣ,

---

декабристовъ какъ-то мало вяжутся между собою. Выходитъ такъ, что правой рукой казнятъ, а лѣвой милуютъ!

Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что Schiemann правъ, когда утверждаетъ, что легенда о декабристахъ преувеличиваетъ тягость страданій и мукъ за свободу и благо родины у большинства изъ нихъ. Они сами невольно поддавались обману и мечтательности, которыя свойственны психологіи всякаго заговорщика, какъ бы возвышенны или низменны ни были его стремленія и цѣли. Не только дѣло, за которое декабристы отдали свободу, а иные даже жизнь, представлялось имъ необычайно великимъ и героическимъ, но сіяніе славы покрывало, въ ихъ глазахъ, и собственныя личности. Это самопреклоненіе и кажденіе ѳиміамомъ себѣ и своимъ, столь замѣтное даже у такого скромнаго и добраго человѣка, какъ А. П. Бѣляевъ, у Д. И. Завалишина вырождается въ несносное хвастовство. Почитать его Записки, такъ выходитъ, что познанія, дарованія, ученые труды Завалишина были поразительны. Онъ, безъ всякихъ сомнѣній, первый человѣкъ своего времени, онъ одинъ знаетъ, какъ спасти Россію! Мудрость и героизмъ его несравненны! и т. д. Когда впервые знакомишься съ Записками Д. И. Завалишина, то просто невольно стыдишь себя: былъ же въ Россіи въ эпоху Александра I такой знаменитый мужъ, а ты ничего о немъ не зналъ!... Потомъ-то догадаешься, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ очень самомнительнымъ отъ природы (ср. отзывъ А. Бестужева—флота лейтенантъ Завалишинъ бойкая особа, но черезчуръ съ заносчивымъ воображеніемъ. См. Довнаръ-Запольскій, Тайное общество декабристовъ, М. 1906, стр. 288, прим.), да вдобавокъ еще заговорщикомъ.

Эта манія величія, это стремленіе во всю расписывать себя и своихъ достигаетъ, по истинѣ, комическихъ размѣровъ въ извѣстномъ панегирикѣ дѣятелей 1-го Марта 1881-го года, которые, по грубости міросозерцанія и жестокости пріемовъ, недостойны развязать ремня у сапога декабристовъ. Мы разумѣемъ памфлетъ С. М. Степняка-Кравчинскаго—Подпольная Россія, занимающій видное мѣсто среди освободительной литературы лубочнаго типа. И тутъ оказывается, что Перовская, Засуличъ, Желябовъ, Кибальчичъ и т. п.—не только обладали солиднымъ умомъ, находчивостью и т. д., чего никто и не отрицаетъ, но и ангельскими голосами, необычайно привлекательной внѣшностью, особо-лучистыми глазами, громадными познаніями въ наукахъ и т. д.!

гдѣ его очень любили, и гдѣ одна изъ дочерей, конечно, рѣдкая красавица, явно выказывала ему свое расположеніе. Родители молодой дѣвушки ничего лучше не желали, какъ отдать ее замужъ за русскаго офицера. Объ этомъ стали усердно поговаривать въ обществѣ, такъ что знатная родня Завалишина встревожилась: никто не хотѣлъ, чтобы онъ женился на испанкѣ, на католичкѣ! Завалишинъ, однако, спѣшитъ успокоить читателя: онъ и не думалъ связывать себя узами Гименея! Такой поступокъ противорѣчилъ-бы принципамъ рыцарской чести! Завалишинъ, который принялъ участіе въ политическомъ предпріятіи, влекущемъ за собой такую грозную отвѣтственность, считалъ безчестнымъ соединять съ своей судьбою судьбу молодой женщины и тѣмъ заставить эту послѣднюю или принести невольную жертву, или измѣнить супружеской обязанности. Вотъ почему Завалишинъ и съ испанкой, и съ другой молодой дѣвушкой, княжной Баратаевой, на которой его хотѣла женить мачиха, держалъ себя очень сдержанно и не говорилъ обычныхъ свѣтскихъ любезностей и комплиментовъ [1]).

Одна изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ декабристовъ — это ихъ патріотизмъ, выражающійся и сознательнымъ стремленіемъ къ благу родины, и стихійной, первоначальной любовью ко всему русскому [2]). Вѣдь и Александра I они не любили не

[1]) Д. И. Завалишинъ, Записки декабриста, по изд. München 1904 г. т. 1, стр. 71 и 162—163.

[2]) См. объ этомъ П. Е. Щеголевъ, Владиміръ Раевскій и его время, Вѣстн. Европы 1903, Іюль, стр. 537.

только за его политическія прегрѣшенія, но и за то, что онъ слишкомъ открыто пренебрегалъ соотечественниками, даже какъ будто тяготился высокимъ званіемъ русскаго царя. Оскорбляло декабристовъ и то явное предпочтеніе иностранцамъ и особенно нѣмцамъ, которое наблюдалось и въ придворныхъ, и въ административныхъ сферахъ[1]). Патріотизмъ необходимо признать и у Завалишина. Однако, нельзя умолчать, что это законное и высокое чувство ослѣпляло даже такого проницательнаго и умнаго человѣка, какъ Димитрій Иринарховичъ. Мы имѣемъ въ виду то мѣсто его Записокъ, въ которомъ онъ задается вопросомъ о либеральномъ вліяніи иностранцевъ на русскихъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ почти отрицательно. Въ соображеніяхъ Завалишина лишь относительная доля правды. Конечно, вѣрно, что «иностранный кругъ русскаго общества, по тогдашнимъ понятіямъ народнаго соперничества, и потому еще, что извлекалъ выгоды изъ дурного устройства Россіи, мало сочувствовалъ желаніямъ русскихъ улучшить свой государственный и общественный бытъ. Если иностранцы и вносили въ Россію многія либеральныя идеи, то лишь невольно» [2]). Съ этимъ мѣткимъ соображеніемъ Завалишина трудно спорить. Гораздо больше сомнѣнія возбуждаетъ та его мысль, будто не правда, что примѣры недавнихъ революціонныхъ событій на Западѣ вдохновляли русскихъ заговор-

---

[1]) См. Довнаръ-Запольскій, Идеалы декабристовъ, стр. 105—106. По выраженію И. Д. Якушкина, Александръ Муравьевъ и его братья были „враги всякой нѣмчизнѣ“. Записки, стр. 9.

[2]) Записки, т. I, стр. 163.

щиковъ, поддерживали въ нихъ рѣшимость воспользоваться для своего дѣла крайними средствами, т. е. военной силой. Въ Россіи и до 14-го Декабря 1825 г. былъ рядъ революцій, при полномъ безмолвіи народа, совершаемыхъ б. ч. военными, напр. при возведеніи на престолъ Екатерины I, при сверженіи Бирона, Регентши и Петра III [1]). Военныя революціи въ Испаніи, Португаліи и Италіи, говоритъ Завалишинъ, въ дѣлѣ декабристовъ ровно ни при чемъ: русская исторія и сама по себѣ даетъ достаточное объясненіе и оправданіе ихъ смѣлаго предпріятія [2]). Въ этомъ пунктѣ Завалишинъ рѣзко расходится съ большинствомъ декабристовъ, у которыхъ вдохновляющее вліяніе западныхъ революцій, особенно испанской, поставлено внѣ всякихъ сомнѣній.

Уже на допросахъ многіе изъ нихъ признавались, что мысли о необходимости конституціи, окрыляемыя надеждой достигнуть желанныхъ цѣлей, были навѣяны или подкрѣплены заграничными событіями. Такъ Н. Бестужевъ ставитъ свой конституціонный образъ мыслей въ прямую зависимость отъ пяти-

---

¹) Странно, что Завалишинъ ничего не говоритъ о восшествіи на престолъ Александра I!

²) Записки, т. I, стр. 213. По поводу испанскихъ интересовъ Завалишина можно привести еще слѣдующее мѣсто изъ Донесенія слѣдственной комиссіи, гдѣ Д. И. даетъ свѣдѣнія объ Орденѣ Возстановленія: „сперва я полагалъ цѣлью одно торжество истинъ Вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе, хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны, хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній“. Русская историч. библіотека, № 1, СПб. 1906, стр. 32, прим. 3-ье.

мѣсячнаго пребыванія въ Голландіи (1815 г.), двукратнаго посѣщенія Франціи, а также «вояжа въ Англію и Испанію» [1]). Вояжъ въ Англію и Испанію былъ совершенъ Н. Бестужевымъ лѣтомъ 1824-го г. на фрегатѣ «Проворный», командиромъ котораго состоялъ капитанъ-лейтенантъ Козинъ [2]). Среди офицеровъ фрегата былъ и А. П. Бѣляевъ, по обыкновенію, живо и интересно описавшій все путешествіе. 5-го Августа 1824 г. путникамъ, на высотѣ мыса Св. Винцента, открылся берегъ Испаніи. Когда А. П. Бѣляевъ ночью стоялъ на вахтѣ, съ берега уже вѣяло благовоннымъ запахомъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Утромъ „Проворный" вступилъ въ Гибралтарскій проливъ и прошелъ городъ Тарифу, предъ которымъ стоялъ французскій флотъ и бомбардировалъ его [3]). Бѣляевъ не можетъ здѣсь удержаться отъ горестнаго восклицанія о французахъ, о націи, которая еще такъ недавно не по-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Идеалы декабристовъ, стр. 200. Ср. также Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, стр. 397—398. По словамъ Греча, Н. Бестужевъ въ Гибралтарѣ видѣлъ съ высоты утеса, какъ испанцы королевскіе разстрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либераловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей и разбойниковъ, сзади. Это зрѣлище заронило въ душу его ненависть къ деспотическому испанскому правительству; да русское то чѣмъ было виновато (!)?

[2]) А. П. Бѣляевъ, Воспоминанія декабриста, стр. 114—115.

[3]) Одинъ изъ позднѣйшихъ эпизодовъ эпохи французскаго вмѣшательства. 3-го Августа 1824 г. горсть либераловъ, предводимая полковникомъ Вальдесомъ, захватила Тарифу, обезоружила королевскій гарнизонъ и провозгласила конституцію 1812 г. Противъ конституціоналистовъ сейчасъ же двинулись регулярныя войска изъ Альхесирасъ, апостолическіе волонтеры изъ Ронды, и французскія—бригада съ суши и эскадра съ моря. Вальдесъ и товарищи держались нѣкоторое время, но потомъ бѣжали, оставивъ городъ на произволъ судьбы. См. Hubbard, т. II, стр. 289—290.

жалѣла своей крови для установленія въ мірѣ разумнаго порядка, а „теперь разстрѣливала испанцевъ, возставшихъ за свою свободу, и снова поработила страну, только что начавшую возрождаться“ [1]). Далѣе А. П. Бѣляевъ разсказываетъ о томъ, что офицеры 43-го линейнаго полка, стоявшаго въ Гибралтарѣ, нѣсколько разъ приглашали русскихъ моряковъ на обѣды. Приходилось говорить рѣчи, которыя произносили капитанъ-лейтенантъ Козинъ, Н. Бестужевъ, а однажды и самъ Бѣляевъ. Хотя смущенный отъ необычной обстановки, среди чопорныхъ англичанъ, Бѣляевъ справился съ своей задачей и сказалъ рѣчь, которая, повидимому, имѣла успѣхъ. Упомянувъ о первомъ англійскомъ кораблѣ, посѣтившемъ Архангельскъ, о томъ, что великій англійскій народъ всегда возбуждалъ уваженіе русскаго, особенно—его образованныхъ классовъ, ораторъ поднялъ кубокъ за процвѣтаніе свободныхъ учрежденій, какъ истинной причины величія Англіи. По окончаніи обѣда, разговоры и восклицанія сдѣлались еще громче и задорнѣе. Подъ окномъ былъ расположенъ оркестръ музыки, и когда заиграли маршъ Ріего, энтузіазмъ сдѣлался всеобщимъ. Этотъ маршъ заставляли играть много разъ [2]). Ріего прославляли,

---

[1]) Бѣляевъ, Воспоминанія, стр. 125.

[2]) Ріего, охотникъ до шумныхъ народныхъ сценъ, вскорѣ послѣ 1-го Янв. 1820 г. поручилъ Alcalá Galiano и его единомышленнику Evaristo de San Miguel сочинить патріотическую пѣснь въ честь его pronunciamiento. Galiano и San Miguel быстро исполнили порученіе революціоннаго воина, а музыку къ ихъ словамъ написалъ одинъ каталанскій офицеръ, прежде бывшій органистомъ. Ріего пѣсня, начинающаяся словами: De la gloria guerreros ilustres — почему-то не понравилась. Тогда уже

какъ истиннаго героя, совершившаго переворотъ въ Испаніи и потомъ погибшаго на висѣлицѣ. Англійскіе офицеры ему очень сочувствовали. Имъ отъ души вторилъ и Бѣляевъ, выпивая бокалъ за бокаломъ въ честь безсмертнаго героя и свободы. Такіе моменты еще болѣе воспламеняли свободолюбивое настроеніе, которое уже и безъ того было и въ мысляхъ, и въ сердцѣ Бѣляева. Въ бытность въ Гибралтарѣ русскому моряку пришлось видѣть также и испанскихъ инсургентовъ, которые, спасаясь отъ преслѣдованія правительства, жили въ лодкахъ на гибралтарскомъ рейдѣ. Лордъ Чатамъ, военный губернаторъ, старшій братъ Питта, не позволялъ имъ жить на берегу, но многіе изъ офицеровъ и жителей помогали имъ. Особенно одинъ полковой докторъ, который всѣхъ ихъ зналъ лично. Между прочимъ А. П. Бѣляевъ видѣлъ, какъ Вальдесъ и нѣкоторые изъ его товарищей прибыли изъ Тарифы на шлюпкахъ прямо въ Гибралтаръ [1]).

Цѣлый рядъ очень любопытныхъ замѣчаній объ испанской революціи, свидѣтельствующихъ о вдумчивомъ отношеніи къ совершавшимся событіямъ, находимъ мы у П. Г. Каховскаго въ его письмахъ къ генералу Левашеву и къ самому Императору Николаю. Въ письмѣ 24-го Февраля 1826 г., адресованномъ къ Левашеву, П. Г. Каховскій дѣлаетъ краткій очеркъ

одинъ Evaristo de San Miguel написалъ знаменитый El himno de Riego, еще до нынѣ распѣваемый въ Испаніи; мелодія его, дѣйствительно, очень красива. См. Alcalá Galiano, Memorias, т. II, стр. 16, 17, и прим. и стр. 76.

[1]) Бѣляевъ, Воспоминанія, стр. 126—128.

исторіи Европы послѣ паденія Наполеона. Монархи возвѣстили народамъ, что съѣзжаются на конгрессы для совѣщаній объ уравновѣшеніи классовъ и водвореніи политической свободы. Но скоро открылась истинная цѣль конгрессовъ, и народы увидѣли, сколь много они обмануты. Монархи думали только объ охранѣ неограниченной власти, о поддержаніи разшатавшихся троновъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія [1]). Народы потребовали того, что имъ принадлежало по праву—и цѣпи, и темницы стали ихъ достояніемъ! Каховскій перечисляетъ нѣсколько примѣровъ тираніи правительствъ, и среди нихъ то, какъ войска Франціи, противъ ея желанія, рѣзали законную вольность Испаніи. Послѣ этой патетической фразы П. Г. Каховскій переходитъ къ обзору главнѣйшихъ моментовъ испанской исторіи, начиная съ нашествія Наполеона. Его сочувствіе всецѣло на сторонѣ испанскаго народа, который онъ называетъ мужественнымъ и твердымъ. Онъ отстоялъ своей кровью независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную. Всѣмъ онъ обязанъ одному себѣ! Принятый обратно на тронъ, Фердинандъ далъ клятву хранить права народныя [2]). Императоръ Александръ I тоже, еще въ 1812 г., призналъ конституцію Испаніи, которая впослѣдствіи была подтверждена всѣми монархами Европы. Фер-

---

[1]) Ср. С. Г. Волконскій, Записки, стр. 291.

[2]) Мы видѣли выше (стр. 30), что такой клятвы въ 1814 г. Фердинандъ не давалъ.

динандъ скоро забылъ народныя благодѣянія, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Народъ возсталъ на клятвопреступника, а Священный Союзъ забылъ, что Испанія первая возмутилась противъ насилій Наполеона. Священный Союзъ содѣйствовалъ тому, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію...

До сихъ поръ П. Г. Каховскій довольно точно держится истиннаго хода событій и правильно толкуетъ ихъ значеніе и смыслъ. Но теперь у него начинается какая-то путаница, сообщены факты, въ дѣйствительности, мѣста не имѣвшіе. Фердинандъ былъ арестованъ, а въ Кадисѣ приговоренъ къ смерти [1]). Онъ испугался, призвалъ Ріего [2]), вновь поклялся въ вѣрности конституціи и обѣщалъ выслать войска Франціи изъ предѣловъ Испаніи. Честные люди, продолжаетъ П. Г. Каховскій, бываютъ довѣрчивы. Ріего поручился кортесамъ за короля. Его освобождаютъ, и что же, какой первый шагъ Фердинанда? Ріего, по приказанію его, схваченъ, арестованъ, отравленъ, и полумертвый святой мученикъ, герой отрекшійся отъ престола (sic!), другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телѣгѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ. Какой поступокъ Фердинанда! чье сердце отъ него не содрогнется? [3]) Не лучше положеніе и другихъ

---

[1]) О томъ, что было въ самомъ дѣлѣ, см. выше, стр. 45-ая, прим. 1-ое.

[2]) Каховскій все время называетъ его Р і е г и.

[3]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній декабристовъ, стр. 12—13 (Спб. 1906). О послѣднихъ дняхъ Ріего см. выше, стр. 46 — и

народовъ, принимавшихъ участіе въ освободительныхъ войнахъ съ Наполеономъ! Бѣдная, раздробленная, обнищалая Италія оплакиваетъ горе свое и жаждетъ соединенія. Франція еще нѣсколько богата и счастлива: но честолюбіе ея обижено, и тайное желаніе мщенія гнететъ ее. И Каховскій опять возвращается къ несчастной Испаніи. Въ ней вновь водворяются права святой, благодѣтельной инквизиціи, и изнеможенный народъ согбенно тащитъ бревна сооружать костеръ для своего сожженія.

Реторика въ родѣ только что приведенной фразы объ инквизиціи, которая, сколько извѣстно, въ промежутокъ 1814—1825 г.г. не сожгла ни одного человѣка [1]), не мѣшаетъ, однако, Каховскому поставить вполнѣ законный вопросъ. Для кого же трудились Русскіе, вынесшіе на себѣ главную тягость войнъ съ Наполеономъ? Кого же они спасли? Кому принесли пользу? За что русская кровь упитала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію, но не благу народному... Народы Европы не русскихъ не любятъ—націю ненавидѣть невозможно, а наше Правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей угнетаетъ народы [2]).

Baumgarten, т. II, стр. 591—592. Повидимому, святой мученикъ передъ смертью палъ духомъ, выразилъ раскаяніе въ своихъ ошибкахъ и преступленіяхъ и даже подписалъ нѣчто вродѣ отреченія отъ прежней дѣятельности. См. Hubbard, т. II, стр. 281—282. Вполнѣ понятно, впрочемъ, что Каховскій идеализуетъ своего героя.

[1]) Единственный случай инквизиціонной казни за все царствованіе Фердинанда VII—это казнь школьнаго учителя, каталанца Cayetano Ripoll, повѣшеннаго 31 Іюля 1826 г. за религіозное вольнодумство. См. Menéndez y Pelayo, Historia de los heterodoxos españoles, т. III, стр. 524—525.

[2]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній, стр. 15.

Еще смѣлѣе выражается П. Г. Каховскій въ письмѣ къ Имп. Николаю, которое помѣчено 4-ымъ Апрѣля 1826 г. Императоръ Александръ нанесъ русскимъ много бѣдствія, и онъ собственно причина возстанія 14-го Декабря. Не имъ-ли раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ-ли она была послѣ такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ? Онъ помогъ Фердинанду задавить законныя права народа Испаніи и не предвидѣлъ зла, тѣмъ причиненнаго всѣмъ странамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ голосъ воскликнула: нѣтъ договора съ царями! [1]) Изъ этого прямой выводъ — революція. Его Каховскій лично для себя и сдѣлалъ. На вопросъ слѣдственной комиссіи, откуда у него появился вольный образъ мыслей, онъ указалъ, среди прочихъ причинъ, и на недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы [2]).

Ту-же мысль о государяхъ, какъ о настоящихъ виновникахъ переворотовъ, высказываетъ и А. И. Якубовичъ въ письмѣ къ Николаю I отъ 28-го Дек. 1825 г. изъ Петропавловской крѣпости. Онъ наивно утверждаетъ, что недовольныхъ или карбонаріевъ въ природѣ человѣка и порядкѣ вещей нѣтъ. Ихъ созидаетъ Правительство обидами и утѣсненіями, особенно тяжкими въ Россіи, гдѣ власть дѣйствуетъ сильно, но не рѣшительно, и не всегда вѣрно. Николай имѣетъ полную возможность улучшить государствен-

---

[1]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній, стр. 25.

[2]) П. Е. Щеголевъ, П. Г. Каховскій, Былое, Январь 1906 г., стр. 136.

ное устройство, и недовольные, или карбонаріи, исчезнутъ, какъ тьма передъ солнцемъ [1]).

А. И. Якубовичъ, боевой кавказскій офицеръ, вѣроятно, былъ сравнительно мало освѣдомленъ въ революціонныхъ дѣлахъ Запада, и потому единственный, извѣстный намъ, намекъ его въ этомъ направленіи — карбонаріи, упомянутые въ письмѣ къ Имп. Николаю [2]). У другихъ декабристовъ, особливо тѣхъ, которые проживали въ столицахъ, напротивъ, постоянно мелькаютъ отраженія зажигательныхъ искръ, летѣвшихъ изъ Испаніи и Италіи. Многое въ разговорахъ и показаніяхъ декабристовъ не понятно тому, кто не ознакомится предварительно съ исторіей возстанія Ріего и Кироги, его предшествующихъ и послѣдующихъ моментовъ. Не говоримъ напр. о томъ, что полковникъ Булатовъ, человѣкъ безъ образованія, мало свѣдущій въ политическихъ вопросахъ, въ самый день возстанія мечтательно сравниваетъ себя съ Ріего и Брутомъ [3]), что младшій братъ его, начитавшійся вольныхъ стиховъ, поминутно (уже

---

[1]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній, стр. 76 и 81.

[2]) Булатовъ сравниваетъ А. И. Якубовича съ Брутомъ, но говоритъ, что А. И., преданный императорскому дому, не искалъ смерти Николая, что слава римскаго героя его не манила, такъ какъ 14-го Декабря онъ имѣлъ полную возможность убить Императора, но этого не сдѣлалъ. См. Булатовъ, Письмо къ В. К. Михаилу Павловичу, Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 245.

[3]) Тамъ же, стр. 238. Это извѣстно и слѣдственной комиссіи, въ Донесеніи которой читаемъ: Булатовъ, заряжая пистолеты (въ самый день 14-го Дек.) говорилъ—можетъ быть, увидятъ, что есть въ Россіи Бруты и Ріеги, которыхъ (въ чемъ признается откровенно) зналъ только по именамъ. Русск. Историч. Библ. № 1, стр. 42. Это—въ чемъ признается откровенно—одинъ изъ перловъ Донесенія.

послѣ сцены на сенатской площади) твердилъ—„и не будетъ у насъ, ни Брута, ни Ріего“ [1]).

Все это не такъ интересно. Гораздо цѣннѣе отзывы декабристовъ о Фердинандѣ VII и тѣ выводы, которые они дѣлали изъ поведенія испанскаго монарха. Они видѣли въ Фердинандѣ предостерегательный примѣръ: въ Испаніи ошиблись, вышло плохо, пусть же ошибка не повторяется въ Россіи! Такъ графу Мамонову „конституція Гишпанскихъ кортесовъ“ очень нравилась, онъ считалъ, что она мудро написана. Однако, принять ее въ Россіи цѣликомъ казалось ему невозможнымъ. Почему же? Потому что, при всей своей радикальности, конституція 1812 года оставалась монархической, а между тѣмъ—épargner les tyrans c'est se préparer, se forger des fers plus pesants que ceux qu'on veut quitter... Что же! Кортесы разосланы, распытаны, къ смерти приговариваемы, и кѣмъ же? Скотиною, которому они спасли корону! [2]) Тоже у А. Поджіо, который произноситъ самое слово р е с п у б л и к а: „видя въ Испаніи ниспроверженіе конституціи и предвидя вездѣ мятежи, къ коимъ сіе происшествіе ея клонило.... при понятіяхъ, уже носящихся о республикѣ, я принялъ ее за цѣль также свою, принялъ также ц ѣ л ь и преступной мѣры, преступленія и не однимъ!“ [3])

Тиранствомъ и вѣроломствомъ Фердинанда А. Поджіо объяснялъ и старался оправдать замыселъ де-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 242.

[2]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній, стр. 153.

[3]) Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 194. А. Поджіо упоминаетъ также (стр. 191) о письмѣ К в и р о г и къ Фердинанду. О какомъ письмѣ идетъ здѣсь рѣчь, мы не знаемъ.

кабристовъ покончить съ Александромъ I и со всѣми прочими членами Императорской фамиліи, замыселъ, имѣвшій много сторонниковъ въ Южномъ Обществѣ. Однажды, показываетъ А. Поджіо, онъ пріѣхалъ къ Матвѣю Муравьеву и сказалъ слѣдующее: „погибъ Ріего, человѣкъ, хотя тотъ самый, который уничтожилъ инквизицію, пытки, избавилъ много заточенныхъ тѣхъ самыхъ, провозгласившихъ въ 1809 году конституцію (!), проливши кровь свою для избавленія ея, отечество свое отъ ига Наполеона; та самая конституція, которую Государь нашъ призналъ настоящею въ 1812 г. въ Великолуцкомъ трактатѣ съ Испаніей и которую однако-жъ теперь разрушили“... На это М. Муравьевъ отвѣтилъ: „Ріего самъ виноватъ, долженъ былъ основать республику и никакъ не вѣрить присягѣ тирана“... Вотъ какимъ образомъ, добавляетъ А. Поджіо, уподобляли мы Россію Испаніи, не имѣя ни инквизиціи, словомъ ни тѣхъ гоненій! [1]) То же самое и въ Запискѣ А. Бестужева, которую онъ назначалъ для Николая I. Испанія доказала, что вынужденное согласіе на конституцію не прочно. Какъ же поступить въ томъ случаѣ, если русскій императоръ, давши клятву конституціи, нарушитъ ее? Отвѣтъ одинъ— онъ долженъ быть убитъ! Южане, какъ выразился Рылѣевъ, которому А. Бестужевъ поставилъ свой вопросъ, берутся извести Государя при случаѣ [2]).

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 202.

[2]) Тамъ-же, стр. 120.

Мы помнимъ, какую роль сыгралъ въ испанской революціи небольшой островъ Леонъ, расположенный передъ Кадисомъ: тамъ происходили первыя засѣданія кортесовъ 1810—1812 гг., оттуда же въ 1820 г. Кирога дѣлалъ неудачныя попытки завладѣть городомъ, гдѣ его ждали единомышленники и товарищи [1]). Второе обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія декабристовъ: они стали искать и скоро нашли русскій островъ Леонъ. Впрочемъ, на этотъ счетъ мнѣнія ихъ расходились. Однажды, незадолго до 14-го Декабря, у Рылѣева и Н. Бестужева былъ разговоръ съ Г. С. Батеньковымъ. По мнѣнію Рылѣева, Кронштадтъ есть нашъ островъ Леонъ, а между тѣмъ тамъ ни о чемъ кромѣ картъ и билліарда не думаютъ [2]). Мысль Рылѣева ясная и простая: кто владѣетъ Кронштадтомъ, владѣетъ Петербургомъ. Г. С. Батеньковъ съ нимъ не согласился; онъ думалъ, напротивъ, что „сей островъ долженъ быть на Волховѣ или Ильменѣ" [3]). По всѣмъ вѣроятіямъ, Батеньковъ имѣлъ въ виду слѣдующее: необходимо прежде всего справиться съ Аракчеевымъ, а потомъ все прочее устроится само-собою. Для этой цѣли Ильмень или Волховъ, конечно, пригоднѣе Кронштадта [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 22, прим. 2-ое и 37.

[2]) А. К. Бороздинъ, Изъ писемъ и показаній, стр. 109 и 186.

[3]) Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 173.

[4]) Высказываемъ эту догадку съ оговорками, потому что Г. С. Батеньковъ не былъ безусловнымъ врагомъ Аракчеева. См. его отзывъ о грузинскомъ отшельникѣ, Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 155. По словамъ Н. И. Греча (Записки, стр. 254), Аракчеевъ посадилъ Батенькова въ Совѣтъ военныхъ поселеній, а потомъ до того насолилъ ему, что Б. пошелъ въ заговоръ Рылѣева.

Декабристы въ своихъ мечтахъ и разговорахъ любили сравнивать себя съ Ріего, но только одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, напоминаетъ испанскаго героя близко и точно. Это—С. И. Муравьевъ-Апостолъ, одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ среди дѣятелей знаменитаго возстанія. Только неподготовленность Россіи и ближайшаго къ С. И. Муравьеву круга къ конституціонному перевороту, только внѣшнія обстоятельства или судьба не позволили ему совершить то, что удалось Ріего. Но входить въ подробную характеристику С. И. Муравьева, излагать ходъ васильковской исторіи 31-го Декабря 1825 г. мы не станемъ, отсылая читателя къ солидной монографіи П. Е. Щеголева. Почтенный авторъ въ достаточной мѣрѣ разъяснилъ степень испанизма С. Муравьева, его близкое знакомство съ испанской революціей и т. д. [1]). Несомнѣнно, что и Муравьевъ совершилъ тотъ же циклъ развитія, какъ и большинство его товарищей: войны съ Наполеономъ, изученіе политическихъ сочиненій, введеніе конституціи въ Испаніи и Италіи—на все это ссылается

---

[1]) См. Минувшіе Годы, Ноябрь 1908 г., стр. 50—80, Катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола. Идея муравьевскаго катехизиса, по указанію г. Щеголева, была ближайшимъ образомъ почерпнута изъ романа N. A. de Salvandy, Don Alonzo ou l'Espagne (Paris 1824). Не споря съ авторомъ по существу, замѣтимъ въ дополненіе, что отрывки изъ исп. катехизиса были напечатаны въ „Воспоминаніяхъ объ Испаніи" Ѳ. Булгарина (стр. 49—54). Тотъ же Булгаринъ сообщаетъ, что отрывки такого рода были помѣщены во многихъ русскихъ журналахъ. Вѣроятно, С. И. Муравьевъ-Апостолъ зналъ и русскія версіи испанскаго катехизиса. Т. обр. и до декабря 1825 онъ и Бестужевъ-Рюминъ могли быть знакомы съ исп. катехизисомъ не только по наслышкѣ, какъ думаетъ г. Щеголевъ. (См. ук. статья, стр. 63).

онъ въ своемъ показаніи [1]). Но онъ пошелъ дальше. Онъ вѣрно оцѣнилъ роль религіознаго элемента въ народныхъ движеніяхъ, видѣлъ его явное присутствіе въ испанскихъ дѣлахъ, и царемъ для Россіи хотѣлъ признавать только Іисуса Христа. Республиканецъ, С. И. Муравьевъ значительно опередилъ монархическаго конституціоналиста Ріего, но очевидно сходился съ нимъ въ пылкости и рѣшительности. Организаторы возстанія 1820 г. мечтали о конституціонномъ режимѣ для Испаніи лишь въ общихъ и довольно неопредѣленныхъ чертахъ; Ріего же началъ съ того, что провозгласилъ конституцію 1812 г. [2]). То же и С. И. Муравьевъ. Не взирая на неудачу, постигшую общее предпріятіе въ Петербургѣ, онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ, съ безумной смѣлостью и, конечно, палъ ея жертвой. Несостоявшійся походъ С. И. Муравьева на Кіевъ и Москву и движеніе колонны Ріего—вотъ точки соприкосновенія заговорщиковъ—испанскаго и русскаго! [3])

По сравненію со всѣмъ, изложеннымъ выше, у П. И. Пестеля мы найдемъ сравнительно немного новаго. Тѣ же ссылки на духъ времени, на разительные примѣры южно-романскихъ революцій и т. д. „Нынѣшній вѣкъ, какъ выражается бывшій командиръ Вятскаго полка, ознаменовывается революціон-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, Идеалы декабристовъ, стр. 212.

[2]) См. Alcalá Galiano, Memorias, т. I, стр. 480.

[3]) О васильковскомъ возмущеніи см. еще Th. Schiemann, Gesch. Russlands unter Kaiser Nikolaus I, томъ II, стр. 64 и слѣд. и статью проф. В. С. Иконникова, Крестьянское движеніе въ Кіевской губерніи въ 1826—27 гг. въ Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго, стр. 678 и слѣд.

ными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи... Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила, укоренили оныя въ умахъ“ [1]). Пестель признается, что вѣрилъ въ осуществленіе своихъ плановъ, основываясь на примѣрѣ современныхъ революцій въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ [2]). Склоняясь на сторону республиканскаго правленія, онъ опять таки доказывалъ непрочность монархическихъ конституцій тѣмъ простымъ фактомъ, что въ Испаніи и Португаліи короли, которымъ было поручено укрѣпленіе свободныхъ началъ въ странѣ, воспользовались своимъ величіемъ и властью, чтобы возстановить абсолютизмъ [3]). Наконецъ, въ одномъ изъ разговоровъ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ Пестель восхвалялъ, между прочимъ, и испанскій государственный уставъ [4])

---

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Декабристъ Пестель передъ верховнымъ судомъ, отд. изд., стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 16—17.

[3]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, ук. соч. стр. 28 и 147.

[4]) Тамъ же, стр. 151. Изслѣдованія вопроса о взаимоотношеніяхъ конституціонныхъ проэктовъ декабристовъ и т. н. испанской конституціи читатель, надѣемся, и не ожидаетъ отъ насъ, какъ историка литературы. Но такое изслѣдованіе, конечно, очень желательно, и

Forse altri canterà con miglior plettro.

Укажемъ только одну мелочь. Въ проэктѣ конституціи С. П. Трубецкого, глава I, § 1 сказано: Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Въ примѣчаніи читаемъ: Изъ И. К. (?) не должно быть и предположенія о принадлежности. Знакъ вопроса послѣ буквъ И. К. поставленъ, очевидно, издателемъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ, и затемняетъ смыслъ фразы. Ее надо читать такъ: Изъ И. К; не должно быть и предположенія принадлежности. И. К. есть Испанская Конституція, одинъ изъ § которой гласитъ: Nacion española

Мы только что упомянули К. Ѳ. Рылѣева; его симпатіи къ Испаніи и интересъ къ ея дѣламъ не исчерпываются разсужденіями о Кронштадтѣ, какъ русскомъ островѣ Леонѣ. Нѣтъ, они сказались и въ поэзіи автора „Войнаровскаго". Любовь къ общественному благу—господствующая мелодія и въ его Думахъ, и въ прочихъ стихотвореніяхъ [1]). Мечтая о свободѣ для Россіи, Рылѣевъ, подобно своимъ друзьямъ, долженъ былъ увлекаться испанскими героями и особенно Ріего. Конечно, отрицательныя черты Ріего на картину апоѳеоза не заносились, вѣроятно, даже не были извѣстны. Среди стихотвореній, приписываемыхъ Рылѣеву, есть Ода къ Императору Александру I, призывающая его помочь возставшимъ Грекамъ и сражающимся за вольность Испанцамъ. Къ сожалѣнію, авторство Рылѣева въ данномъ случаѣ не установлено вполнѣ достовѣрно [2]). Другое дѣло стихотвореніе „Гражда-

es libre é independiente sin ser ni poder ser patrimonio de ninguna familia ó persona—(испанскій народъ) свободенъ и независимъ, не есть и не можетъ быть собственностью какого-либо семейства или лица. Русскій текстъ почти дословно взятъ съ испанскаго. Когда проектъ Трубецкого обсуждался въ кружкѣ сочувствующихъ, мысль о независимости русскаго народа казалось одному изъ нихъ столь ясной и очевидной, что, по его мнѣнію, и упоминать объ этомъ не слѣдовало. Онъ и высказался соотвѣтственнымъ образомъ въ примѣчаніи. См. Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, стр. 97, прим. 1-е и Rafael de Labra, La constitucion de Cádiz de 1812. Madrid 1907, стр. 65.

[1]) См. Н. А. Котляревскій, К. Ѳ. Рылѣевъ, стр. 65 и слѣд. (СПб. 1908) и Литературныя направленія Александровской эпохи, стр. 106 и слѣд. (СПб. 1907). См. слѣд. стихотворенія Рылѣева: къ А. А. Бестужеву (по изд. Мазаева, стр. 93), къ Ѳ. Н. Глинкѣ (тамъ же, стр. 95), Гражданское мужество (по изд. Мазаева, стр. 98—99), изъ Думъ—Державина (по изд. Ефремова, стр. 73, строфа 4-я), Волынскаго (по изд. Ефремова, стр. 66) и т. д.

[2]) Н. А. Котляревскій, К. Ѳ. Рылѣевъ, стр. 72 прим. и П. А. Ефремовъ въ изданіи сочиненій и переписки К. Ѳ. Рылѣева, стр. 339.

нинъ“, написанное въ роковомъ 1825 году. Его содержаніе хорошо извѣстно. Поэтъ не хочетъ позорить санъ гражданина, предаваясь бездѣлью и нѣгѣ въ то время, какъ родина требуетъ самоотверженнаго служенія... Позорно изнывать подъ игомъ самовластья, не готовясь для грядущей борьбы за свободу... Кто малодушно бездѣйствуеть, покоясь въ объятіяхъ праздной нѣги, тотъ скоро раскается. Близится время бурнаго мятежа. Народъ жаждетъ свободныхъ правъ. Онъ возстанетъ... Горе тѣмъ, въ которыхъ онъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги [1]). Вновь передъ нами знакомое сочетаніе именъ—Брутъ и Ріего! Испанецъ прямо предложенъ въ качествѣ образца для всѣхъ русскихъ, которые стремятся на бой за свободу!.. Въ этомъ стихотвореніи испанизмъ декабристовъ достигаетъ высшей точки. Не только практическія соображенія объ осуществимости того или иного плана дѣйствій, какъ напр. у Пестеля, не только печальные выводы отъ опытовъ тирана съ конституціей, изложенные при томъ въ болѣе или менѣе уединенной бесѣдѣ, между своими. Рылѣевъ, какъ поэтъ, стремится дѣйствовать на широкій кругъ публики и своимъ стихотвореніемъ, которое написано въ декабрѣ 1825 г., очевидно имѣлъ въ виду возбудить и поддержать симпатіи къ дѣлу своихъ единомышленниковъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Горячее чувство поэта-патріота заставляло его напомнить изнѣженнымъ современникамъ, какъ нужно дѣйствовать, и гдѣ находятся

---

[1]) К. Ѳ. Рылѣевъ, по изд. Мазаева, стр. 108—109.

истинные герои. Если бы бунтъ декабристовъ удался, Ріего, пожалуй, попалъ бы и въ русскій пантеонъ Славы [1]).

Итоги этой главы подвести недолго. Испанская революція оказала несомнѣнное вліяніе на декабристовъ и должна считаться однимъ изъ довольно важныхъ факторовъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагалось 14-ое Декабря 1825-го года. Декабристы были хорошо знакомы и съ событіями, и съ героями, большею частью правильно оцѣнивали и тѣ, и другихъ, конечно, впадая въ неизбѣжную идеализацію. Знали они и испанскую конституцію, связь которой съ ихъ проэктами въ одномъ случаѣ и установляется вполнѣ прочно. Декабристы по достоинству опредѣлили характеръ Фердинанда VII, не стѣсняясь даже

---

[1]) Съ этимъ восторженнымъ кличемъ Рылѣева о Ріего интересно сравнить эпиграмму, которой Пушкинъ отозвался на казнь испанскаго революціонера. Пушкинъ, какъ извѣстно, прочныхъ связей съ декабристами не имѣлъ, но все же не пожелалъ бросить грязью въ того, кого еще такъ недавно прославляли и воспѣвали во всей Европѣ. Эта справедливость въ оцѣнкѣ Ріего и нашла выраженіе въ эпиграммѣ, которая читается—

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріего былъ удавленъ.
„Я очень радъ, сказалъ усердный льстецъ,
Отъ одного мерзавца міръ избавленъ“.
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріего былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я, но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно-ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

грубыми эпитетами. Вѣроломство испанскаго короля внушало подозрительность по отношенію къ русскому царю и подталкивало на скользкій путь злоумышленія. Любимымъ героемъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ Ріего, всего болѣе напоминающій С. И. Муравьева-Апостола. Словомъ, 14-го Декабря 1825-го года есть русское pronunciamiento [1]).

---

[1]) Связь декабристовъ съ испанской революціей, равно какъ и то обстоятельство, что и другія возмущенія въ Россіи навѣяны отчасти извнѣ—не ускользнули отъ взоровъ фактическихъ и принципіальныхъ противниковъ К. Ѳ. Рылѣева и его товарищей. Это обнаружилось уже при безпорядкахъ 1820-го года въ Семеновскомъ полку. Уже тогда командиръ Преображенскаго полка Пирхъ въ письмѣ къ Бенкендорфу высказалъ, что „во время правленія монарха, подобнаго нашему, личностей, подобныхъ Квирога и Пепе (неаполитанскій революціонный генералъ 1820 г., см. ниже, глава VIII) существовать не можетъ". См. В. И. Семевскій, Волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 г., Былое, 1907, Январь, стр. 12. Тогда же рядовой л. г. Егерскаго полка Гущеваровъ говорилъ, что семеновцамъ за ихъ поступокъ ничего не будетъ, иначе взбунтуется вся гвардія... „Вѣдь здѣсь не Гишпанія: тамъ бунтуютъ мужики и простолюдины, ихъ можно унять, а здѣсь взбунтуется вся гвардія, не Гишпаніи чета, все подыметъ". См. В. И. Семевскій, Былое 1907, Февраль, стр. 94. Въ томъ, что волненія у семеновцевъ и общее недовольство въ странѣ и въ Петербургѣ вызвано иноземными отраженіями, что это происки западныхъ революціонеровъ и ихъ сторонниковъ въ Россіи, были увѣрены и Имп. Александръ, и многіе изъ представителей высшаго военнаго начальства. Ту же точку зрѣнія къ декабристамъ былъ склоненъ, но съ ограниченіями, примѣнить и самъ ихъ строгій судія, Императоръ Николай. 1-го Января 1826-го года (по новому стилю) состоялся обычный пріемъ дипломатическаго корпуса въ Зимнемъ Дворцѣ. Николай сказалъ рѣчь, въ которой болѣе всего распространился о только что подавленномъ мятежѣ. Заговоръ существовалъ давно. Его начали подготовлять нѣсколько офицеровъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, гдѣ они прониклись революціонными ученіями и смутными желаніями улучшеній. Мы долго могли предполагать существованіе иноземныхъ вліяній. Революціонный духъ, внесенный въ Россію горстью людей, пустилъ нѣсколько ложныхъ ростковъ и внушилъ нѣсколькимъ злодѣямъ и безумцамъ мечту о возможности революціи, для которой, благодаря Бога, въ Россіи нѣтъ данныхъ. Армія осталась вѣрна престолу, даже бунтовавшіе солдаты были вовлечены въ обманъ только благодаря ихъ

V.

И такъ, на общемъ пріемѣ дипломатическаго корпуса 1-го Января 1826-го года Имп. Николай высказывался въ томъ смыслѣ, что компанія декабристовъ ничтожна, что ея стремленія и принципы навѣяны извнѣ... Почти тоже говорилъ онъ и въ уединенной бесѣдѣ съ французскимъ посломъ La Ferronnais, котораго считалъ своимъ другомъ и передъ которымъ жаждалъ излить душу въ тяжелую минуту. Императоръ не скрылъ своего отвращенія къ презрѣнному заговору, къ злодѣямъ, его задумавшимъ.

Николай не удовольствовался одной бесѣдой съ французомъ, состоявшейся перваго января 26-го года[1]). На другой день, какъ извѣстно, имѣло мѣсто второе a parte съ La Ferronnais, которому Императоръ хотѣлъ

непоколебимой вѣрности клятвѣ. Поэтому, по мнѣнію Императора, возстаніе 14-го Декабря нельзя сравнивать съ тѣми, что происходили въ Испаніи и въ Пьемонтѣ. См. Н. К. Шильдеръ, Имп. Николай I, томъ I, стр. 340—342. Th. Schiemann, ук. соч. т. II, стр. 115, не совсѣмъ точно передаетъ рѣчь царственнаго оратора: Николай вовсе не говорилъ, что декабристы хотѣли повторить событія въ Туринѣ и Испаніи. Напротивъ, признавая наличность постороннихъ вліяній, онъ все время старается доказать коренное различіе между русскими и западными дѣлами, будучи убѣжденъ, что въ Россіи нѣтъ мѣста для революціи. Въ этомъ послѣднемъ онъ, конечно, жестоко ошибался.

[1]) Шильдеръ. Николай I, т. I, стр, 343 и слѣд.

сообщить о результатахъ перваго разслѣдованія заговора, затѣмъ чтобы Карлу X были доставлены самыя точныя свѣдѣнія о немъ. Помимо этого, Николай имѣлъ въ виду, черезъ посла дружественной державы, ознакомить и всю Европу съ разыгравшейся трагедіей: въ лицѣ La Ferronnais русскій царь какъ бы приглашалъ Западъ стать судьею между нимъ и заговорщиками. И снова Императоръ не пощадилъ тѣхъ, кто вышелъ противъ него на Сенатскую площадь. Цѣль, которую ставили себѣ декабристы, онъ признавалъ безсмысленной, а путь, которымъ они хотѣли идти,—путемъ преступленій. Заговоръ, только что обнаружившійся, по истинѣ отвратителенъ: онъ грозилъ и существованію Россіи, и спокойствію всей Европы. При исполненіи адскаго умысла русскіе скоро бы превзошли Робеспьеровъ и Маратовъ... Россіи долго придется залѣчивать раны, которыя нанесены горстью злодѣевъ [1]).

Такая двойственность въ оцѣнкѣ декабристовъ—горсть злодѣевъ, едва не погубившая огромное государство, легла въ основу знаменитаго Донесенія слѣдственной комиссіи, въ которомъ Императоръ прочиталъ собственныя мысли. Это донесеніе было переведено на иностранные языки, напечатано отдѣльными брошюрами и попало даже въ Annuaire historique universel за 1825-ый годъ [2]). Самыя статьи о восшествіи Николая I на престолъ, о различныхъ эпизодахъ исторіи декабристовъ, наконецъ, о ихъ

---

[1]) Шильдеръ, ук. соч. т. 1, стр. 368 и слѣд.

[2]) Annuaire historique universel pour 1825... par C. L. Lesur. Paris, 1826, стр. 78—114 приложеній.

казни, статьи, которыя иностранный читатель находилъ въ Annuaire, были также довольно тенденціозны, бросали на событіе 14-го Декабря ложный свѣтъ, грозившій уничтожить симпатіи многихъ слоевъ западно-европейскаго общества къ русскому начинанію [1]).

И здѣсь, такимъ образомъ, царское правительство пользовалось своимъ авторитетомъ, чтобы привлечь Европу на свою сторону [2]). Поэтому стóитъ остановиться на отдѣльныхъ подробностяхъ Донесенія.

Оказывается, что у декабристовъ была ложно-понимаемая любовь къ отечеству, за которой, на самомъ дѣлѣ, таились замыслы безпокойнаго честолюбія. Нѣкоторые изъ членовъ Союза Благоденствія преслѣдовали виды личной корысти. Вообще, это люди мало образованные, съ нетерпѣливыми стра-

---

[1]) Annuaire за 1825-ый г., стр. 383 и слѣд. и Annuaire за 1826-ой годъ, стр. 329 и слѣд.

[2]) Декабристы не оставили безъ отвѣта толкованіе ихъ дѣятельности, предложенное въ оффиціальной версіи. Многіе изъ нихъ въ своихъ запискахъ критикуютъ пристрастность и односторонность Донесенія, ссылаясь иногда на мнѣніе лучшихъ юристовъ Европы. См. Записка Фонъ-Визина, Обществ. движенія, стр. 198—199; Штейнгель, тамъ-же, стр. 307, 447 и 455, и мнѣніе Розена у Шильдера, ук. соч. т. I, стр. 434. Отдѣльно стоитъ оправданіе Н. И. Тургенева, который стремится свести на нѣтъ самое существованіе тайнаго общества, доказывая, изо всѣхъ силъ, что декабристовъ было очень мало, что они были крайне плохо организованы и т. д. Получается не безъинтересная параллель между писаніемъ Д. Н. Блудова и взглядами Н. И. Тургенева. Впрочемъ, историческая критика давно уже оцѣнила истинное значеніе первой части La Russie et les Russes, тенденціозность и лживость которой приводила въ негодованіе еще кн. С. Г. Волконскаго. См. П. Е. Щеголевъ, Владиміръ Раевскій и его время, Вѣстн. Евр. 1903, Іюнь, стр. 518 и слѣд. и особенно M. Wischnitzer, Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrh. Berlin 1907, стр. 205—221.

стями, съ ничтожными средствами для исполненія задуманнаго. Въ Русской Правдѣ Пестеля, который хотѣлъ для себя, по крайней мѣрѣ, царской власти, обнаруживается смѣшное и едва вѣроятное невѣжество. Заговорщики обманывали другъ друга, и только сознаніе безсилія удерживало этихъ безумцевъ отъ мятежа. Иными руководила мелочная злоба, обманутые разсчеты на успѣхи въ жизни, на блестящее положеніе въ обществѣ. Такъ напр. Штейнгель присоединился къ заговорщикамъ, побуждаемый досадой „видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ". Въ декабристахъ наблюдается удивительная смѣсь звѣрства и легкомыслія, они часто жалки! Ихъ бѣшенство неизъяснимо. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, напр. подпоручикъ Кожевниковъ, въ самый день мятежа, были пьяны. Эти пламенные террористы готовы на ужаснѣйшія преступленія, а С. И. Муравьевъ-Апостолъ въ одномъ селеніи безденежно взялъ у жителей съѣстные припасы [1]). Совершенно тотъ же взглядъ проводится и въ прочихъ правительственныхъ документахъ, связанныхъ съ дѣломъ 14 Декабря — въ Манифестахъ 22-го Дек. 1825 и 15-го Іюля 1826-го годовъ, въ оффиціозныхъ статьяхъ Русскаго Инвалида отъ 7-го и 29-го Янв. 1826 года и т. д. Повсюду декабристы гнусная, ненавистная шайка, изверги, развратныя сердца, зараза, занесенная извнѣ и т. п. [2]).

---

[1]) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Русская Историч. Библіотека, № 1. СПБ. 1906, стр. 15, 20, 23, 27, 28, 29, 32, 34—36, 41, 44.

[2]) Тамъ-же стр. 3, 6, 48 и друг.

Многіе изъ этихъ близорукихъ, а иногда прямо смѣшныхъ, отзывовъ перешли и въ статьи Annuaire historique. Авторъ, котораго назвать мы не сумѣемъ, превозноситъ безкорыстіе и откровенность Донесенія, характеризуетъ его какъ fameux rapport, заслуживающій полнаго довѣрія. И дѣйствительно, и здѣсь выходитъ, что декабристы—секта, что они—тигры, что ихъ заговоръ не имѣлъ прочныхъ корней ни у солдатъ, ни среди народа. Далѣе, говоря о Верховномъ Судѣ, авторъ не считаетъ нужнымъ сомнѣваться въ томъ, что это былъ судъ безпристрастный, согласный съ духомъ законовъ... Впрочемъ, здѣсь маленькая оговорка, не заимствованная изъ Донесенія, а уже прямо принадлежащая французу: въ странѣ, лишенной свѣта цивилизаціи, какова Россія, и такой судъ былъ вполнѣ хорошъ. Настоящая цѣль декабристовъ—реформа и конституція—и въ Annuaire, какъ въ Донесеніи, упомянута лишь вскользь [1]).

Изъ всего этого получается только одинъ выводъ: Николай I и собственнымъ словомъ, и черезъ судъ, и путемъ печати старался предупредить общественное мнѣніе Европы, по своему освѣтить дѣло декабристовъ, нарисовать его такими красками, что оно представлялось или безсмысленнымъ, или злодѣйски-развратнымъ. Однимъ ударомъ достигалась двойная цѣль: Западная Европа, тогда еще хуже

[1]) Annuaire за 1825 г., стр. 383, 390, прим. 1-ое, 391; за 1826 годъ стр. 329, 331, 333, 343, 344, 345. Походъ С. Муравьева-Апостола названъ la parade républicaine. Сравненіе декабристовъ съ тиграми заимствовано изъ одного австрійскаго журнала.

освѣдомленная въ русскихъ дѣлахъ, чѣмъ теперь, не могла самостоятельно разобраться въ петербургскихъ событіяхъ. Либералы, которымъ говорили, что силы декабристовъ ничтожны, могли съ сожалѣніемъ пожимать плечами, осуждая безразсудность предпріятія. Консерваторы, сторонники идей Священнаго Союза, еще недавно торжествовавшіе побѣду на Веронскомъ конгрессѣ, имѣли право лишній разъ сослаться на пагубность революціонныхъ идей, на злобу и звѣрство ихъ адептовъ.

Перенесемся теперь въ Испанію. Можетъ быть, и тамъ, какъ въ Парижѣ, первое время думали, что 14-го Декабря въ Петербургѣ шелъ споръ исключительно династическаго характера, что одинъ претендентъ боролся съ другимъ. Было, такъ сказать, дѣло домашнее, испанцевъ вовсе не касавшееся [1]). Но, когда, вслѣдъ за этимъ, раздались съ высоты русскаго трона авторитетныя объясненія, колебанія въ оцѣнкѣ декабристовъ были уже не допустимы. При-

---

[1]) См. объ этомъ Н. И. Тургеневъ, La Russie et les Russes, т. I, стр. 186—187 (Paris, 1847). Н. И. отмѣчаетъ (нѣсколько ниже, на стр. 192-ой) сдержанный тонъ англійскихъ и французскихъ журналовъ въ сообщеніяхъ о событии 14-го Декабря: не высказываясь ни за обвинителя, ни за обвиняемыхъ, журналы ограничивались простымъ перечисленіемъ фактовъ. Это и неудивительно, прибавимъ отъ себя, потому что огромное и, во многомъ, плодотворное значеніе предпріятія декабристовъ въ тѣ дни иностранному наблюдателю уловить было весьма затруднительно. Онъ могъ и не соглашаться съ мнѣніями Донесенія, которыя bona fide (?) были приняты въ Annuaire, но высказать самостоятельный взглядъ едва-ли бы сумѣлъ. Всесторонняя оцѣнка декабристовъ, съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами, стала возможна только въ наши дни и далеко еще не закончена. Разумѣется, слова Н. И. Тургенева о франц. и англійскихъ журналахъ нуждаются въ нѣкоторой провѣркѣ. Ее можно было бы соединить съ работой, въ которую вошелъ бы сводъ англійскихъ, французскихъ и т. п., по преимуществу, современныхъ, отзывовъ о декабристахъ, и въ прозѣ, и

помнимъ, что въ тѣ дни въ Испаніи царило гоненіе на все, имѣвшее сколько - нибудь либеральную окраску, что Фердинандъ расправлялся съ своими

въ стихахъ. Стоитъ задаться вопросомъ, какъ въ передовыхъ странахъ Запада оцѣнили крупное русское дѣло, въ чемъ выразились симпатіи къ нему или осужденіе. Такого изслѣдованія въ ученой литературѣ пока еще нѣтъ, хотя собиранію матеріала уже положено начало, въ коллекціи Rossica Имп. Публ. Библіотеки. (См. каталогъ Rossica, т. II, стр. 644. СПБ. 1872). И мы въ настоящую минуту не обладаемъ должными познаніями для изученія этого интереснаго вопроса. Въ литературныхъ памятникахъ, стихотвореніяхъ, мемуарахъ и т. д., намъ лично извѣстныхъ, отголоски декабрьскихъ дней крайне рѣдки. Такъ въ Mémoires d'Outre-tombe Шатобріана, въ Récits d'une tante графини de Boigne (4 тома, Paris, 1908) о четырнадцатомъ декабря нѣтъ ни одной строчки. Зато маркизъ de Custine, посѣтившій Россію въ 1839 г., въ своей знаменитой книгѣ La Russie en 1839, полной очень тонкихъ наблюденій, безсовѣстной болтовни и невѣжества, дважды толкуетъ о декабристахъ. Первый разъ, въ письмѣ отъ 21-го Іюля 1839 г., когда описываетъ парадный оперный спектакль. Здѣсь Николай I удостоилъ француза довольно продолжительной бесѣды, въ которой зашла рѣчь о бунтѣ на Сенатской площади и о поведеніи Императора въ достопамятный день. Къ сожалѣнію, говоритъ Custine, я забылъ (sic!) первую половину разсказа Императора о томъ, что ему пришлось пережить 14-го Декабря. Вѣроятно, забывчивостью автора объясняется слѣдующее мѣсто въ словахъ Николая: „Je n' ai rien fait d'extraordinaire; j'ai dit aux soldats: Retournez à vos rangs, et au moment de passer le régiment en revue, j'ai crié: A genoux! Tous ont obéi“ (!!). Такъ-то сцена на Сѣнной площади во время холеры 1831 г. слилась въ воображеніи француза съ первымъ днемъ царствованія Николая! О самихъ декабристахъ, о ихъ цѣляхъ и планахъ Custine ограничивается такимъ замѣчаніемъ: Des gens bien instruits ont attribué cette émeute à l'influence des sociétés sécrètes par lesquelles la Russie est travaillée, dit-on, depuis les campagnes des alliés en France et les fréquents voyages des officiers russes en Allemagne. Je vous répète ce que j'entends dire: ce sont des faits obscurs et qu'il m' est impossible de vérifier, т. I, стр. 290—292 (по изд. Bruxelles, 1844). Въ 21-омъ письмѣ (отъ 3-го Авг. 1839) Кюстинъ знакомитъ читателя съ исторіей скитаній и бѣдствій княгини Е. П. Трубецкой, подчеркивая, какъ истый французъ, главнымъ образомъ, муки матери пятерыхъ дѣтей, каковою княгиня была въ 1839 г. Невинныхъ дѣтей онъ называетъ ces martyrs d'une politique féroce, говоритъ о ненасытной мстительности Николая I, о полномъ отсутствіи великодушія въ его характерѣ, а свой патетическій, въ общемъ близкій къ истинѣ, разсказъ заканчиваетъ цитатою изъ Данте (смерть дѣтей графа Уголино—D. C. Inferno, XXXIII, ст. 79—90)—

No dovei tu i figliuoli porre a tal croce!

De Custine, т. II, стр. 234—247.

врагами — конституціоналистами, что большинство виднѣйшихъ сторонниковъ идей 1812 года (Toreno, Galiano, Saavedra, Martinez de la Rosa) находились въ изгнаніи или эмигрировали, что цензура, особенно

Есть также и поэтическіе отзвуки исторіи декабристовъ во французской литературѣ. Н. И. Тургеневъ (La Russie et les Russes, т. I, стр. 207, прим.) упоминаетъ о романѣ Le maître d'armes, въ которомъ разсказывались приключенія, довольно близкія къ исторіи В. П. Ивашева и его жены, урожденной К. П. Ле-Дантю. См. Жены декабристовъ, сборникъ, составл. В. И. Покровскимъ, Москва 1906, стр. 73—106 и А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири СПБ. 1905, стр. 166—170. Изъ произведеній на темы о декабристахъ, принадлежащихъ крупнымъ авторамъ, можно указать поэму A. de Vigny Wanda, histoire russe—conversation au bal de Paris, помѣченную 5 Ноября 1847 г. Это—блестящая французская параллель къ „Русскимъ женщинамъ" Некрасова, спокойная, продуманная и трагическая, какъ большинство произведеній A. de Vigny въ стихахъ. На балу въ Парижѣ завязывается разговоръ между французомъ и Вандой, знатной русской барыней (grande dame russe). Французъ спрашиваетъ у Ванды, откуда у нея рѣдкія драгоцѣнности, украшающія ея руки и грудь? Отъ сестры, отвѣчаетъ Ванда, находящейся въ далекомъ изгнаніи, въ Сибири, куда она послѣдовала за мужемъ... И Ванда передаетъ исторію княгини Е. П. Трубецкой, конечно, навѣянную чтеніемъ Кюстина. Французъ глубоко растроганъ словами знатной дамы и восклицаетъ—

Cet homme enseveli vivant avec sa femme,
Ces esclaves enfants dont on va tuer l'âme,
Est-ce de nôtre siècle ou du temps d'Ugolin?

И французъ пускается въ разсужденія о русской исторіи, на страницахъ которой развертывается трагическая борьба между

Peuple silencieux, souverain gigantesque.

Декабристы только первые застрѣльщики этой борьбы. Когда она кончится? Увидимъ ли мы это въ наши дни? Тайна, которую трудно разгадать! Столкновеніе власти и народа, за интересы котораго боролись декабристы, кончилось пораженіемъ послѣдняго—

Les hommes sont tombés; les femmes, résignées,
Ont marché dans la neige à la voix des tambours,
Et, comme votre soeur, ont d'une main meurtrie
Bercé leurs fils au bord des lacs de Sibérie,
Et cherché pour dormir la tanière des ours.

Неужели мѣра ихъ страданій еще не исполнилась? Неужели царю чужды человѣческія чувства, напр. родительскія? Неужели онъ не произнесетъ слова прощенія?

Mais il n' a point parlé, mais cette année encore
Heure par heure lentement tombera,

журнальная, была нелѣпо строга — и мы поймемъ почему правильныя свѣдѣнія о декабристахъ, если и проникали въ Испанію, не могли имѣть широкаго распространенія [1]). Напротивъ, точка зрѣнія, которую отстаивало русское правительство, была хорошо извѣстна въ Испаніи, такъ какъ Донесеніе имѣется и въ испанскомъ переводѣ, выпущенномъ въ Мадридѣ въ 1826 г., по приказу самого короля [2]).

Et la neige sans bruit, sur la terre incolore,
Aux pieds des exilés nuit et jour gèlera.
Silencieux devant son armée en silence,
Le czar, en mesurant la cuirasse et la lance,
Passera sa revue et toujours se taira.

Продолженіе поэмы Wanda образуютъ двѣ строфы подъ однимъ общимъ заглавіемъ Dix ans après. Это—два письма Ванды къ тому же французу, первое изъ Тобольска отъ 21-го Окт. 1855, второе—оттуда же послѣ взятія Малаховскаго кургана. Княгиня Трубецкая умерла прежде, чѣмъ царь произнесъ—прощаю († 1853)! Сибирскіе рабы снесли прахъ княгини въ могилу, а дѣти ея молча слѣдовали за гробомъ—

La cloche seule émeut la ville inanimée.
Mais, au sud, le canon s'entend vers la Crimée,
Et c'est au coeur de l'ours que Dieu frappe l'orgueil.

Это былъ день битвы при Альмѣ! Во второмъ письмѣ Ванда сообщаетъ, что Севастополь палъ, что царь умеръ отъ ярости...

On dit que la balance immense
Du Seigneur a paru quand la foudre a tonné.
—La Sainte la tenait flottante dans l'espace.
L'épouse, la martyre a peut-etre fait grâce,
Dieu du ciel!—Mais la mère a-t-elle pardonné?

См. Alfred de Vigny, Poésies complètes (Calmann-Lévy éditeur, Paris, 1896) стр. 298—312. Радость Ванды о паденіи Севастополя едва-ли умѣстна въ устахъ русской женщины. Это, конечно, патріотическая мелодія, принадлежащая самому автору. О воспѣваніи французами крымской кампаніи см. у Ch. Lenient, Poésie patriotique en France dans les temps modernes, т. II, стр. 360 и слѣд. — полезный трудъ, заслуживающій полнаго вниманія. (Paris, 1894).

[1]) См. выше, стр. 46—47, и особено Hubbard, Histoire contemporaine de l' Espagne, 2-e série, т. I, стр. 43 и слѣд. (Paris, 1878).

[2]) Экземпляръ этого рѣдкаго изданія находится и въ Имп. Публ. Библіотекѣ (коллекція Rossica). Его точное заглавіе—Informe de la Comision creada en San Petersburgo para averiguar el origen dela rebel-

Но даже если истина о декабристахъ и долетѣла до городовъ и всей Испаніи, то, преломляясь въ мѣстной атмосферѣ, она пріобрѣтала новую окраску, не слишкомъ отличавшуюся отъ взглядовъ Имп. Николая. Мы знаемъ, какія партіи въ тѣ дни подвизались на политической аренѣ Испаніи. Которая же изъ нихъ могла считать дѣло декабристовъ своимъ дѣломъ? Ясно, что apostólicos и раболѣпные должны были только радоваться печальной развязкѣ судьбы Рылѣева, Пестеля и ихъ товарищей. Побѣдители послѣ реставраціи 1823 г. несклонны были признавать политическій катехизисъ, шедшій въ разрѣзъ съ ихъ собственнымъ, и безъ малѣйшихъ сомнѣній стали бы на сторону Николая I. Понятно, что отъ поэтовъ, примыкавшихъ къ лагерю serviles [1]), мы не ждемъ никакой оды и элегіи въ честь декабристовъ, даже если въ Испаніи и были точно освѣдомлены о трагическомъ концѣ русскихъ заговорщиковъ. Тоже самое встрѣтимъ мы и у умѣренныхъ, которые почти до 1823-го года держали въ рукахъ кормило правленія, а послѣ вторичной реставраціи Фердинанда или смирно сидѣли по различнымъ угламъ Испаніи, или вели скучную жизнь изгнанниковъ въ Лондонѣ и Парижѣ [2]).

---

lion y desordenes ocurridos en aquella corte el 26 de Diciembre de 1825 donde se manifiesta que procedió de las sociedades secretas. De orden de S. M. Madrid en la Imprenta Real. Año 1826. Стр. 144. in. 8-º. Здѣсь напечатаны: Донесеніе, Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Суда, Указъ Имп. Николая Верховному Суду отъ 10 іюля 1826 г. и краткое извѣстіе о казни пяти главныхъ преступниковъ.

[1]) Напр. герцогъ Frias (въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ). О немъ см, Juan Valera, Florilegio de poesias castellanas del siglo XIX, т. I стр. 59—60 (Madrid 1902).

[2]) Общую характеристику emigrados и ихъ литературы см. J. Valera, ук. соч. т. I, стр. 64—65 и Fitzmaurice-Kelly, Litt. espagnole, Paris 1904, стр. 380 и слѣд.

Конечно, всѣ они были конституціоналисты, сторонники либеральныхъ реформъ, защитники, частью творцы основныхъ законовъ 1812 г. Правда, что по кадисской конституціи роль короля была сведена почти на нѣтъ, что и moderados не особенно стѣснялись брать казенное жалованье и вступать въ заговоры противъ правительства, правда, наконецъ, и то, что всѣ ихъ стремленія были направлены на одинъ пунктъ—вернуть абсолютизмъ Фердинанда VII въ границы конституціи 1812 г. и, вернувши, не выпускать его оттуда... Во всемъ этомъ они сходились съ декабристами, отлично поняли бы ихъ задачи, раздѣляли бы ихъ желанія. Въ очень и очень многомъ moderados и декабристы, особенно примыкавшіе къ Сѣверному обществу, стояли рядомъ, были вполнѣ солидарны. Когда же умѣреннымъ пришлось въ 1823—24 гг. покинуть Испанію, они и на чужбину унесли либеральное міросозерцаніе, не отклоняясь отъ него ни влѣво, ни вправо.

Эти emigrados имѣютъ въ исторіи испанской литературы XIX-го столѣтія очень большое значеніе: возвращаясь на родину (1833 г. и слѣд.), они подарили Испаніи новую, т. н. романтическую поэзію [1]). Въ эпоху Кристины и Исабеллы для эмигрантовъ настали красные дни: бывшіе изгнанники примирились съ правительствомъ, а многіе изъ нихъ стали воспѣвать мощь и величіе возрожденной Испаніи, прославлять ея героевъ и руководителей.

---

[1]) См. Juan Valera, ук. мѣсто Florilegio. Объ испанскомъ романтизмѣ еще нѣтъ основательнаго изслѣдованія. Работа Piñeyro, El romanticismo en España—интересна, но дѣла не исчерпываетъ.

Но и въ 1823-емъ и ближайшихъ годахъ поэзія эмигрантовъ имѣетъ скорѣе элегическій, чѣмъ радикально-отрицательный, троны сокрушающій характеръ. Ознакомимся съ нѣсколькими стихотвореніями, въ которыхъ рисуются чувства и настроенія испанскихъ изгнанниковъ. Одно написано Альбертомъ Листа (Alberto Lista y Aragon, 1775—1848), севильскимъ каноникомъ, поэтомъ не крупной силы, но благороднаго и чистаго характера, учителемъ Хосé Эспронседы [1]). Оно такъ и озаглавлено—El emigrado de 1823. Несчастный Эрнесто бѣжитъ изъ страны, которая не знаетъ добродѣтели, гдѣ тигръ покрывается маской религіи. Въ этой странѣ не свободны отъ адскаго бѣшенства темныхъ и грубыхъ страстей ни тронъ, ни хижина земледѣльца... Горе монарху, который вздумаетъ бороться съ народнымъ невѣжествомъ и темнотой! На ихъ защиту, подъ предлогомъ защиты алтаря и трона, ринутся легіоны безумной черни. Подлая тиранія (la infanda tirania) господствуетъ въ Испаніи. Ей должно подчиняться рѣшительно все, вплоть до свободнаго ума изслѣдователя—

ya vacilan
De la moral las leyes eternales.
Obligacion es delatar; dar muerte—
Un acto de heroismo; las ideas—
Impiedad y ruina; solo ensalzan
La estupidez, que sanguinaria y dócil
Reina de las virtudes se apellida.

---

[1]) О Листѣ см. Florilegio, т. V, стр. 69—73.

Безполезно въ такой странѣ посвящать себя на служеніе общественному благу: факелъ чистаго разума сейчасъ же задуютъ! Кто хочетъ реформировать злоупотребленія, царящія тамъ, заслуживаетъ смерти! Всѣ трепещутъ въ Испаніи, не исключая доносчика, которому, кажется, живется не дурно. Спокойно существуетъ тотъ, у котораго нѣтъ ничего, даже единой мысли—

Solo vive tranquilo y descuidado
El que no es poseedor... ni aun de una idea.

Покинуть родину—вотъ что̀ остается! Есть болѣе счастливыя страны, гдѣ господствуетъ законъ, гдѣ рука власти замѣтна только въ тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя дѣлаетъ... Съ печалью, съ разбитымъ сердцемъ изгнанникъ говоритъ Испаніи—прости! [1])

Нельзя не признать, что изложенное стихотвореніе Листа написано человѣкомъ дѣйствительно очень умѣреннымъ: о ненависти къ королю, о злыхъ умыслахъ противъ него, которые должны избавить страну отъ тирана, не говорится ни слова. Напротивъ, самъ Фердинандъ изображается лицомъ страдательнымъ, которое находится во власти невѣжества и фанатизма. Вообще же, законы и власть необходимы, ибо на нихъ зиждется строй культурной жизни.

Не много болѣе радикализма у герцога Ривасъ или D. Angel de Saavedra, который, вмѣстѣ съ Эспронседой и Соррильей, образуетъ романтическую тріаду Испаніи. Ривасъ въ молодости сражался за

[1]) Florilegio, т. II, стр. 23—26.

независимость отечества, по возвращеніи Фердинанда въ 1814 г. былъ готовъ повѣрить въ искренность и патріотизмъ намѣреній короля [1]), потомъ, когда этотъ послѣдній обнаружился во всемъ блескѣ и красотѣ ограниченнаго тирана, дѣйствовалъ за одно съ либералами и въ 1823 г. раздѣлилъ ихъ участь. Изгнаніе привело его въ Англію. Морской переѣздъ онъ совершилъ въ Маѣ 1824 г. на англійскомъ пакетботѣ Francis Freeling. Здѣсь, на кораблѣ, имъ написано нѣсколько красивыхъ стихотвореній, рисующихъ душу изгнанника въ тяжелые дни. Первое изъ нихъ—удачная варіація темы На рѣкахъ вавилонскихъ—

¡Oh España! ¡O patria mia!
Si cuándo yaces de tiranos presa,
Puedo entonar tus cantos sólo un dia,
Y en él mi llanto cesa,
Jamás logre el consuelo
De volver á pisar tu amado suelo [2]).

Второе—большая элегія El desterrado. Поэтъ покидаетъ родину, корабль уже далеко отъ Кадиса, но какъ трудно и горько оставить страну, съ которой связаны и молодость, и лучшія желанія, и мечты! Ухо все еще ловитъ далекій шумъ родныхъ волнъ, разбивающихся о дорогіе берега Испаніи... Но вотъ грусть смѣняется раздраженіемъ... Неблагодарное отечество изгоняетъ того, кто всѣ силы отдавалъ

[1]) См. напр. стихотвореніе Al Rey nuestro señor, написанное въ 1817 г. на парадъ королевской гвардіи. Ср. Duque de Rivas, Obras completas, Madrid, 1894 и слѣд., т. I, стр. 293—302.
[2]) Тамъ-же, т. II, стр. 37—39.

ему, кто сражался съ французами, кто боролся съ домашнимъ деспотизмомъ и тираніей! Стóитъ-ли жалѣть такую страну?

No es ya mi patria, no... ¡Patria! No existe
Donde sólo hay opresos y opresores.

А какъ была счастлива та же Испанія въ старые годы, когда ея храбрыми сынами управляли благородные короли (nobles reyes)! Теперь повсюду тамъ своей тяжелой ногой давитъ деспотизмъ! Но есть и внѣшніе враги у Испаніи, иностранцы, явившіеся на помощь своимъ тиранамъ. Кто подчиняется тѣмъ и другимъ, пусть гибнетъ: онъ достоинъ своей жалкой участи! Но спокойствіе тирановъ и иностранныхъ побѣдителей не будетъ полнымъ: вокругъ нихъ будутъ летать тѣни ихъ жертвъ, защитниковъ свободы, которые, послѣ кратковременнаго тріумфа, были проданы и преданы. Эти люди—

libertad gritaron,
Y por ella animosos combatieron,
Hasta que abandonados y vendidos,
Mártires de la patria perecieron,
De un populacho necio escarnecidos (Riego).

Эти тѣни будутъ кружиться вокругъ Фердинанда и его пособниковъ и кричать—месть и кровь (sangre y venganza)! Поэтъ не хочетъ долѣе оставаться въ Испаніи; пусть она исчезнетъ съ лица земного! Но это проклятіе родинѣ вызвано только крайнимъ отчаяніемъ... Сладкія воспоминанія начинаютъ тѣсниться въ душѣ отъѣзжающаго: вотъ мать, вотъ друзья, вотъ любимая женщина! Неужели и на нихъ

отрясаетъ онъ прахъ со своихъ ногъ? Неужели же не жалко ему и родины? Развѣ всѣ тамъ добровольныя жертвы тирановъ? Сколько тамъ смѣлыхъ и благородныхъ людей, которые въ тиши готовятъ отомщеніе, которые сумѣютъ разбить позорныя цѣпи! Не надо же падать духомъ! Тирановъ и иностранцевъ ждетъ суровое наказаніе: быть можетъ, не далекъ тотъ день, когда въ Испаніи раздастся кличъ—свобода и месть (libertad y venganza)! Тогда и поэтъ счастливый, забывъ муки изгнанія и ужасы борьбы, вернется на родину—

Bella Hesperia, patria mía,
Embriagado en la esperanza
De que has de tener venganza,
Mis pesares templaré.
Llegue el suspirado día,
Mírete yo venturosa,
Libre, triunfante, gloriosa,
Y contento moriré [1]).

Ривасъ грозитъ тиранамъ местью, но къ убійству короля Фердинанда VII онъ не призываетъ. Ненависти къ монархическому принципу, республиканскихъ вождѣленій у него не было. По возвращеніи на родину, онъ примирился съ вдовою и дочерью Фердинанда VII и уже въ 1838 г. воспѣвалъ Кристину, какъ

---

[1]) Duque de Rivas, Obras, т. II, стр. 41—57.

astro tutelar de las Españas,
De belleza y bondad sol refulgente,
Á quien tributa la española gente
Un tesoro de amor, otro de hazañas [1]).

Вотъ этотъ роялизмъ испанскихъ революціонеровъ, начиная съ первыхъ pronunciamientos и до 1823-го года, заставившій ихъ бороться за конституцію, но не противъ короля, роялизмъ, сказавшійся въ томъ, что изъ всѣхъ освободительныхъ попытокъ только одна (заговоръ треугольника [2]) была, повидимому, связана съ замысломъ цареубійства—и не позволилъ бы умѣреннымъ видѣть въ декабристахъ своихъ полныхъ единомышленниковъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что лишеніе жизни Императора и всей Его фамиліи стояло въ программѣ декабристовъ, и при томъ на очень раннихъ стадіяхъ развитія Общества. Умѣренные, читая русскую правительственную брошюру или статьи въ Annuaire'ѣ, должны были отвернуться отъ людей, которые подготовляли смерть Императора. Вотъ почему и эмигранты, если они вообще что-нибудь знали о декабристахъ, ихъ судьбой не заинтересовались, ихъ страданій оплакивать не стали...

Гдѣ же остается искать испанскаго Рылѣева, который воспѣлъ бы русскаго Piego и его товарищей? Лишь въ средѣ exaltados. Но мы видѣли, что и восторженные не были республиканцами, что и они не замышляли цареубійства, хотя въ сво-

---

[1]) Duque de Rivas, т. II, стр. 153.
[2]) См. выше, стр. 34, прим. 3-е.

ихъ требованіяхъ и мечтаніяхъ шли гораздо дальше умѣренныхъ [1]). Революція 1820-го года ихъ дѣло. Во всемъ, кромѣ остатка роялистическихъ чувствъ, мѣшавшихъ имъ поднимать руку на Фердинанда VII, они сошлись бы съ декабристами, поняли бы ихъ. Можетъ быть, оправдали бы и покушеніе на государя, если бы приняли въ разсчетъ, что русскій цезаризмъ былъ системой гораздо болѣе внушительной и твердой, чѣмъ тронъ и алтарь, защищаемые Фердинандомъ. Наконецъ, зная, что осужденіе декабристовъ было произнесено одной изъ сторонъ, что въ данномъ случаѣ обвинитель, пострадавшій и судья совпадали, exaltados склонны были бы заподозрить искренность приговора, усумниться въ томъ, что декабристы заслужили свою злую судьбу... Все это несомнѣнно. Если гдѣ искать пѣвца русскихъ „мучениковъ за свободу“, то лишь у восторженныхъ, у радикальной партіи. Но въ рядахъ радикаловъ въ тѣ дни, о которыхъ идетъ рѣчь, ни нѣсколько позднѣе, не было слишкомъ много крупныхъ поэтовъ. Ни Ріего, ни Кирога стиховъ не сочиняли, Алькала́ или Мендиса́баль тоже не блистали поэтическимъ талантомъ. Почти всѣ наиболѣе выдающіеся представители литературы сосредоточились у умѣренныхъ. Будущій же поэтъ exaltados, радикалъ, иногда игравшій и на соціалистической струнѣ [2]), человѣкъ, близко напоминающій Рылѣева

---

[1]) См. выше, стр. 42.

[2]) О соціалистическихъ симпатіяхъ П. И. Пестеля см. въ статьѣ Н. С. Русанова, Минувшіе годы, Декабрь, 1908, стр. 170 и слѣд.

и Пестеля, авторъ, который долженъ былъ бы полюбить русскихъ своихъ товарищей, тогда, въ 1825-омъ году, былъ еще молодымъ мальчикомъ. Мы разумѣемъ Хосé Эспронседу (род. 1808 г.). Вѣрнѣе всего, что буря, пронесшаяся на сѣверѣ Европы, прошла для него совершенно незамѣтно, не оставила на душѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Когда же Эспронседа выростетъ, когда возмужаетъ и окрѣпнетъ его талантъ, онъ отзовется на русскія дѣла, но совершенно иными пѣснями, не панегирикомъ а грозною одой. Причины этого указать не трудно.

Дѣло въ томъ, что наступили времена, про которыя читаемъ у Пушкина—

И новый царь суровый и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ.

Онъ стоялъ такъ бодро, его фигура была настолько полна своеобразнаго величія, что ею заслонились государство и народъ, которыми управлялъ суровый царь. Николаевская Россія, тогда грозная, теперь развѣнчанная, но недостаточно еще изученная, послушное орудіе въ рукахъ повелителя, ни одной гранью своего существа не могла привлекать симпатій сколько нибудь свободомыслящаго Европейца, въ частности Испанца. Удалось же политикѣ царя въ нѣкоторыхъ вопросахъ вызывать негодованіе даже клерикальныхъ круговъ Запада! [1]) Самостоятельно же оцѣнить русскую жизнь, безстрастно

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ Е. В. Тарле, Самодержавіе Николая I и французское общественное мнѣніе, Былое, Сентябрь 1906, стр. 22 и слѣд.

войти въ ея счеты, надежды или ошибки, дѣйствовать согласно принципу audiatur et altera pars — къ такому великодушію и широтѣ взглядовъ не пріучила насъ и современная Европа. Что же могло быть почти сто лѣтъ тому назадъ! Во всякомъ случаѣ, русское правительство, устранившее и народъ, и общество отъ участія въ открытой государственной жизни, сдѣлало все, отъ него зависѣвшее, чтобы расположеніе къ Россіи, безспорное на Западѣ во дни освободительныхъ войнъ, смѣнилось недоумѣніемъ, страхомъ, ненавистью.

Начнемъ съ внѣшней политики Императора Николая. Здѣсь и принципы, и проведеніе ихъ въ жизнь опирались на одну, безспорную для Николая I аксіому: ничего не мѣнять, держаться порядка, установленнаго въ Европѣ въ эпоху Священнаго Союза. Уже на первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса Николай сказалъ посламъ, что будетъ слѣдовать политикѣ покойнаго брата и тѣмъ постарается заслужить довѣріе правительствъ [1]). Тоже повторилъ онъ въ Лондонѣ, въ 1844 г., при свиданіи съ королевой Викторіей: „лишь бы вещи оставались, каковы онѣ теперь!“ [2]) Александръ I называлъ актъ Священнаго Союза „краеугольнымъ камнемъ“ возстановленной Европы. Такъ же смотрѣлъ на него и Николай, который своей политикой желалъ утвердить „великій союзъ“. Даже въ вопросахъ, въ которыхъ затрогивались прямые интересы, честь и достоинство

---

[1]) Шильдеръ, ук. соч. т. I, стр. 342.

[2]) Татищевъ, Императоръ Николай и иностранные дворы, СПБ. 1889, стр. 33.

Россіи, напр. въ греческомъ и турецкомъ, далеко не сразу рѣшался онъ дѣйствовать смѣло и независимо [1]). Въ поддержкѣ традицій Св. Союза Николай не безъ гордости видѣлъ главный источникъ не только личной своей славы, но величія и могущества Россіи [2]). Укрощать повсюду революціи, вездѣ подавлять мятежи — вотъ о чемъ, кажется, всего болѣе думалъ русскій царь, получившій отъ Бисмарка почетный титулъ вождя монархическаго движенія противъ надвигавшейся съ Запада революціи [3]).

Извѣстно, какъ относился Николай Павловичъ къ Луи-Филиппу Орлеанскому, котораго не желалъ признать равноправнымъ членомъ европейской семьи королей и императоровъ, въ письмѣ къ которому, умаляя свое достоинство, предпочиталъ называть его Sire, лишь бы избѣгнуть словъ Mon bon frère [4]). Это будированіе противъ короля-ставленника революціи, самымъ тягостнымъ образомъ отражавшееся и на дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи и Россіи, теперь производитъ почти комическое впечатлѣніе. Но суровый и могучій царь понималъ дѣло иначе: охранять европейскій status

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской исторіи, изд. 5-ое (СПб. 1907) стр. 633—634.

[2]) Татищевъ, Внѣшняя политика Имп. Николая I, СПБ. 1887, стр. 26, 35, 145.

[3]) Шильдеръ, ук. соч. т. I, стр. 315.

[4]) См. объ этомъ Татищевъ, Имп. Николай I и иностранные дворы, стр. 142 и слѣд. Изъ новыхъ работъ (частью съ неизданными матеріалами) ср. F. de Martens, Nicolas I et Louis-Philippe, Revue des Deux Mondes, 15 Octobre 1908, стр. 769—799 и 1-er Novembre 1908, стр. 5—38.

quo онъ считалъ своимъ долгомъ [1]). При такихъ понятіяхъ, союзъ сѣверныхъ монархій былъ самой подходящей базой внѣшней политики Николая I.

Еще вопросъ, конечно, кто кого опекалъ—Россія Австрію или Пруссію, или наоборотъ. Опека опекой, а обманутъ былъ несомнѣнно Русскій Императоръ. И въ послѣдніе годы жизни Николая Павловича, передъ началомъ крымской капманіи, повязка какъ будто немного спала съ глазъ царя, и онъ подумывалъ, не задать ли нѣкоторымъ господамъ (австрійцамъ) хорошій урокъ отъ Россіи [2]). Съ нашей точки зрѣнія, не Русскій Императоръ и князь Меттернихъ были, какъ утверждалъ въ 1848 г. баронъ Стокмаръ, несчастіемъ короля Фридриха - Вильгельма IV и всей Германіи, а Россія и ея самоувѣренный, но не всегда проницательный повелитель, какъ мухи, бились въ сѣтяхъ ловкаго австрійскаго канцлера. Это австрофильство особенно сильно сказывалось въ годы 1833—1853, которые можно характеризовать, какъ время совершеннаго единомыслія и тѣснаго союза съ Австріей [3]). Іюльская революція, бельгійское возстаніе, для усмиренія котораго Николай былъ готовъ двинуть 60000 русскаго войска, волненія въ Германіи и Италіи—все это поддерживало его въ мысли о спасающей силѣ традицій и пріемовъ Св. Союза [4]).

---

[1]) Татищевъ, Внѣшняя политика, стр. 35. Ср. также Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде въ Матеріалахъ и чертахъ къ біографіи Имп. Николая I и къ исторіи его царствованія, Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ. т. 98-ой, стр. 288. СПб. 1896.

[2]) Татищевъ, ук. соч. стр. 323.

[3]) Татищевъ, Имп. Н. I и иностр. дворы, стр. 45.

[4]) Тамъ-же, стр. 60, 61, 63, 65, 156, 337.

Что скажутъ объ этомъ народы, Николая ни мало не безпокоило; въ сочувствіи своего онъ былъ увѣренъ, мнѣніемъ прочихъ мало дорожилъ, а на французовъ въ частности, по его собственнымъ словамъ, плевалъ [1]). По конвенціи 7-го Сент. 1833 г. Австрія и Россія обѣщали другъ другу полную помощь въ польскихъ дѣлахъ. Одна изъ реализацій этого обѣщанія — присоединеніе (осенью 1846 г.) вольнаго города Кракова къ Австрійской Имперіи, что было coup de grâce польской независимости. Протестъ Англіи и Франціи, по поводу этого факта, на Николая I не подѣйствовалъ [2]). Въ 1848 г. русскій императоръ простеръ свое великодушіе къ Австріи еще дальше: для борьбы съ итальянскими революціонными движеніями правительству Габсбурговъ было изъ государственнаго казначейства отпущено заимообразно 6 милліоновъ рублей. Денежной помощью не удовольствовались. Русскій посолъ въ Лондонѣ, по приказанію Николая Павловича, тогда же сдѣлалъ заявленіе, что Россія будетъ поддерживать Австрію въ итальянскихъ дѣлахъ и не допуститъ разъединенія Неаполя и Сициліи [3]). Поддержала ее и въ венгерскихъ!

Не бо̀льшую симпатію могли доставить Россіи и ея государю тѣ свѣдѣнія о внутренней политикѣ Николая Павловича, которыя имѣлись въ Европѣ. Если въ дѣлѣ декабристовъ общественное мнѣніе

---

[1]) Татищевъ, Имп. Н. I, и иностранные дворы. стр. 37. Ср. Отчетъ Нессельроде, стр. 289.

[2]) Тамъ-же, стр. 106—108 и 214. Ср. Отчетъ... стр. 290.

[3]) Татищевъ, Внѣшняя политика, стр. 44 и 46.

Запада отнеслось къ русскому императору довольно безразлично, а кое въ чемъ и не безъ сочувствія, то со времени польскаго возстанія мы наблюдаемъ совершенно иную картину [1]). Здѣсь западному человѣку разобраться было чрезвычайно трудно; онъ не могъ стать на единственно-вѣрную точку зрѣнія, въ силу которой русско-польская распря была старымъ споромъ Славянъ между собою. Европеецъ не могъ допустить простѣйшей мысли, что Польша не безусловно права, что Россія не безусловно виновата. Было только-aut Caesar aut nihil: русскіе обидѣли, Поляки страждутъ. Конечно, иностранцы могли бы принять въ разсчетъ то обстоятельство, что значительное большинство русскихъ той эпохи было солидарно въ данномъ вопросѣ со своимъ императоромъ, что напр. взятіе Варшавы вызвало неподдѣльную радость въ столицѣ и въ другихъ городахъ, что многіе требовали самыхъ строгихъ мѣръ въ отношеніи мятежниковъ и т. д. [2]). Но все это забывалось вслѣдствіе невѣжества Европы въ исторіи русско-польскихъ дѣлъ, заглушалось громкими криками польскихъ эмиссаровъ по адресу Россіи. На лицо была суровость въ подавленіи мятежа, гибель и тяжкія страданія Поляковъ. Правительства и особенно общественное мнѣніе Западной Европы стояли всецѣло на сторонѣ Поляковъ. И въ Англіи, и во Франціи не разъ дѣлались попытки вступиться

---

[1]) См. Тарле, ук. статья, стр. 20 и слѣд.

[2]) См. P. Lacroix, Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, t. 6. (Paris 1871), стр. 35.

за Поляковъ, притянуть Николая къ суду европейскаго ареопага, на что, какъ извѣстно, онъ отвѣчалъ гордымъ отказомъ [1]). Въ газетахъ печатались ругательныя статьи противъ Россіи, писали о наглыхъ ура! казаковъ, чернь кидала камнями въ окна русскаго посольства въ Парижѣ, Луи-Филиппъ ходатайствовалъ за польскихъ повстанцевъ, въ палатѣ депутатовъ (Январь 1836 г.) Герцогъ de Broglie назвалъ побѣды правительственныхъ войскъ надъ инсургентами une victoire déplorable [2]). Послѣ взятія Варшавы на улицахъ Парижа молодые люди, съ траурными повязками на рукавахъ, кричали—Vive la Pologne! guerre à la Russie! Въ палатѣ депутатовъ неудачная фраза министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Себастіани, о томъ, что въ Варшавѣ воцарился порядокъ (L'ordre règne à Varsovie) вызвала бурю негодованія. Изъ за Польши Франція, если бы ея правительство послушалось парламентскихъ ораторовъ и журналистовъ, должна была воевать съ Россіей. До войны, однако, дѣло не дошло, и, напротивъ, орлеанская династія въ палатѣ депутатовъ устами Тьера отреклась отъ Польши [3]). Далѣе платоническихъ пожеланій и заступничества Луи-Филиппъ не пошелъ: онъ всетаки дорожилъ худымъ миромъ съ Императоромъ Николаемъ!

Былъ еще одинъ больной вопросъ домашнихъ дѣлъ Россіи, который приковывалъ вниманіе Запад-

---

[1]) См. P. Lacroix, ук. соч. т. V (Paris 1868), стр. 466.

[2]) Тарле, ук. ст. стр. 22; F. de Martens, стр. 794, 797, 799, 819.

[3]) P. Lacroix, т. VI, стр. 79—80 и Татищевъ, Имп. Н. I и иностранные дворы, стр. 172—175.

ной Европы ,и болѣе всего Франціи, и, какъ водится, обсуждался односторонне. Если за Польшу и ея страданія негодовали на Николая Павловича по преимуществу либерально-буржуазные круги, то возсоединеніе уніатовъ (1839), не обошедшееся, разумѣется, безъ крайностей, задѣло за живое католиковъ и клерикаловъ. Русскій Императоръ и его слуги явились гонителями истинной вѣры, которые преслѣдовали поляковъ только за то, что они католики. Историческая точка зрѣнія и въ этомъ вопросѣ была недоступна западному человѣку: онъ и здѣсь рубилъ сплеча. Этотъ эпизодъ царствованія Николая I, вѣроятно, всего болѣе уронилъ его во мнѣніи Европы [1]).

Конечно, нужно учесть и то, что и самимъ русскимъ не сладко жилось подъ желѣзнымъ скипетромъ Николая Павловича, что и они чаще бывали жертвами, чѣмъ союзниками власти. Напр. Кюстинъ, набросавшій такую непривлекательную картину русскихъ порядковъ при Николаѣ I, къ русскому народу относится съ большой симпатіей, жалѣя о его горькой участи, мечтая о великой будущности. [2]) Но тотъ же Кюстинъ высказывается, что деспотизмъ Николая и неустройства Россіи заставляютъ трепетать за дальнѣйшую судьбу европейскаго просвѣщенія [3]). Отсюда одинъ шагъ до вывода, что русскіе—азіаты, что борьба противъ нихъ есть борьба противъ варваровъ. Такіе взгляды и проводятся у

---

[1]) Тарле, ук. статья, стр. 23, 25, 27.
[2]) Тамъ-же, стр. 34.
[3]) Тамъ-же, стр. 31 и 35.

нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ во время крымской кампаніи [1]). Отъ правительства дѣлали заключеніе къ народу, который выступалъ защитникомъ и носителемъ антикультурной политики. Даже тріумфовъ Россіи въ турецкую войну 1828—1829 г.г. не могли признать ея заслугой: и здѣсь европейская цивилизація, въ частности христіанство, ничего не пріобрѣтали [2]). Совершалась обычная ошибка: не вникая въ отдѣльные случаи, повсюду огульно дѣлали народъ отвѣтственнымъ за правительство. Конечно, на Западѣ не могли знать, что въ Россіи были и кое-какія отрадныя явленія, что напр. дѣло свободы не обстояло уже такъ безнадежно плохо. Да, Декабристы или были казнены, или находились въ далекой ссылкѣ, но вѣдь память о нихъ не умерла! Ихъ идеи и въ николаевскую эпоху продолжали жить и развиваться, и имъ, а не

---

[1]) Тарле, стр. 31 и 35.

[2]) О наваринскомъ боѣ напр. мы читаемъ у извѣстнаго намъ герцога Ривасъ слѣд.

¿Es el rudo piloto moscovita
Que á zarpar se apresura
Entre las sombras de la noche obscura,
No para dar el rumbo al mar helado
Y á saludar á su aterida tierra,
Sino á llevar exterminio y guerra,
Y el devorante fuego,
Mintiendo amparo al oprimido griego,
En sus toscos bajeles,
Preñados de ambicion y orgullo insano,
Al caduco otomano
Y del torpe serrallo á los verjeles?

Изъ стих. En la boda de doña Fernanda de Silva y Giron. См. Duque de Rivas, Obras, т. II, стр. 83. Въ этой тирадѣ все одинаково хорошо: и грубый московскій кормчій, и его неуклюжіе корабли, и обманываніе грековъ, и безумная гордость русскихъ и т. д.

взглядамъ ихъ противниковъ, судей и палачей предстояла окончательная побѣда. Не знали на Западѣ и того, что рядомъ съ оффиціальной Россіей, суровой и, конечно, мало привлекательной, стояла другая, не менѣе живучая, хотя придавленная и еще не взмахнувшая крылами, Россія Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя, которая уже тогда, въ царствованіе того же Николая, со славой трудилась на пользу міровой культуры. Гдѣ было европейцу въ тѣ давніе дни сообразить все это, если онъ и теперь такъ мало знаетъ о русскихъ дѣлахъ и людяхъ!

Какъ бы то ни было, отожествленіе режима и націи состоялось, совершилось то, въ возможность чего не хотѣлъ вѣрить пылкій Каховскій: народы Европы, возненавидя наше правительство, возненавидѣли и насъ [1]). Съ Николая I и его министровъ мрачныя тѣни упали и на всю Россію.

Все, только что изложенное, въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ Испаніи. Николай I, столбъ абсолютизма, опора легитимныхъ тирановъ, врагъ всякихъ свободъ и просвѣщенія, Николай гонитель католиковъ могъ вызывать только самые жестокіе отзывы умѣренныхъ и радикаловъ. Прибавимъ къ этому, что съ 1834 г. Испанія вмѣстѣ съ Португаліей примкнули къ четверному союзу державъ (два пиренейскихъ государства, Англія и Франція), который долженъ былъ образовать противовѣсъ охранительной политикѣ Австріи, Пруссіи и Россіи [2]),

---

[1]) См. выше, стр. 63.

[2]) Martens, ук. статья, стр. 22.

что не задолго до этого нашъ кабинетъ не призналъ Исабеллу II законной наслѣдницей Фердинанда VII. Напротивъ, Николай Павловичъ сочувствовалъ легитимному абсолютизму донъ-Карлоса: претенденту изъ русской казны выплачивалось денежное пособіе на борьбу съ регентствомъ малолѣтней Исабеллы. Слѣдуетъ упомянуть и еще одно обстоятельство. Когда весною 1839 г. французамъ было разрѣшено вступать волонтерами въ армію королевы Кристины, русскому послу, графу Палену, былъ данъ изъ Петербурга приказъ — немедленно покинуть Парижъ. Однако, до окончательнаго разрыва дѣло не дошло: Луи-Филиппъ смѣнилъ министерство Тьера, который, безъ вѣдома короля, провелъ было мѣру, столь разобидѣвшую Николая [1]).

При такихъ условіяхъ можно-ли ожидать, чтобы радикальный испанскій поэтъ, какимъ былъ Эспронседа, сталъ смотрѣть на Россію благодушнымъ и примирительнымъ взглядомъ? Насъ не поразитъ, если мы услышимъ, что и его голосъ присоединился къ общему хору проклятій и осужденій нашей родинѣ [2]).

---

[1]) Martens, ук. статья, стр. 22.

[2]) Къ этому хору охотно прибавляли свои голоса и русскіе эмигранты, напр. Н. И. Тургеневъ. Въ его La Russie et les Russes есть выходки, направленныя уже не противъ царскаго правительства, а прямо противъ Россіи и русскихъ. См. т. I, стр. 201, 202, 203, 249, 393 и др.

VI.

Хосе́ Эспронседа—типичный представитель цѣлаго поколѣнія борцовъ за свободу, особенно той его фракціи, которая увлекалась крайними мечтами, не довольствуясь идеалами moderados. Его короткая жизнь полна разнообразныхъ приключеній, въ которыхъ дѣйствительныя страданія чередовались съ погоней за эффектными фразами и положеніями. Жизнь Эспронседы рѣзко обрывается, не достигнувъ гармоніи и мира: едва ли онъ былъ счастливый человѣкъ.

Юность Эспронседы (род. 1808 г.) соотвѣтствуетъ тяжелымъ временамъ послѣ возстановленія королевскаго абсолютизма въ 1823 г. Самодержавный режимъ Фердинанда VII, прелести котораго Эспронседѣ пришлось испытать лично, остался его главнымъ врагомъ на всю жизнь. Не очень охотно помирился онъ и съ правительствомъ Кристины. Уже съ первыхъ шаговъ сознательнаго существованія, горячій, несдержанный, увлекающійся Хосе́ попадаетъ въ водоворотъ политическихъ страстей. Сынъ полковника національной арміи, сражавшейся съ На-

полеономъ, Хосé получилъ образованіе въ коллегіи San Mateo въ Мадридѣ, гдѣ учителемъ былъ Альберто Листа, поэтъ-либералъ, уже знакомый читателю. Онъ умѣлъ собрать вокругъ себя даровитыхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ Хосé Эспронседу и его будущаго біографа Патрисіо де-ла Эскосура, объединилъ ихъ въ литературномъ обществѣ, которое называлось Academia del mirto. Фердинандъ VII и до 1823 г. не очень жаловалъ подобныя товарищества, справедливо подозрѣвая ихъ въ связи съ политическимъ движеніемъ. Такъ несомнѣнно было съ Академіей Мирта, кое-кто изъ членовъ которой, между прочимъ и Эспронседа, принадлежали къ тайному обществу Los Numantinos. Этого было достаточно, чтобы арестовать и подвергнуть суду юныхъ конспираторовъ. Эспронседа, въ наказаніе, былъ отправленъ на пять лѣтъ въ г. Гвадалахару, въ мѣстный францисканскій монастырь. Здѣсь Эспронседа занялся сочиненіемъ эпической поэмы El Pelayo, на тему о завоеваніи Испаніи маврами и началѣ reconquista, поэмы, которая осталась недоконченной. Пяти лѣтъ, однако, Эспронседа въ монастырѣ не пробылъ. Ему спокойно на мѣстѣ не сидѣлось, а тутъ какъ разъ въ Эстремадурѣ вспыхнуло одно изъ многихъ (второстепенныхъ) pronunciamientos, въ которомъ принялъ участіе и молодой поэтъ. На такой вызовъ со стороны властей могъ послѣдовать очень непріятный отвѣтъ, почему Эспронседа счелъ за благоразумное покинуть Испанію, искать прибѣжища сперва въ англійскомъ Гибралтарѣ, по-

томъ въ Лиссабонѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ произошла встрѣча, которая роковымъ образомъ отразилась на всей остальной жизни Эспронседы, а въ его поэзіи пробудила самыя горячія, страстныя и правдивыя струны. Въ португальской столицѣ онъ встрѣтилъ молодую испанку Тересу, ту самую, которой посвящена вторая пѣснь его главной поэмы El diablo mundo. Она была еще не замужемъ, чувство Эспронседы могло реализоваться въ обычной формѣ, но не даромъ онъ былъ изгнанникъ, добровольная жертва проскрипціи. Боясь агентовъ Фердинанда VII, которые, вѣроятно, слѣдили за нимъ очень внимательно, Эспронседа рѣшился пуститься въ дальній путь, уже ранѣе совершенный герцогомъ Ривасъ и другими эмигрантами: онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ снова увидался съ Тересой, которая успѣла выйти замужъ за другого. Препятствіе разожгло страсти Эспронседы, онъ сошелся съ Тересой, похитилъ ее и увезъ въ Парижъ. Впрочемъ, не все время, проведенное въ Лондонѣ, онъ посвящалъ одной любви: помимо ея, Эспронседа съ жаромъ отдавался изученію Шекспира, Мильтона и Байрона, который сталъ его образцомъ и въ поэзіи, и въ жизни. Во дни іюльской революціи Эспронседа принялъ участіе въ дѣлахъ, подвигахъ и торжествѣ либеральной партіи: есть извѣстіе, что онъ даже сражался на баррикадахъ. Вообще три года, со времени восшествія на тронъ Луи-Филиппа и до смерти Фердинанда VII, были отданы Эспронседой почти исключительно политикѣ —

поэзія отступила у него на второй планъ. Фердинандъ VII не сразу призналъ Луи-Филиппа королемъ Франціи: испанцу, повидимому, хотѣлось разыграть ту же роль непримиримаго легитимиста, которую взялъ на себя Императоръ Николай I. Дожидаясь признанія, Луи-Филиппъ былъ не прочь бросить привѣтный взглядъ на испанскихъ эмигрантовъ, въ головѣ у которыхъ зародились самые фантастическіе проэкты. А что̀ если съ помощью Луи-Филиппа попытаться устроить новое pronunciamiento, повторить Ріего и Кирогу? Цѣлыми сотнями стали испанскіе эмигранты стекаться въ пограничные департаменты Франціи съ цѣлью, при первой возможности, проникнуть на родину... Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ былъ донъ-Хосе́ Эспронседа. Онъ принялъ участіе въ походѣ отряда don Joaquin de Pablo (Chapalangarra), которому через̀ъ пиренейскія ущелья и долины удалось пробраться въ Наварру. Едва только они выступили изъ маленькаго городка Valcarlos, расположеннаго верстахъ въ десяти отъ знаменитаго Roncesvalles, какъ наткнулись на роялистовъ, которые, съ крикомъ viva el rey absoluto! открыли пальбу по эмигрантамъ. Одинъ изъ первыхъ палъ Chapalangarra; прочіе, считая и Эспронседу, какъ умѣли, спаслись во Францію. Такой же успѣхъ имѣли и другія entradas, предпринятыя Миной, Вальдесомъ, Виго и Торрихосъ [1]). Но хотя Фердинандъ VII и побѣдилъ эти pronunciamientos, однако, онъ понялъ, что ему необходимо помирить-

[1]) Hubbard, т. II, стр. 350 и слѣд. (1-ая серія).

ся съ Луи-Филиппомъ, и тотчасъ же призналъ его въ королевскомъ достоинствѣ. Мечты эмигрантовъ потерпѣли фіаско: оставалось или сидѣть въ Парижѣ сложа руки, или искать новой арены дѣятельности, но уже не въ Испаніи, а въ другихъ странахъ. Случай не замедлилъ представиться. Это были русско-польскія дѣла. Мы знаемъ, что французское общество, отчасти и правительство, были на сторонѣ поляковъ, что изъ за нихъ чуть было не возникла война Франціи съ Россіей. Польскіе комитеты въ Парижѣ дѣятельно раздували ненависть къ русскимъ, проповѣдывали новый крестовый походъ цивилизованной Европы противъ варварской Россіи [1]). Въ этомъ походѣ готовился выступить и Эспронседа, который къ тому времени уже успѣлъ выразить опредѣленныя симпатіи къ несчастной Польшѣ въ El canto del cosaco. Но, поигравши немного съ польскими патріотами, правительство Луи-Филиппа захлопнуло дверь передъ ними, какъ только Николай Павловичъ призналъ орлеанскаго авантюриста королемъ Франціи... И на этотъ разъ Эспронседѣ пришлось удовлетвориться разсужденіями на политическія темы, поэзіей и любовью Тересы, съ которой онъ не разставался.

По смерти Фердинанда VII вмѣстѣ съ другими эмигрантами вернулся на родину и Эспронседа. Въ Испаніи занималась новая заря, у кормила правленія становились люди 1812 года. Подъ ихъ эгидой могли ожидать лучшихъ дней и exaltados. Эспрон-

[1]) Paul Lacroix, ук. соч. т. V, стр. 453 и слѣд.

седа, которому было всего 25 лѣтъ, поступилъ въ военную службу, въ королевскую гвардію, но служилъ не долго. На одномъ банкетѣ онъ продекламировалъ стихи собственнаго сочиненія, въ которыхъ нападалъ на правительство. Пришлось разстаться съ блестящей формой королевскаго гвардейца, разстаться съ веселымъ Мадридомъ и вновь удалиться въ изгнаніе въ Cuellar, близко Сеговіи. Послѣ фіаско на военномъ поприщѣ, Эспронседа задумалъ служить родинѣ, какъ журналистъ. Все больше и больше расходясь съ moderados, смѣясь надъ ихъ принципами и вождями, Эспронседа сталъ виднымъ дѣятелемъ оппозиціоннаго лагеря слѣва. Въ теченіе 7 недѣль онъ издавалъ журналъ El Siglo, который погибъ подъ ударами умѣренной цензуры правительства. Этимъ несчастія Эспронседы не кончились. Власти вообще заинтересовались радикальнымъ журналистомъ, въ его домѣ произвели обыскъ, и въ результатѣ — Эспронседа былъ высланъ въ г. Бадахосъ съ запрещеніемъ жить въ Мадридѣ и въ королевскихъ резиденціяхъ. Въ Августѣ 1835 г. въ Мадридѣ произошло возмущеніе національной гвардіи, направленное противъ министерства графа Торено. Эспронседа въ это время былъ капитаномъ третьяго баталіона гвардіи, возбуждалъ своихъ подчиненныхъ словомъ и дѣломъ и, кажется, училъ ихъ строить на улицахъ Мадрида баррикады, какъ это онъ видѣлъ въ Парижѣ. Паденіе министерства Торено страстей не успокоило, въ слѣдующемъ же, 1836, году новый мятежъ въ La Granja привелъ къ

возстановленію испанской конституціи... Казалось, и въ Испаніи взошло солнце свободы, но Эспронседа не могъ угомониться, попрежнему проповѣдывалъ противъ правительства, вступалъ въ заговоры и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велъ довольно распущенную жизнь, которая подтачивала его, и безъ того не крѣпкое, здоровье. Въ Сентябрѣ 1840 г. Эспронседа выступилъ защитникомъ журнала El Huracan, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ и въ оскорбленіи величества. На судѣ Эспронседа произнесъ знаменитую рѣчь, въ которой представителей націи, думающихъ только о своей выгодѣ, сравнивалъ съ ордой казаковъ. Въ этой же рѣчи Эспронседа открыто показалъ себя республиканцемъ: чтобы уничтожить республиканскую идею, сказалъ онъ, имѣется только одно средство—разстрѣлять все человѣчество (fusilar la humanidad entera). Послѣ отреченія Кристины, когда регентство перешло къ Эспартеро (1841), Эспронседа нѣсколько времени состоялъ секретаремъ посольства въ Нидерландахъ, въ 1842 г. былъ избранъ депутатомъ отъ города Almería, и въ томъ же году, 23-го Мая, скончался послѣ непродолжительной болѣзни [1]). Его организмъ, расшатанный перипетіями бурной жизни, страстями и разгуломъ, не выдержалъ сравнительно легкой лихорадки. Эспронседа былъ или казался донъ-Хуаномъ, на жизнь и смерть смотрѣлъ съ презрѣніемъ, не

---

[1]) См. Piñeyro, Romanticismo en España, стр. 140—155, Blanco García, La literatura española en el siglo XIX, т. I, стр. 154—155, прим. Patricio de la Escosura въ изданіи сочиненій Эспронседы, Madrid 1884, стр. 9—17 и др.

скрывая своего вольнодумства и скептицизма [1]). Возможно, что съ годами онъ успокоился бы, но такой, какимъ онъ остался въ памяти потомства, онъ можетъ считаться испанскимъ воплощеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ байронизма [2]).

Подробная характеристика поэзіи Эспронседы не входитъ въ наши прямыя намѣренія; да въ настоящее время такая задача была бы неисполнима. До сихъ поръ нѣтъ ни одной историко-литературной работы объ Эспронседѣ, а тѣ страницы, которыя отведены ему въ сочиненіяхъ Blanco García, Hubbard'a, Piñeyro, Juan'a Valera и др., не поднимаются выше элементарнаго изложенія. Не опредѣлены ни генезисъ, ни источники творчества Эспронседы. Не ясно установлены его отношенія къ Байрону, къ Гёте, къ французскимъ поэтамъ временъ реставраціи и буржуазной монархіи. Полнаго собранія сочиненій нѣтъ, а что напечатано въ качествѣ таковаго издано внѣ всякой хронологической схемы, распредѣляясь не по годамъ, а по поэтическимъ жанрамъ. Такимъ образомъ, пока у

---

[1]) Любопытно, однако, что Эскосура, близкій другъ Эспронседы, увѣряетъ, будто донъ-хуанство его сильно преувеличено. Эспронседа былъ скорѣе лицемѣромъ порока, чѣмъ настоящимъ безбожникомъ и распутникомъ. Во всякомъ случаѣ, эти черты характера полагаютъ рѣзкую грань между нимъ и декабристами, которые, въ большинствѣ случаевъ, были людьми глубоко-религіозными и даже преданными православной церкви. См. между прочимъ Довнаръ-Запольскій, Мем. Декаб. стр. 291, 296 и 309, и Общ. Движ. стр. 252 и 461—466 прим. Слова покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго, будто большинство декабристовъ относилось къ христіанству отрицательно, кажутся намъ недоразумѣніемъ. См. статью Матеріалисты двадцатыхъ годовъ, Былое 1907, Іюль, стр. 101.

[2]) Ср. Алексѣй Веселовскій, Школа Байрона, В. Евр. 1904, Апрѣль, стр. 581—582.

насъ нѣтъ необходимой базы историко-литературнаго изслѣдованія — хронологіи. Впрочемъ, въ нашемъ спеціальномъ случаѣ, какъ увидимъ, этотъ послѣдній пробѣлъ мало замѣтенъ.

Попытаемся же дать общую, догматическую картину поэзіи Эспронседы, при чемъ будемъ имѣть въ виду исключительно его лирическія и эпическія произведенія, главнымъ образомъ, поэму El diablo mundo, какъ наиболѣе важную для выясненія литературной и моральной физіономіи автора. Но, и ограниченное нѣсколько, поэтическое наслѣдіе Эспронседы достаточно велико. Кромѣ El diablo mundo у него имѣются пѣсни, баллады, элегіи, сонеты, оды, стихотворенія на политическія темы и т. д. Общее во всѣхъ нихъ—страстный порывъ чувства, блескъ образа, кованная выработка стиха. Съ этой послѣдней точки зрѣнія въ испанской литературѣ мало дѣятелей, равныхъ Эспронседѣ. Онъ прекрасно владѣлъ всѣми ухищреніями поэтической рѣчи, языкъ его богатъ и гибокъ, повинуется всевозможнымъ комбинаціямъ фантазіи. Съ внѣшней стороны наибольшею законченностью обладаетъ легенда El estudiante de Salamanca, на старую тему о донъ-Хуанѣ, который наказанъ Провидѣніемъ и долженъ, въ концѣ концовъ, живой присутствовать на собственныхъ похоронахъ. Легенда переноситъ читателя въ атмосферу El burlador de Sevilla, гдѣ разгулъ, дуэли, преслѣдованія женщинъ по пустыннымъ улицамъ спящаго города чередуются съ видѣніями загробнаго міра, ужасами смерти. Донъ-Феликсъ де-Монтемаръ

соблазнилъ и бросилъ Эльвиру де-Пастрана. Покинутая дѣвушка съ горя умираетъ. Братъ ея Донъ-Діего требуетъ отвѣта у обманщика, но самъ падаетъ жертвою его дьявольскаго искусства владѣть шпагой. Послѣ дуэли Монтемаръ встрѣчаетъ на одной изъ улицъ Саламанки женщину въ бѣлой одеждѣ; страсти его загораются, онъ преслѣдуетъ таинственную незнакомку, проситъ поднять покрывало, за которымъ она прячетъ лицо... Но тщетно! Когда же, послѣ различныхъ таинственныхъ эпизодовъ, смущающихъ даже безбожника Монтемара, женщина откидываетъ покрывало, онъ видитъ скелетъ Эльвиры—

Y ella entonces gritó: ¡ Mi esposo! Y era
(¡ Desengaño fatal, triste verdad!)
Una sórdida, horrible calavera,
La blanca dama del gallardo andar... [1]).

Въ легендѣ есть мѣста, поразительныя по силѣ поэтическаго видѣнія, по мощи и виртуозности стиха; таково напр. описаніе ночной прогулки Монтемара—

Cruzan tristes calles,
Plazas solitarias,
Arruinados muros [2])

печальная смерть Эльвиры и, особенно, пляска смерти, которою заканчивается стихотвореніе—

Y algazara y gritería,
Crujir de afilados huesos,

---

[1]) Obras въ изд. Escosura, стр. 329.
[2]) Тамъ-же, стр. 310—311.

Rechinamiento de dientes
Y retemblar los cimientos и т. д. [1])

Если отъ легенды перейти къ лирическимъ пьесамъ Эспронседы, намъ придется имѣть дѣло съ тремя основными мотивами, изъ которыхъ два съ трудомъ сочетаются въ высшей гармоніи. Первое мѣсто занимаетъ любовь, чувственная, горячая, лишь изрѣдка озаряемая лучами платонизма. Она внушила Эспронседѣ нѣсколько прелестныхъ стихотвореній, то граціозныхъ и воздушныхъ, то полныхъ отчаянія или энтузіазма, кипѣнія бурной страсти. Нѣкоторыя изъ нихъ еще звучатъ отголосками классической поэзіи XVIII-го вѣка, какъ напр. написанная въ Лондонѣ въ 1828 г. Serenata, гдѣ

Delio á las rejas de Elisa
Le canta en noche serena
Sus amores.

Елиса, конечно, Тереса; поэтъ снова съ нею, время разлуки и страданія миновалось—

Despierta, que ya pasaron
Las horas que nos costaron
Tanto lloro;
Sal, que gentil enramada
Dice á tu puerta enlazada:
„Yo te adoro“ [2]).

Варіація той же темы, обращенная опять таки къ Елисѣ, стихотвореніе El pescador, гдѣ поэтъ приглашаетъ ее сѣсть къ нему въ барку—

Mi pecho á consolar [3]).

---

[1]) Obras, стр. 327 и слѣд.
[2]) Тамъ-же, стр. 149—151.
[3]) Тамъ-же, стр. 159.

Гораздо цѣннѣе другой отдѣлъ любовной лирики Эспронседы, въ которомъ пустота и безъисходность чувства переплетаются съ пессимистическими струями самаго различнаго происхожденія. Тщетность любви указываетъ на ничтожество всей жизни! Людей можно только жалѣть! Изъ стихотвореній этого рода безусловно прекрасна жгучая элегія A Jarifa en una orgía, въ которой Эспронседа изливаетъ свою душу, измученную страстями, близкую къ полному разладу... Какія-то смутныя чувства тѣснятся въ груди поэта. Онъ хочетъ потопить ихъ въ винѣ и въ ласкахъ женщины. Но увы! эти средства забыться уже не помогаютъ: женскія ласки такъ однообразны и, вдобавокъ, лживы—

¡Siempre igual! Necias mujeres
Inventad otras caricias,
Otro mundo, otras delicias,
O maldito sea el placer.

Поэтъ жаждетъ неизвѣданныхъ, божественныхъ наслажденій, а что̀ вмѣсто нихъ предлагаетъ ему міръ? Жизнь приноситъ лишь разочарованіе; все, все, съ чѣмъ поэту приходилось сталкиваться, оказывалось не тѣмъ, за что выдавало себя—

Mujeres ví de virginal limpieza
Entre albas nubes de celeste lumbre;
Yo las toqué, y en humo su pureza
Trocarse ví, y en lodo y podredumbre.

Иллюзіи рушились. Поэтъ вѣритъ только въ міръ могилы. Жизнь мученіе. Кто хочетъ все знать и все испытать, тотъ наказанъ тоской и отчаяніемъ—

Que así castiga Dios el alma osada
Que aspira loca, en su delirio insano,
De la verdad para el mortal velada
Á descubrir el insondable arcano.

Богъ осудилъ человѣка или на невѣжество, или на мученія... И поэтъ вновь зоветъ Харифу, чтобы забыться—

En un letargo estúpido y sin fin.
Ven, Jarifa; tu has sufrido,
Como yo; tú nunca lloras;
Mas, ¡ay triste! que no ignoras
Cuán amarga es mi aflicción.
Una misma es nuestra pena,
En vano el llanto contienes...
Tú tambien, como yo, tienes
Desgarrado el corazon [1]).

Такимъ образомъ, второй элементъ творчества Эспронседы — тоска и мука, какъ результатъ пустоты человѣческаго существованія, раздумья надъ нимъ, результатъ скептицизма, игры необузданныхъ страстей за ничто отданной жизни.

[1]) Obras, стр. 214—218. Есть довольно большое сходство между Пѣснью къ Харифѣ и тремя первыми „Монологами" Огарева, и по ситуаціи, и по основнымъ мотивамъ. Четвертый монологъ имѣетъ особую окраску: Огаревъ окрѣпъ и поборолъ тѣ сомнѣнія и муки, изъ которыхъ не могъ выбраться испанскій поэтъ. См. Н. П. Огаревъ, Стихотворенія, ч. I, стр. 81—86 и прим. на стр. 391. (М. 1904, подъ ред. М. О. Гершензона).

Наконецъ, третья мелодія—свободолюбіе, ненависть ко всякаго рода тираніямъ, будь то королевская власть и парламентское большинство, или условности жизни, оковы, которыя налагаетъ на человѣка современное устройство общества. Все теперь установилось такъ, чтобы мучить людей, заставлять ихъ жадно стремиться на волю. Борьба за свободу и есть то, что въ настоящую минуту обязанъ дѣлать всякій. Въ этомъ—смыслъ и оправданіе индивидуальной жизни. Да, и помимо того, лишь въ свободной и вольной обстановкѣ легко дышется человѣку! Прочь же отъ испорченнаго общества, въ міръ простыхъ и естественныхъ отношеній, на лоно природы! И Эспронседа воспѣваетъ всѣхъ тѣхъ, которые борятся съ тиранами или уже порвали съ обществомъ, государствомъ, культурой, смѣло живутъ по своему, не стѣсняясь ничѣмъ: нищаго, пирата, казака. Нищій увѣренъ, что міръ принадлежитъ ему. Всѣ подаютъ милостыню или изъ состраданія, или чтобы отдѣлаться отъ назойливой просьбы. Богачамъ и знатнымъ страшно за свои сокровища—

es pecado
La riqueza;
La pobreza
Santidad.

Трудиться не стóитъ, если можно жить на чужой счетъ. Погрѣться на солнцѣ можетъ и нищій, а умереть ему позволятъ въ госпиталѣ. Но нищій Эспронседы не смиренный нищій, тянущій лазаря, а злой и настойчивый критикъ общества, въ кото-

ромъ живетъ паразитомъ. Не только все богатство, по праву, должно доставаться ему, но онъ любитъ своими лохмотьями и грубымъ голосомъ нарушать веселья празднествъ, на которыя собираются юныя красавицы—

cerca habitan
El gozo y el padecer,
Que no hay placer sin lágrimas, ni pena
Que no traspire en medio del placer.

Нищій—живая эмблема memento mori! [1]) И не слѣдуетъ, по мнѣнію Эспронседы, обвинять нищаго, если онъ питаетъ такія злобныя чувства къ обществу. Вѣдь люди не любятъ людей, другъ друга не жалѣютъ. Вотъ напр. человѣкъ, приговоренный къ смерти, который проводитъ послѣднюю, ужасную ночь передъ казнью, въ обществѣ заснувшаго монаха. До несчастнаго узника долетаютъ звонкія пѣсни и шумъ пирующихъ, которымъ никакого дѣла нѣтъ до того, что вблизи отъ нихъ притаилась смерть, что мучится человѣкъ, проклинающій жизнь... Или эгоистическое веселье, или беззаботный сонъ, не менѣе жестокій—

Madrid yace envuelto en sueño,
Todo al silencio convida,
Y el hombre duerme y no cuida
Del hombre que va á espirar [2]).

---

[1]) Obras, стр. 180—184. (El mendigo).
[2]) Obras, стр. 185—190 (El reo de muerte).

Поэтому какъ счастливъ пиратъ, ушедшій отъ людей, корабликъ котораго скользитъ по морскимъ волнамъ—

Que es mi barco mi tesoro,
Que es mi Dios la libertad,
Mi ley la fuerza y el viento,
Mi única patria la mar [1]).

Пользовались сочувствіемъ Эспронседы и борцы за національную независимость, а павшіе герои народной свободы находили въ немъ одушевленнаго панегириста [2]). Остается только неяснымъ, какъ у одного и того же поэта совмѣщаются презрѣніе къ жизни и призывы къ ея реформированію и улучшенію! Какъ будто жизнь, нѣчто презрѣнное по существу, способна къ исправленію! Политическій поэтъ, каковъ Эспронседа, не можетъ быть отъявленнымъ пессимистомъ. Но, повторяемъ, Эспронседа умеръ слишкомъ рано, чтобы обдумать и округлить свое міросозерцаніе. Въ его поэзіи, кромѣ обозначенныхъ, звучатъ изрѣдка и другіе мотивы, которые со временемъ могли бы развиться и дать основу для успокоительнаго синтеза жизни, напр. красота и величіе природы, которая имѣла въ Эспронседѣ тонкаго цѣнителя и искуснаго наблюдателя [3]).

---

[1]) Obras, стр. 173 (Cancion del pirata).

[2]) Ср. напр. Despedida del patriota griego de la hija del Apóstata, Obras, стр. 199–203.

[3]) Напр. въ романсѣ Á la noche (Obras, стр. 154—157), въ великолѣпномъ Himno al Sol (Obras, стр. 166—169), во многихъ мѣстахъ El Estudiante de Salamanca и въ El diablo mundo (напр. въ послѣднемъ — красота утра и его успокаивающее вліяніе на человѣка, см. Obras, стр. 371 и 418).

Мы уже сказали, что незаконченнымъ осталось и главное произведеніе Эспронседы, поэма El diablo mundo, обрывающаяся на 7-ой пѣсни. Объ этой поэмѣ, самое заглавіе которой для насъ не вполнѣ понятно, въ критикѣ еще нѣтъ единогласнаго сужденія. Составъ и тенденція поэмы, ея отношенія къ Донъ-Жуану Байрона и къ Фаусту Гёте—все это не установлено окончательно. Въ цѣломъ видѣ El diablo mundo былъ-бы, вѣроятно, полной картиной жизни, какъ ее понималъ Эспронседа, жизни пустой и ничтожной, страдающей отъ условностей и глупыхъ правилъ, жизни, которую надо измѣнить въ корень. Сфера поэмы полуфантастическая, содержаніе не сложное. Въ разсказъ о приключеніяхъ молодого Адама вставлена великолѣпная пѣснь о Тересѣ, быть можетъ, самое лучшее изъ того, что написалъ Эспронседа. Такимъ образомъ, мечта и дѣйствительность, вымыселъ и пережитое подаютъ другъ другу руки въ этомъ своеобразномъ твореніи Эспронседы. Тереса умерла въ 1839 году, El diablo mundo сталъ выходить въ свѣтъ по частямъ, начиная съ 1840 г. Поэма написана октавами.

Поэмѣ предпослано введеніе, сразу знакомящее насъ съ безотрадной философіей автора. Человѣкъ обладаетъ только видимымъ величіемъ: на самомъ дѣлѣ, онъ — ничтожнѣйшее изъ существъ. Жизнь тайна, ничего разгадать въ ней нельзя. Безсмертіе души болѣе, чѣмъ сомнительно. Духъ зла всегда сопутствуетъ человѣку, и самая истина вредитъ ему. Все старѣетъ и вырождается. Самыя возвы-

шенныя чувства невѣрны и ненадежны. Неужели единственное утѣшеніе въ словахъ—

¡Quién sabe, quién sabe! [1])

Въ первой пѣсни мы слушаемъ размышленія глубокаго старца на тѣ-же грустныя темы—

Todo es mentira, vanidad y locura!

Будущее принадлежитъ только смерти. И вотъ является она, утѣшительница, звать человѣка, утомленнаго жизнью, къ своему вѣчному миру и покою. Она поетъ прекрасную пѣсню, убѣждая старика не бояться того шага, передъ которымъ трепещутъ всѣ—

Débil mortal, no te asuste
Mi oscuridad ni mi nombre;
En mi seno encuentra el hombre
Un término á su pesar.

Смерть—тихій островъ на бурномъ морѣ бытія, она—меланхолическая ива, склоняющая свои вѣтви надъ измученнымъ челомъ! Даже наука подвластна смерти, знающей, что̀ есть истина и что̀ ложь. Приди же, о человѣкъ, къ покою небытія—

Ven y yace para siempre
En blanda cama mullida,
Donde el silencio convida
Al reposo y al no ser [2]).

Старикъ, подобно Фаусту, готовъ послѣдовать зову смерти, какъ вдругъ новое видѣніе, которое удерживаетъ его отъ безповоротнаго шага. Геній жизни,

---

[1]) Obras, стр. 359, 362—365, 367, 368, 369.
[2]) Тамъ-же, стр. 372—381.

которая полна разнообразными прелестями, муками, страстями, поетъ гимнъ ея могучей силѣ. Какъ бы велики ни были страданія, не должно падать духомъ: изъ зла выходитъ добро, все перерабатывается въ горнилѣ міроваго бытія. Человѣкъ долженъ подчиняться зову жизни, не той, конечно, жалкой и выродившейся, которую теперь видимъ вокругъ себя! Современное общество, въ которомъ господствуютъ moderados и, между прочимъ графъ Toreno, не знаетъ истиннаго наслажденія бытіемъ, использовать его не умѣетъ. Нѣтъ, стремиться къ жизни мужественной, стихійной, первоначальной—вотъ что́ геній предлагаетъ старику! Если гибнетъ отдѣльный человѣкъ, человѣчество никогда не умираетъ: въ этомъ—утѣшеніе, въ этомъ оправданіе бытія—

De la vida en el hondo oceano
Flota el hombre en perpetuo vaivén,
Y derrama abundante tu mano
La creadora semilla en su ser.
Hombre débil, levanta la frente,
Pon tu labio en su eterno raudal,
Tú serás como el sol en Oriente,
Tú serás como el mundo inmortal [1]).

Старикъ внемлетъ этому обманчивому зову, и въ третьей пѣснѣ мы увидимъ его превратившимся, неизвѣстно какъ, въ молодого человѣка Адама, дитя природы, не вѣдающее, что́ добро и что́ зло, пылкаго юношу, передъ которымъ Мадридъ эпохи mo-

---

[1]) Obras, стр. 388—390.

derados [1]) развернетъ пестрыя картины пороковъ и добродѣтелей. Къ фантастическимъ видѣніямъ и философскимъ изліяніямъ Эспронседа присоединитъ бытовой элементъ, описывая тюрьму, харчевни, гдѣ сбираются манолы съ своими любовниками, безмятежное и безсмысленное существованіе маленькаго мадридскаго буржуа,—политикана и примыкающаго къ партіи moderados, правительственную политику, героическую любовь дѣвушки изъ простонародья, распутнаго священника и т. п.

И всему этому будетъ противупоставленъ Адамъ, человѣкъ природныхъ стремленій, которому почти все въ культурномъ обществѣ кажется дикимъ и нелѣпымъ. Но между этой картиной міра, который заслуживаетъ названія El diablo mundo, и первыми аккордами поэмы Эспронседа помѣстилъ лирическій эпизодъ первоклассной силы и значенія. Это—вся вторая пѣснь, посвященная Induction Induction Тересѣ. Эспронседа самъ опредѣляетъ ее, какъ изліяніе своего сердца (un desahogo de mi corazon), которое съ остальными частями поэмы не связано и можетъ быть опущено безъ ущерба для пониманія. Эспронседа вспоминаетъ, прежде всего, о счастливой зарѣ жизни, когда душа полна энтузіазмомъ свободы, любовью къ человѣчеству, когда въ головѣ тѣснятся легкія мечты. Тогда же возникаютъ и сладкія видѣнія любви, съ

[1]) Эспронседа сообщаетъ читателю, что превращеніе Адама совершилось въ 1840-омъ году. См. Obras, стр. 418.

которыми не такъ ужасно и самое изгнаніе. Здѣсь автобіографическая строфа—

Yo desterrado en extranjera playa,
Con los ojos extático seguia
La nave audaz que en argentada raya
Volaba al puerto de la patria mía:
Yo cuando en Occidente el sol desmaya,
Solo y perdido en la arboleda umbria,
Oir pensaba el harmonioso acento
De una mujer, al suspirar del viento [1]).

Но увы! напрасно гонится человѣкъ за чистой любовью! Она—иллюзія. Женщина—падшій ангелъ, она—lodo immundo (отвратительная грязь). Любовь всегда бываетъ отравлена, а конецъ ея одинъ и тотъ-же повсюду—

una tumba, una memoria.

Съ разочарованіемъ въ любви можетъ помирить только одна смерть. Все это совершилось и въ исторіи несчастной Тересы: она не была ангеломъ, какимъ казалась, ея любовь была тоже отравой... Эспронседа описываетъ послѣднія минуты обманутой и обманувшейся женщины, когда въ сердцѣ ея сталкиваются самыя различныя чувства—раскаяніе, тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ, горькая обида и т. д. Тяжелое и страшное зрѣлище! Но люди, развѣ имъ жалко страдающаго человѣка? Развѣ умѣренные идеалы жалкаго общества (mezquina sociedad) не сковали всѣ, самыя лучшія, чувства наши? И Эспронседа заканчиваетъ печальную повѣсть о Тересѣ слѣдую-

[1]) Obras, стр. 406.

щимъ вопросомъ. Вотъ, когда-то прелестная женщина стала трупомъ; но развѣ это остановитъ людей въ безумной пляскѣ жизни, помѣшаетъ имъ хоть одну минуту наслаждаться? Нисколько! Что за бѣда, если однимъ трупомъ стало больше!—

¡Que haya un cadáver más, qué importa al
mundo! [1])

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на разборѣ всѣхъ эпизодовъ El diablo mundo, тѣмъ болѣе, что поэма незакончена. Отмѣтимъ только вотъ что. Не одинъ разъ, въ третьей и въ слѣдующихъ пѣсняхъ, Эспронседа будетъ возвращаться къ насмѣшкамъ надъ moderados, надъ ихъ глупой, трусливой, но якобы свободной политикой. Кульминаціонный пунктъ этихъ насмѣшекъ — портретъ современнаго избирателя, благомыслящаго и либеральнаго буржуа, квартирнаго хозяина Адама, don Liborio. Эксцентричности преображеннаго старца, который, между прочимъ, не признаетъ одежды, приводятъ донъ-Либоріо въ самое яростное негодованіе, которое передается и всѣмъ прочимъ moderados. Голый человѣкъ на улицахъ Мадрида—это въ высокой степени подозрительно! Уже не бунтъ ли это, не особая-ли форма заговора противъ правительства? Весь муравейникъ moderados зашевелился, на улицахъ появились патрули, опубликованы строгіе законы, въ правительственныхъ газетахъ гремятъ противъ клубовъ и радикальныхъ партій!.. Эспронседа не скрываетъ своего презрѣнія. Moderados кажутся ему — нена-

[1]) Obras, стр. 404, 405, 406—408, 410—415.

вистными канальями, которыя ничего не могутъ дать кромѣ голода, несчастій, ничтожества и прозы—

Solo nos podeis dar, canalla odiosa,
Miseria y hambre y mezquindad y prosa [1]).

Только простая дѣвушка способна оцѣнить и полюбить человѣка, не испорченнаго предразсудками общества: этотъ байроническій мотивъ и разработанъ Эспронседой въ четвертой и слѣд. пѣсняхъ El diablo mundo. La Salada—такъ зовутъ эту дѣвушку—сама близка къ природѣ, которая даритъ человѣку чистыя и глубокія радости. Этотъ Naturgefühl звучитъ во многихъ мѣстахъ поэмы, особенно сильно при описаніяхъ утра... [2]) Но любовь и природа все же не могутъ разорвать цѣпей, наложенныхъ на человѣка обществомъ и государствомъ, цѣпей, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, тяжелыхъ въ Испаніи, гдѣ короли держатъ невинныхъ людей въ тюрьмахъ... Блага этой жизни, какія только существуетъ, распредѣлены несправедливо: знатные и богатые тѣснятъ простыхъ и бѣдныхъ. Въ основѣ своей существованіе—ничтожество. Богъ недоступенъ и непостижимъ. Міръ обреченъ на вѣчныя страданія—

Cada grano de arena, cada planta,
El vil insecto, la indomable fiera
Que con rugidos el desierto espanta,
El áquila altanera,
Que el sol á mirar sube
Sobre el vellón de la remota nube,

---

[1]) Obras, стр. 427–428, 440—442.
[2]) Obras, стр. 424—425.

¡Oí lanzaban la doliente queja
De su eterno dolor y su amargura!
¡Marañada madeja
Este mundo, de duelo y desventura! [1])

И такъ, пессимизмъ безъ малѣйшаго просвѣта, вотъ послѣднее слово поэзіи Эспронседы. И здѣсь, такимъ образомъ, противорѣчіе, отмѣченное нами въ лирикѣ: жажда политическихъ реформъ въ самомъ радикальномъ направленіи и сознаніе коренного ничтожества жизни... Эспронседѣ не удалось помирить этого противорѣчія.

---

[1]) Obras, стр. 572.

VII.

Существуетъ мнѣніе, что въ „Пѣснѣ казака“ Эспронседа воспроизвелъ Le Chant de Cosaque Беранже, стихотвореніе, характеризующее взгляды рядового француза на роль Россіи, вдохновляемой принципами Св. Союза—роль международнаго полицейскаго, усмиряющаго революціонныя движенія Запада. Ближе пѣсня Беранже, вѣроятно, имѣетъ въ виду Веронскій конгрессъ и испанскія дѣла, приведшія къ вмѣшательству Франціи въ 1823 г. [1]).

[1]) См. Blanco García, стр. 165 и J. Valera, I, 104. Le Chant de Cosaque, помѣщаемое въ позднѣйшихъ изданіяхъ Беранже безъ всякой даты, впервые, сколько мы знаемъ, появилось въ третьемъ томѣ парижскаго изданія Пѣсень 1821—1825 гг. Этотъ третій томъ озаглавленъ Chansons nouvelles, и на стр. 127—129 тамъ и читается Le Chant de Cosaque. Въ Брюссельскомъ изданіи 1823 г. (два тома) наша пѣсня отсутствуетъ. Это обстоятельство, а также нѣкоторыя подробности самого стихотворенія отчасти оправдываютъ догадку, высказанную нами въ текстѣ. Во всякомъ случаѣ, Le Chant de Cosaque не относится къ бельгійской революціи 1831 г., въ которую хотѣлъ—на защиту легитимизма—вмѣшаться и Николай I. Трудно также устанавливать связь Le Chant de Cosaque съ итальянскими революціями 30-хъ годовъ. Хотя Александръ I тоже не прочь былъ матеріально пособить Австрійцамъ, но путь русскихъ въ Италію не лежалъ черезъ Парижъ, куда стремится казакъ Беранже. Остается только испанская революція 1820 г. со всѣми ея послѣдствіями. Впрочемъ, если мы и ошибаемся въ датировкѣ Le Chant de Cosaque, это довольно безразлично для El Canto del Cosaco Эспронседы: при любой комбинаціи, Беранже останется источникомъ испанскаго поэта.

Съ этимъ взглядомъ на отношенія Эспронседы и Беранже, не дѣлая очень существенныхъ оговорокъ, согласиться трудно... Равнымъ образомъ, нельзя принять и той мысли, что El canto—фрагментъ, въ которомъ обнаруживается воинственный пылъ Эспронседы [1]). Мы увидимъ, что французская пѣсня, послужившая испанскому поэту отправной точкой, подверглась у него не маловажнымъ измѣненіямъ. А что касается воинственнаго пыла, то въ El Canto del Cosaco обнаруживается не столько это качество Эспронседы, сколько размышленія человѣка, задумавшагося надъ современнымъ положеніемъ Европы, понимающаго, гдѣ его трагизмъ, все равно, мнимый или дѣйствительный. Воинственный Эспронседа пародируетъ въ другихъ стихотвореніяхъ, напр. въ Al Dos del Mayo или A la muerte del Chapalangarra...

Въ Апрѣлѣ 1823 г. Беранже написалъ пѣсню Le Malade, которая поется на мелодію—Muse des bois et des accords champêtres. Докторъ Дюбуа, лѣчившій больного поэта, не подаетъ ему надежды на выздоровленіе. Но все же еще рано падать духомъ—весна приближается, а съ нею вмѣстѣ разцвѣтаютъ въ душѣ человѣка и надежды. Поэтъ еще намѣренъ пѣть, такъ какъ не всѣ удовольствія исчезли—

Reviens, ma voix, faible, mais toujours tendre:
Il est encor des plaisirs à chanter.

---

[1]) Это мнѣніе Эскосуры. См. Espronceda, Obras, стр. 18 и 53.

И будущее Франціи не такъ уже мрачно и безотрадно: снова могутъ возродиться былые дни величія и славы—

Reviens ma voix, faible, mais courageuse:
Il est encor des gloires à chanter.

Свобода была въ изгнаніи, но она возвращается. На колѣни, восклицаетъ поэтъ, на колѣни становитесь, деспоты! Напрасно вы дѣлаете знаки Сѣверу, напрасно зовете вы его ринуться на насъ, все разрушить и погубить! Испуганный медвѣдь спрятался въ свою берлогу, вдали отъ солнца, за обладаніе которымъ ему такъ хотѣлось поспорить! Уже одно отступленіе медвѣдя есть побѣда для дѣла свободы—

Pour l'étouffer en vain la tyrannie
Fait signe au Nord de déborder sur nous.
L'ours effrayé regagne sa tanière,
Loin du soleil qu'il voulait disputer.
Reviens, ma voix, faible, mais libre et fière:
Il est encor un triomphe à chanter [1]).

Однако, въ послѣднемъ куплетѣ поэтъ опять увлекается грустной мелодіей... Человѣчество все еще въ оковахъ, каждый говоритъ про себя: я жду! Греція находится при послѣднемъ издыханіи, Европа трепещетъ, однѣ только слезы льются смѣло—

Seuls, nos pleurs, seuls, osent se révolter.
Reviens, ma voix, faible, mais consolante:
Il est encor des martyrs à chanter [2]).

---

[1]) И другіе французскіе писатели 30-хъ годовъ указываютъ на это стремленіе къ солнцу, присущее русскимъ, какъ полу-варварскому народу. См. любопытную брошюру J. H. Schnitzler, La Pologne et la Russie, Paris 1831, стр. 40.

[2]) Béranger, Oeuvres complètes, т. II, стр. 203—205. (Paris 1837).

Сѣверный медвѣдь, котораго тиранія зоветъ на помощь, который, погрозивъ, спрятался обратно въ берлогу, конечно, Александръ, высказавшій готовность пособить Фердинанду VII и нравственно, и матеріально. Онъ самъ съ гордостью говорилъ Шатобріану о своихъ 800,000 солдатъ, которыми онъ можетъ распоряжаться безпрекословно, чтобы покровительствовать началамъ порядка [1]). Но непосредственнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла русскому Императору, какъ извѣстно, не пришлось осуществить; не произошло и того, чего такъ боялись во Франціи—прохода русскаго отряда черезъ французскія области. На этотъ страхъ и указываетъ Беранже словами—

Fait signe au Nord de déborder sur nous.

Тотъ же мотивъ звучитъ и въ другомъ, уже упомянутомъ, стихотвореніи Беранже, которое стоитъ въ довольно близкой связи съ El Canto del Cosaco. Здѣсь страхъ передъ „казацкой“ Россіей заполняетъ всѣ горизонты пѣсни. Le Chant de Cosaque—красивая апострофа, обращенная казакомъ къ своему благородному товарищу, къ своему коню. Казакъ приглашаетъ коня, въ отвѣтъ на звуки сѣверной трубы (au signal des trompettes du Nord), ринуться въ бой, гдѣ ихъ обоихъ—хозяина и коня—ждетъ богатая добыча... Нечего бояться! Сбруя и сѣдло коня не украшены золотомъ, но подвиги казака добудутъ эту драгоцѣнность. Конь можетъ гордо ржать: вѣдь онъ попираетъ копытами царей и народы—

---

[1]) Соловьевъ, Имп. Александръ I, стр. 540 и Файфъ, стр. 372—373.

Hennis d'orgueil, o mon coursier fidèle,
Et foule aux pieds les peuples et les rois [1]).

Старая Европа беззащитна. Казакъ завладѣетъ ея сокровищами, а конь отдохнетъ въ столицѣ искусствъ, еще разъ напьется воды изъ мятежной Сены (la Seine rebelle), гдѣ уже дважды онъ омывался, весь покрытый кровью—

Où, tout sanglant, tu t'es lavé deux fois.

Не по собственному желанію стремятся казакъ и конь на Западъ. Ихъ зовутъ короли, аристократы и священники, осажденные своими страждущими подданными. Властители Европы готовы стать рабами казака, лишь бы самимъ остаться тиранами другихъ! Казакъ взялъ свое копье, и всѣ скипетры и кресты покорно склоняются передъ нимъ—

Comme en un fort, princes, nobles, prêtres,
Tous assiégés par des sujets souffrants,
Nous ont crié: Venez! soyez nos maîtres;
Nous serons serfs pour demeurer tyrans.
J'ai pris ma lance, et tous vont devant elle
Humilier et le scêptre et la croix [2]).

Надъ лагеремъ казаковъ носится чья-то громадная тѣнь. Слышится ея голосъ: мое царство начинается вновь (mon règne recommence)! Это—Аттила, король Гунновъ. Онъ машетъ топоромъ, указывая на Западъ, и казакъ повинуется его голосу... Весь блескъ, которымъ гордится Европа, вся наука, ко-

---

[1]) Béranger, ук. изд. т. II, стр. 221. Двѣ строки, приведенныя въ текстѣ, образуютъ припѣвъ пѣсни, которая исполняется на мотивъ, хорошо извѣстный и у насъ—Dis moi, soldat, dis moi, t'en souviens tu?

[2]) Тамъ-же, стр. 222.

торая безсильна ее защитить (tout ce savoir qui ne la défend pas)—все это потонетъ въ пыли, вздымаемой копытами казацкаго коня... И Беранже заканчиваетъ пѣсню—

Efface, efface en ta course nouvelle,
Temples, palais, moeurs, souvenirs et lois!
Hennis d'orgueil, o mon coursier fidèle,
Et foule aux pieds les peuples et les rois! [1])

И такъ, русскій понятъ и характеризованъ, какъ потомокъ Аттилы. Въ своемъ движеніи на Западъ онъ руководится или жаждой грабежа, или готовностью служить тиранамъ, возстановлять ихъ власть, давить свободныя начинанія подданныхъ. Онъ лучшій и истинный союзникъ Фердинанда VII, раболѣпныхъ, и другихъ представителей стараго порядка. Онъ величается своей миссіей. Что значатъ наука, искусство, вся цивилизація старой Европы передъ его конемъ и острой пикой? Все разрушится подъ ихъ напоромъ, который не пощадитъ ни великихъ воспоминаній, ни законовъ!

Не взирая на такое одностороннее пониманіе „казацкой" политики и міросозерцанія [2]), Беранже, однако, сумѣлъ остаться довольно безпристрастнымъ. Своеобразное величіе „казака", очевидно, импонировало и буржуазно-либеральному поэту. Онъ отмѣтилъ въ „казакѣ" дикую энергію, безстрашіе и пре-

[1]) Béranger, ук. изд. т. II, стр. 221.

[2]) Ихъ не всегда и не вездѣ опредѣляли à la Béranger. Напр. въ нѣмецкомъ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ наполеоновскихъ временъ наблюдается сантиментальное и сочувственное отношеніе къ „казакамъ". См. Treitschke, Hist. und pol. Aufsätze, 3-е изд. Leipzig 1867, стр. 333.

зрѣніе ко всему на свѣтѣ. Эти свойства „казацкой“ души должны были глубоко поразить Эспронседу, который, какъ мы видѣли, плѣнялся всѣмъ тѣмъ, что шло въ разрѣзъ съ современной, жалкой и вывѣтрившейся культурой. Казакъ Беранже, хотя онъ и направлялся противъ родины Эспронседы, былъ герой, близкій сердцу испанца и его симпатіямъ, и потому не мудрено, что нашъ авторъ заинтересовался французской пѣсней. Но, сохраняя, въ общемъ, кадръ и главные мотивы Беранже, онъ сдѣлалъ содержаніе пѣсни болѣе разнообразнымъ, открылъ историческія перспективы впередъ и назадъ, шире взглянулъ на политику и внесъ одну деталь, придавшую всему стихотворенію болѣе трагическій характеръ. Все это превратило безобидную, либеральную пѣсеньку Беранже въ законченную, величественную оду, одно изъ лучшихъ произведеній ея творца.

Трагическая деталь, о которой до Сентября 1831 г., не могло быть и рѣчи, это—русско-польскія дѣла. Мы уже знаемъ, какъ къ нимъ относился Эспронседа. Не забыли, конечно, и того, что симпатіи французскаго общества принадлежали Полякамъ [1]). Это сказалось и въ поэзіи. Цѣлый рядъ стихотворцевъ, среди которыхъ есть первоклассныя имена, спѣшили отозваться на споръ Славянъ между собою, ни минуты не колеблясь, кого имъ нужно поддерживать, кого проклинать. Казиміръ Делавинь въ стихотвореніи La Varsovienne поетъ красивый и мужественный гимнъ польскимъ повстанцамъ, ко-

[1]) Ср. Schnitzler, La Pologne et la Russie, стр. 9 и слѣд.

торые оказали „казакамъ“ упорное сопротивленіе. Взятіе Праги куплено цѣною тысячи польскихъ труповъ. Съ воинственными криками устремлялись казаки на бой, увѣренные, что никакіе Балканы не помѣшаютъ имъ ворваться въ Польшу, но вмѣсто Балкановъ передъ ними выросли горы польскихъ тѣлъ, жертвы отваги и любви къ отечеству—

„Guerre! A cheval, Cosaques des déserts!
Sabrons... La Pologne rebelle.
Point de Balcans; ses champs nous sont ouverts;
C'est à galop qu'il faut passer sur elle“.
Halte, n'avancez pas; ses Balcans sont nos corps.
La terre où nous marchons ne porte que des braves,
Rejette les esclaves,
Et de ses ennemis ne garde que les morts [1]).

Делавинь приглашаетъ Костюшко [2]) быть безпощаднымъ, разить врага въ самое сердце, ибо и русскіе залили Прагу потоками крови. Неужели французы не пойдутъ на помощь Полякамъ? Вѣдь были дни, когда они вмѣстѣ сражались подъ наполеоновскими орлами: поля Іены и Маренго—свидѣтели общей славы обоихъ народовъ—

Pour de vieux frères d'armes
N'aurez vous que de larmes?
Frères, c'était du sang que nous versions pour Vous! [3]).

Въ Dies Irae de Kosciuszko, который былъ написанъ для заупокойной службы въ память польскаго

---

[1]) C. Delavigne, Oeuvres complètes, т. V, стр. 230 (Paris 1848).

[2]) Повидимому, свѣдѣнія Делавиня въ исторіи не отличались особой точностью. Иначе онъ не обращался бы, какъ къ живому, къ Костюшкѣ, который умеръ въ 1817 г.

[3]) Delavigne, т. V, стр. 233.

героя (23 Февраля 1831 г.), поэтъ призываетъ дорогую тѣнь (ombre chérie) явиться для вдохновленія соотечественниковъ въ тяжелой борьбѣ... Вѣдь Костюшко когда-то закрылъ глаза умиравшей родинѣ; теперь она готовится воскреснуть. Пусть-же тѣнь героя протянетъ родинѣ руку помощи! Можетъ быть, Поляки напрасно зовутъ французовъ, которые не пожелаютъ стать въ ихъ ряды. Что̀ же изъ этого? На небесахъ есть Богъ—Онъ не оставитъ праваго дѣла:

A tes côtés, ombre chérie,
Elle tomba, notre patrie,
Et ta main lui ferma les yeux.
. . . .
Descends pour venger ses injures,
Ou pour entourer ses blessures,
De ton linceul victorieux.
Si cette France, qu'elle appelle,
Trop loin ne peut vaincre avec elle,
Que Dieu du moins soit son appui! [1])

Къ 1831 году относится небольшая поэма А. Барбье, исполненная мрачнаго сарказма и ядовитой злобы къ Николаю I, котораго на Западѣ считали единственнымъ виновникомъ русско-польской трагедіи. Поэма озаглавлена Varsovie и состоитъ изъ трехъ рѣчей, произносимыхъ по очереди Войною, Холерой и Смертью. Война и Холера обращаются къ общей ихъ матери—Смерти—съ отчетомъ

[1]) Delavigne, т. V, стр. 225—227.

о своихъ подвигахъ въ Польшѣ. Былъ еще недавно, говоритъ Война, знаменитый, цвѣтущій городъ. Вслѣдъ за Гуннами я проникла въ его стѣны, сокрушила его башни... Мои кони промчались по улицамъ Варшавы, и подъ ихъ копытами гибли женщины и дѣти. Насиліе, пожары славно попировали въ Польшѣ! Ура, ура! я согнула выю повстанца, омыла кровью свои старыя обиды, груды польскихъ тѣлъ вздымались до моего сѣдла; ура! копыта моего коня прошлись по лбу мятежниковъ—

Hourra! Hourra! j'ai courbé la rebelle,
J'ai largement lavé mon vieil affront,
J'ai vu des morts à hauteur de ma selle;
Hourra! j'ai mis les deux pieds sur son front.

Но, кажется, жертвъ болѣе уже не остается, мечу и косѣ нечего болѣе дѣлать... Все стало пустыней, на развалинахъ выросла трава... О смерть, мнѣ болѣе нечего косить—

Tout est desert, l'herbe pousse aux ruines;
O mort, o mort, je n'ai rien à faucher [1]).

Холера продолжаетъ. Существовалъ народъ, полный жизни, горячій, безумно преданный свободѣ. Но вотъ съ московскихъ полей я повѣяла на него своимъ отравленнымъ дыханіемъ... Началась работа ужасной болѣзни, подбиравшей все, что еще оставалось живого послѣ войны—

Mieux que la balle et les larges mitrailles,
Mieux que la flamme et l'implacable faim,

---

[1]) Auguste Barbier, Iambes et poèmes, изд. P. 1858. стр. 45—46.

J'ai déchiré les mortelles entrailles,
J'ai souillé l'air et corrompu le pain.

Повсюду трупы, добыча червей и вороновъ. Ни одного живого человѣка, за то сколько скелетовъ!.. О смерть, о смерть, мнѣ нечего болѣе глодать!—

Partout, partout le corbeau noir becquéte,
Partout les vers ont des corps à manger;
Pas un vivant, et partout un squelette...
O mort, o mort! je n'ai rien à ronger [1]).

Смерть предлагаетъ своимъ отвратительнымъ дѣтямъ (enfants hideux) успокоиться и не требовать постоянной работы: не всегда же кровь обагряетъ землю! Пусть война и холера прилягутъ отдохнуть въ материнской тѣни: Смерть будетъ бодрствовать за нихъ. И если гдѣ-нибудь раздастся кличъ свободы, если блѣдные и изможденные изгнанники возстанутъ противъ тирановъ, не бойтесь! Глазъ Смерти никогда не закрывается! Ея уста любятъ человѣка такъ-же, какъ Николай любитъ Поляковъ—

Et quand de loin, comme un vol de corneille,
S'élèveront des cris de liberté;
Quand j'entendrai de pâles multitudes,
Des peuples nus, des milliers de proscrits,
Jeter à bas leurs vieilles servitudes,
En maudissant leurs tyrans abrutis;
Enfant hideux, pour finir votre somme,
Comptez sur moi, car j'ai l'oeil creux, jamais
Je ne m'endors, et ma bouche aime l'homme
Comme le Tsar aime les Polonais [2]).

---

[1]) Barbier, стр. 47—48.
[2]) Тамъ-же, стр. 48—50.

Паденію Польши посвящено одно необычайно красивое стихотвореніе В. Гюго въ Les Chants du crépuscule, помѣченное Сентябремъ 1833 г. Уже въ предшествующемъ сборникѣ Les Feuilles d'automne, въ заключительной пьесѣ, Гюго, называя себя пѣвцомъ патріотизма и свободы, высказываетъ горячее сочувствіе всѣмъ жертвамъ королевской тираніи, и между прочимъ Польшѣ. И здѣсь, вскользь, упомянуто, какъ

un Cosaque affreux, que la rage transporte,
Viole Varsovie échevelée et morte;
Et souillant son linceul, chaste et sacré lambeau,
Se vautre sur la vierge étendue au tombeau [1]).

Въ Les Chants du crépuscule мы имѣемъ дѣло уже съ побѣжденной Польшей, которая скована желѣзными цѣпями у башни, гдѣ находится ея повелитель и супругъ, каждую минуту готовый превратиться въ палача. Погибли сыны Польши, вмѣсто нихъ къ своей бѣлой груди она можетъ прижимать лишь распятіе... Башкиры измяли ея царственные уборы, еще хранящіе слѣды ихъ грубыхъ сапоговъ, подбитыхъ гвоздями—

Par instant une voix gronde, on entend le bruit
D'un pas lourd, et l'on voit un sabre qui reluit,
Et toi serrée au mur qui sous tes pleurs ruisselle,
Levant tes bras meurtris, et ton front qui chancelle
Et tes yeux que déjà la mort semble ternir,
Tu dis: France, ma soeur! ne vois tu rien venir? [2])

---

[1]) по изд. Charpentier, Paris 1846, стр. 146.
[2]) По тому-же изд. стр. 199.

Не подлежитъ сомнѣнію и полонофильство Беранже. Онъ былъ членомъ Польскаго Комитета въ Парижѣ и въ 1831 г. издалъ въ его пользу небольшую брошюру, въ которую вошли четыре пѣсни и посвященіе Лафайету, предсѣдателю Комитета и „первому гренадеру варшавской національной гвардіи“ [1]).

Если-бы я былъ молодъ, говоритъ поэтъ въ пѣснѣ Hâtons—nous, я полетѣлъ бы на помощь Польшѣ, которой принадлежитъ вся моя любовь. Если-бы я хоть одинъ день былъ Богомъ, съ мольбою къ которому обращается Польша, царь поблѣднѣлъ бы отъ страха среди своихъ придворныхъ... Но увы! это все—невозможныя желанія. Пусть же Богъ, единственная опора несчастной страны, дастъ голосу поэта силу и мощь, пусть весь міръ услышитъ въ его словахъ—

Hâtez-vous, l'honneur est là-bas [2]).

Очень удачна пѣсня „Понятовскій“ (Іюль 1831), которую можно назвать цѣлой балладой. Извѣстно, что Іосифъ Понятовскій, племянникъ послѣдняго короля Польши, служилъ во французскихъ войскахъ съ 1806 г. по 1813-ый, когда, 18-го Октября, потонулъ при переправѣ черезъ рѣку Эльстеръ въ Саксоніи. Этотъ моментъ и изображенъ у Беранже, причемъ Понятовскій—символъ гибнущей Польши, которой никто не протягиваетъ дружеской руки.

---

[1]) См. Béranger, Ma biographie, Paris 1857, стр. 255 и Oeuvres complètes, ук. изд. т. III, стр. 185 (Chansons nouvelles et dernières). Двѣ изъ пѣсень—A mes Amis devenus ministres и le Quatorze Juillet—не имѣютъ отношенія къ Польшѣ.

[2]) Oeuvres complètes, т. III, стр. 98—100.

Напрасно герой борется съ волнами, хватаясь ослабѣвшей рукою за гриву коня; все кончено, хотя вонъ тамъ, на противуположномъ берегу, виднѣются французскіе полки. Но они заняты своимъ дѣломъ, никто не замѣчаетъ тонущаго Понятовскаго. Прощай Польша! Но въ предсмертную минуту героя утѣшаетъ отрадное зрѣлище: бѣлый польскій орелъ стремится на бой, чтобы насытиться русской кровью. Побѣда, побѣда!.. И такъ мольба Понятовскаго—

Rien qu'une main, Français, je suis sauvé—

не была исполнена. Но развѣ теперь не видимъ мы Польши и ея вѣрнаго народа, который столько разъ сражался за Францію, развѣ теперь не видимъ мы ихъ, протягивающими къ намъ руку съ мольбою о помощи? Неужели и теперь никто не тронется ихъ крикомъ—

Rien qu'une main, Français, je suis sauvé [1]).

Такъ хоръ французскихъ трубадуровъ плакалъ надъ несчастіями польскаго народа). Къ нимъ присталъ и Эспронседа, въ описываемое время находившійся въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, точной даты El Canto del Cosaco мы не знаемъ, но литературная и политическая атмосфера, въ которой возникло стихотвореніе, опредѣлилась достаточно ясно. Едва-ли мы ошибемся, если отнесемъ El Canto къ 1831 г. или нѣсколько позднѣе.

---

[1]) Oeuvres complètes, т. III, стр. 101—103.

[2]) Ср. съ этимъ Lenient, ук. соч. т. II, стр. 306—320 и Jean Skerlitch, L'opinion publique en France d'après la poésie politique et sociale de 1830—1848. Lausanne 1901, стр. 44—55.

Эпиграфомъ къ своей пьесѣ Эспронседа избралъ слова, приписываемыя Аттилѣ: гдѣ ступитъ мой конь, тамъ не растетъ трава [1]). Въ El canto двадцать строфъ, которыя прерываются припѣвомъ—

¡Hurra, cosacos del desierto! !Hurra!
¡La Europa os brinda el espléndido botin,
Sangrienta charca sus campiñas sean,
De los grajos su exercito ſestin!

Поэтъ зоветъ сыновъ пустыни ринуться на блестящую добычу, которую сулитъ имъ Европа. Пусть же цвѣтущія поля Европы обратятся въ болото крови, надъ ея павшими воинами сберутся пировать хищныя птицы! Обитатели Европы—народъ богатый и изнѣженный. Ихъ женщины прекрасны, какъ серафимы неба... Все тамъ блеститъ и сіяетъ—дворцы, дома, сады и поля! Но кто будетъ защищать все это? Ихъ солдаты не имѣютъ мужества, вмѣсто королей въ Европѣ торгаши, которые бѣгутъ, спасая свое золото, или проливаютъ слезы трусости—

Son sus soldados menos que mujeres,
Sus reyes, viles mercaderes son,
Vedlos huir para esconder su oro,
Vedlos cobardes lagrimas verter.
¡Hurra, volad! Sus cuerpos, su tesoro
Huellen nuestros caballos con sus pies [2]).

---

[1]) Obras poéticas, стр. 176.

[2]) Такое же презрѣніе къ меркантилизму и торгашеству Европы Эспронседа обнаруживаетъ въ ст. A la degradacion de Europa, написанномъ на перенесеніе праха Наполеона въ Парижъ—испанская параллель извѣстной оды Лермонтова. См. Obras poéticas, стр. 238—240.

Тамъ, въ Европѣ, наша капризная воля предпишетъ законы, а наши дѣти будутъ играть королевскими скипетрами. Красавицы подарятъ намъ любовь, потому что никогда не бываетъ безобразнымъ лицо побѣдителя—

Que siempre brilla hermoso el vencedor.

Какъ тигры, растерзаемъ мы побѣжденную Европу; коней своихъ поставимъ въ королевскихъ покояхъ, и презрѣнные рабы будутъ трепетать подъ нашимъ взглядомъ.

Вслѣдъ за этимъ призывомъ поэтъ набрасываетъ историческую картину, которая служитъ фономъ и оправданіемъ того, чтó теперь видимъ въ Европѣ... Вѣдь уже было однажды, что предки казаковъ (nuestros padres) въ своихъ странствованіяхъ достигли императорскаго города. Преданіе говоритъ, что они нашли тамъ болѣе яркое солнце, увидѣли золотые и хрустальные дворцы. Ихъ скакуны въ бродъ переправились черезъ Тибръ; земля нѣмѣла отъ ужаса подъ ихъ копытами, но все-же фея тріумфовъ убаюкивала казаковъ своими фантастическими пѣснями—

Vadearon el Tibre sus bridones,
Yerta á sus piés la tierra enmudeció;
Su sueño con fastásticas canciones
La fada de los triunfos arrulló.

Такимъ образомъ, все благопріятствуетъ потомкамъ Аттилы: ничтожный народъ, съ которымъ приходится сражаться, жалкіе цари, имъ управляющіе, богатство страны, которое манитъ ихъ несмѣтной добычей, собственное мужество, и, наконецъ, исто-

рическія воспоминанія. Впередъ же! Ничто не удержитъ бурнаго потока.

Уже теперь вполнѣ очевидно, насколько свободно Эспронседа обходится со своимъ оригиналомъ. У Беранже нѣтъ ни слова о взятіи Рима, да и Европейцы его, жертва тирановъ разнаго рода, не чета испорченнымъ и изнѣженнымъ обитателямъ Запада у Эспронседы. Съ одной стороны, либеральный поэтъ, противупоставляющій трафаретныхъ страдальцевъ — подданныхъ властолюбивымъ тиранамъ, съ другой—авторъ, въ глазахъ котораго в с я Европа, а не одни короли и духовенство, заслужила свой жребій—стать добычей дикихъ, но свѣжихъ и сильныхъ людей. Пойдемъ дальше. Въ этомъ мѣстѣ стихотворенія Эспронседа вводитъ новый мотивъ, навѣянный окружающей дѣйствительностью.

Изъ-за самоувѣреннаго и гордаго хора казаковъ какъ будто слышится чей то робкій, подавленный, но все же настойчивый голосъ. Казакамъ начинаетъ чудиться, что копье дрожитъ въ ихъ рукѣ. Не встаютъ-ли въ туманѣ какія-то неясныя видѣнія, которыя привѣтствуютъ ихъ? Да, то слава и величіе Польши, которая была щитомъ несчастныхъ европейскихъ націй, стѣною, ихъ укрывавшей! А теперь все это превращено въ дымъ и кровь—

¿Qué? ¿No sentis la lanza estremecerse,
Hambrienta en vuestros manos de matar?
¿No veis entre la niebla aparecerse
Visiones mil que el parabien nos dan?
Escudo de esas miseras naciones,

Era ese muro que abatido fué;
La gloria de Polonia y sus blasones
En humo y sangre convertidos ved [1]).

Кто радость Польши замѣнилъ печалью? Кто заковалъ ея сыновъ въ цѣпи? Кто потопилъ ихъ въ собственной крови? Кто положилъ конецъ славнымъ днямъ Польши?

¿Quién en dolor trocó sus alegrías?
¿Quién sus hijos triunfante encadenó?
¿Quién puso fin á sus gloriosos dias?
¿Quién en su propria sangre los ahogó?.

Вопросы остаются безъ отвѣта... Да и какое дѣло казаку до этихъ стоновъ и воплей? Элегическая мелодія вновь смѣняется бурной одой. Слава тому, кто обладаетъ большей силой (más valientes)! Эти люди Европы (esos hombres de Europa) узнаютъ, кто мы. На ихъ челѣ останутся знаки отъ подковъ нашихъ коней. Казаковъ ждетъ побѣда; они превратятъ храмы въ пиршественныя залы, будутъ пить сладкое вино, ѣсть бѣлый хлѣбъ—царская пища послѣ сырого мяса—

Á cada bote de la lanza ruda,
Á cada escape en la abrasada lid,
La sangriente racion de carne cruda
Bajo la silla sentiréis hervir.
Y allá después en templos suntuosos,
Sirviendonos de mesa algun altar,

---

[1]) Obras poéticas, стр. 178. О Польшѣ—щитѣ и стѣнѣ европейскихъ націй противъ Россіи—см. Schnitzler, ук. соч. стр. 17 и слѣд.

Nuestra sed calmarán vinos sabrosos,
Hartará nuestra hambre blanco pan [1]).

Наши матери увидятъ нашъ тріумфъ, и въ каждомъ сынѣ передъ ними предстанетъ царь! Дѣти узнаютъ о подвигахъ отцовъ, унаслѣдуютъ короны Европы и будутъ готовить коней и копья для новыхъ завоеваній—

Nuestros hijos sabrán nuestras acciones,
Las coronas de Europa heredarán,
Y á conquistar tambien otras regiones
El caballo y la lanza aprestarán [2]).

Пересказавъ содержаніе El Canto Эспронседы, считаемъ излишнимъ еще разъ подчеркивать его сходство съ стихотвореніями Делавиня, Гюго и другихъ поэтовъ, упомянутыхъ выше. Родственныя черты на лицо. Главный образъ—дикаго казака, обрушивающагося на беззащитную Польшу и на Европу, вездѣ одинъ и тотъ же. Есть и частныя совпаденія, допускающія мысль о томъ, что для своей оды Эспронседа воспользовался не только пѣсней Беранже, но заглянулъ въ изданія и прочихъ французскихъ стихотворцевъ, оплакивавшихъ Польшу. Укажемъ хотя бы на то, что и у Делавиня, и у Эспронседы казаки называются „дѣтьми пустыни", что у Барбье, какъ въ El Canto, воинственная рѣчь побѣдителя сопровождается криками ура! и т. п. Но, за всѣмъ этимъ, между Эспронседой и французами есть существенная разница, которую нельзя

[1]) Obras poéticas, стр. 179.
[2]) Тамъ-же, стр. 179.

обойти молчаніемъ. При одинаковости центральной фигуры освѣщеніе въ обоихъ случаяхъ иное, такъ что и выводы, и поученія не тождественны.

Начнемъ съ того, что критиковать концепціи Эспронседы, равно какъ и всѣхъ французовъ, писавшихъ на нашу тему, совершенно излишне. Несостоятельность концепцій очевидна. Въ El Canto передъ нами мечта, а не историческая дѣйствительность, факты, неправильно и односторонне истолкованные. Россія даже въ эпоху Имп. Николая I не была такимъ „казацкимъ“ государствомъ, какъ это представлялось Эспронседѣ. Но, однако, легко себѣ объяснить, чѣмъ была обусловлена подобная картина русской государственной и національной жизни. Частью невѣжествомъ Западной Европы въ нашихъ дѣлахъ и въ исторіи, частью многими печальными явленіями, имѣвшими мѣсто въ николаевской Россіи. Толчокъ Эспронседа получилъ отъ пѣсни Беранже, заранѣе опредѣлившей направленіе его мысли. Но и самъ онъ иначе не могъ-бы отнестись къ Россіи, которая во вторую половину царствованія Александра и въ эпоху Николая ничѣмъ не заслужила симпатій испанца-либерала. Напротивъ, мы видѣли, какъ старательно наше правительство поддерживало Фердинанда VII и какъ сурово относилось оно къ революціоннымъ поползновеніямъ въ другихъ странахъ Европы. Въ элегическихъ строфахъ, посвященныхъ Польшѣ, сказался пѣвецъ борьбы за національную независимость противъ чужеземной власти, авторъ оды Al dos de Mayo, эмигрантъ, дружившій

съ польскими изгнанниками и бѣглецами [1]), поэтъ, пережившій бурные дни іюльской революціи, вмѣстѣ съ другими французами пылавшій негодованіемъ на угнетателей Польши... Можетъ быть и то, что у Эспронседы — скептика и вольнодумца—пробились и католическія струи, которыми столь насыщена почва Испаніи. Вѣковыя симпатіи и традиціи безсознательно могли жить въ поэтѣ, повидимому, начисто свободномъ отъ религіозныхъ предразсудковъ. Эспронседа, какъ и французы, безъ разсужденія, безъ всякой критики, безъ малѣйшихъ признаковъ спасительнаго—audiatur et altera pars—вступилися за обиженную Польшу. Нельзя же требовать отъ Испанца сороковыхъ годовъ писавшаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, чтобы онъ оцѣнивалъ русско-польскія отношенія иначе, чтобы онъ возвышался до точки зрѣнія Пушкина въ его „Клеветникамъ Россіи"! Видимость — суровое подавленіе мятежа — была противъ насъ: значитъ, мы были виноваты. Для либеральнаго испанца временъ Эспронседы было фактомъ, твердо-установленнымъ, что грѣхи были только у Русскихъ, что Поляки были исключительно угнетенной невинностью. Вдуматься въ вѣковую, глубоко-печальную распрю двухъ величайшихъ народовъ Славянства, подойти къ трудному вопросу, вооружившись безпристрастіемъ исторіи, Эспронседа не умѣлъ, да, вѣроятно, не считалъ и нуж-

[1]) О сношеніяхъ испанскихъ и польскихъ эмигрантовъ говоритъ Alcalá y Galiano, Recuerdos, стр. 535.

нымъ. Въ результатѣ получалось обычное искаженіе правды, слѣды котораго продолжаютъ жить въ Европѣ вплоть до нашихъ дней.

Гораздо любопытнѣе то обстоятельство, что въ своемъ стихотвореніи Эспронседа, связанный по рукамъ и по ногамъ, всетаки не могъ подавить если не симпатіи, то хоть удивленія могучей, стремительной силѣ, которую онъ видѣлъ въ казакахъ. Пусть это—люди грубые и дикіе, но сколько въ нихъ отваги, сколько крѣпкой привязанности къ стариннымъ преданіямъ, сколько надеждъ на будущее! И какъ выгодно отличаются они своей молодостью и свѣжестью отъ старой, одряхлѣвшей, изжившей Европы! Ея великолѣпная культура почти мертва: духъ жизни покинулъ пышныя хоромы. Этого противупоставленія молодости „казаковъ" и старчества Европы нѣтъ ни у Гюго, ни у Барбье, ни у Делавиня. У нихъ набѣгъ казаковъ только дикость, безсмысленная и сокрушающая успѣхи цивилизаціи... Блескомъ одарилъ „казака" и Беранже, но у него казакъ идетъ, по зову тирановъ, на расправу съ бѣдными подданными, о морали и психологіи которыхъ не сказано ни слова. Казакъ Беранже—просто рѣзвое орудіе деспотизма. Нуждаются ли въ обновленіи свѣжими силами и подданные королей, объ этомъ Беранже ничего не говоритъ. Миссія его „казака" не имѣетъ ни тѣни привлекательности, ничѣмъ не объясняется кромѣ трусости и подлости съ одной стороны, и жаждой грабежа и удалью съ другой! У Эспронседы замыселъ гораздо

глубже, грани обозначились рѣзче, перспектива яснѣе. Сама-то Западная Европа не находитъ пощады передъ судомъ испанскаго поэта: время ея величія миновалось, наступаютъ годы вырожденія. А что́ если казаки явятся обновителями? Тотъ, кто сулилъ казакамъ лавры, побѣды и завоеванія, не далекъ былъ отъ мысли, что эта еще не упорядоченная мощь, со временемъ, можетъ послужить на благо культуры, вдохнуть духъ въ умирающее тѣло Европы!... Здѣсь Эспронседа уже не либералъ à la Béranger, не полонофилъ, не эмигрантъ, почти неосвѣдомленный въ русскихъ дѣлахъ, а безпощадный критикъ всего строя европейской жизни, который нуждается въ радикальномъ измѣненіи... Здѣсь Эспронседа, по истинѣ, exaltado, тогда какъ Беранже и К° заслуживаютъ лишь титула moderados. Въ El Canto del Cosaco столкнулись, такимъ образомъ, два мотива—либеральный и радикальный,—но все стихотвореніе отъ этого только выиграло.

И такъ, на пространствѣ какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ Россія и Испанія оцѣнивали другъ друга довольно различно. Русскіе съ любовью смотрѣли на героевъ пиренейскаго полуострова, искали въ нихъ примѣра, стремились идти по ихъ стопамъ, даже воспѣвали ихъ. Въ Испаніи русскіе считались темной силой, несправедливой и жестокой, путь которой усѣянъ развалинами, политъ кровью. Правда, мелькала надежда, что эту силу можно приручить, но опасность отъ ней всетаки была велика. Обновляя въ грядущемъ—и то подъ большимъ вопросомъ—

эта сила теперь сметаетъ устарѣлый, гнилой, но все же богатый и красивый строй жизни.

Не безъ ироніи можно спросить, гдѣ къ исторіи относились глубже и вдумчивѣе? [1]).

---

[1]) Существуетъ и русская, современная Эспронседѣ, варіація Le Chant de Cosaque. Это—„Пѣснь Казака", принадлежащая В. Теплякову, небезъизвѣстному поэту пушкинской эпохи, автору „Ѳракійскихъ Элегій." Въ этой „Пѣснѣ" 5 строфъ, изъ которыхъ послѣднія двѣ—довольно близкое переложеніе Беранже; въ первыхъ-же трехъ говорится о скукѣ, снѣдающей сердце казака въ мирное время, и о прелести воинственныхъ воспоминаній. См. Стихотворенія Виктора Теплякова, Томъ второй. Спб. 1836, стр. 163—166.

VIII

Покинемъ сферу историческихъ построеній. Насъ ожидаетъ теперь личная инвектива—ибо такой именно характеръ имѣетъ стихотвореніе Габріэля Россетти Niccolò I di Russia in Italia. Уже не цѣлую націю, не все государство, а только властителя, заправляющаго ходомъ исторіи, зоветъ поэтъ къ себѣ на судъ. Приговоръ будетъ строгій, портретъ обвиняемаго получится не вполнѣ согласный съ оригиналомъ но мы удивляться уже не станемъ... Что было сказано объ Эспронседѣ, то, mutatis mutandis, можно повторить и о Россетти. Итальянскій патріотъ и изгнанникъ 30—40-хъ годовъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Испанцемъ въ опредѣленіи международной роли Россіи и въ оцѣнкѣ Николая I. Ненависть итальянца къ русскому Императору могла пріобрѣсти даже болѣе жгучую, непримиримую окраску. Главный врагъ итальянскихъ либераловъ, первая помѣха великаго дѣла объединенія и освобожденія Италіи—Австрія—пользовалась поддержкой Александра I и Николая Павловича во всѣхъ своихъ уловкахъ и жестокостяхъ на апеннинскомъ полу-

островѣ, направленныхъ на отстаиваніе древнихъ порядковъ и на подавленіе новыхъ. Свои дозы яда въ душу Россетти внесли іюльская революція, понапрасну раздразнившая, тогда еще несбыточныя, мечты итальянскихъ борцовъ за свободу, и польскія дѣла позднѣйшихъ фазисовъ. Наконецъ, въ кругозоръ Россетти проникло кое-что и изъ внутренней жизни Россіи, напр. отзвуки покоренія Кавказа, оцѣнить которое, по должному, итальянцу тоже не удалось. Все это создавало обстановку, очень неблагопріятную для Николая Павловича.

Габріэль Россетти (1783—1854) относится къ числу жертвъ неаполитанской революціи 1820-го года; онъ же считается ея самымъ вдохновеннымъ пѣвцомъ [1]). Въ большомъ стихотвореніи La Costituzione in Napoli nel 1820 онъ прославилъ зарю политической свободы на родинѣ, мнимое великодушіе короля, энтузіазмъ неаполитанцевъ, и оплакалъ печальную развязку этого эпизода на конгрессѣ въ Люблянѣ. Жизнь Россетти и раздѣляется революціей 1820 года на двѣ половины, изъ которыхъ вторую онъ провелъ изгнанникомъ въ Англіи, на туманныхъ берегахъ Темзы.

Общій ходъ неаполитанской революціи хорошо извѣстенъ. Хотя итальянская реакція, начинающаяся послѣ паденія Наполеона, и была значительно мягче, чѣмъ въ Испаніи и въ другихъ странахъ Европы, однако, Неаполь и Сицилія явились исключеніемъ

---

[1]) Неаполитанской революціи посвящены также двѣ оды Шелли: Ode to liberty и Ode to Naples, См. Shelley, Poetical Works, edit. by W M. Rossetti. London. стр. 489—486 и 510—514.

изъ этого правила. Эпоха Фердинанда I Бурбона, воспринявшаго въ 1814 г. бразды правленія, представляла самую подходящую почву для всякаго рода недовольства властью, даже ненависти къ ней. Послѣ наполеоновскаго режима, хотя и суроваго, но все же болѣе справедливаго и либеральнаго, пришло время, когда всѣ мрачныя стороны стараго порядка возродились, а на лучшіе дни, казалось, не было никакой надежды. Недовольство націи, не имѣя законнаго исхода, обратилось къ единственно возможной при Фердинандѣ I формѣ политической жизни—къ тайнымъ обществамъ и заговорамъ. Изъ заговорщиковъ наибольшей извѣстностью и вліяніемъ пользовались карбонаріи [1]). Къ этому надо прибавить толчекъ, полученный извнѣ—январскую революцію въ Испаніи въ 1820 году. Неаполитанскую революцію также можно назвать pronunciamiento, потому что выдающаяся, если не руководящая, роль въ ней была сыграна военными. 2-го Іюля 1820 г. два молодыхъ офицера, Морелли и Сальвати, съ отрядомъ кавалеріи, двинулись изъ Нолы въ лагерь Авеллино, привѣтствуя короля и конституцію. Возмущеніе, подготовленное заговорами и дѣятельностью тайныхъ обществъ, распространилось очень быстро, и черезъ какихъ-нибудь двое сутокъ въ Авеллино собралось до 12000 вооруженныхъ конституціоналистовъ. Во всемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, особенно въ столицѣ, царило необычайное возбужденіе умовъ.

---

[1]) О нихъ см. Георгъ Шустеръ, Тайныя общества, союзы и ордена, т. II, стр. 217—222 (Спб. 1907).

Гульельмо Пепе, принявшій начальство надъ возмутившимися, готовился выступить противъ Неаполя. Фердинандъ I мучительно колебался—дать или не дать испанскую конституцію, которой отъ него намѣревались потребовать заговорщики. Россетти, либералъ и карбонарій, всей душой сочувствовавшій освободительному движенію, въ ночь съ 5-го на 6-ое Іюля въ неаполитанскомъ Caffé d'Italia произнесъ, при шумныхъ одобреніяхъ толпы, блестящую импровизацію, призывая короля уступить и не медлить болѣе—

Sire, che attendi più? L' orgoglio insano
Ceda al pubblico voto; il foro, il tempio
Vogliono la morte tua. Resiste in vano
Il debol cortegiano, il vile e l'empio.

И далѣе стихи, которые мы поставили эпиграфомъ къ настоящей работѣ—

Soli non siam : fin dai remoti lidi
Grido di morte ai despoti rimbomba [1]).

Король, наконецъ, понялъ, что съ нимъ не шутятъ, и „по своей доброй волѣ“ даровалъ конституцію. Обо всемъ этомъ Россетти разсказываетъ въ красивыхъ, писанныхъ разнообразными метрами, стихахъ своей La Costituzione in Napoli [2]). Король,

---

[1]) G. Carducci, Gabriele Rossetti, въ Opere, т. II, стр. 398 (Bologna, 1903).

[2]) La Costituzione... въ свѣтъ появилась въ Неаполѣ въ 1820 г. и воспроизведена въ сборникѣ Il veggente in solitudine (1846). См. Guido Perale, L'opera di Gabriele Rossetti, Città di Castello 1906, стр. 45, прим. 1-ое. Не имѣя въ рукахъ перваго изданія La Costituzione, не можемъ ничего сказать о томъ, не подвергалось-ли стихотвореніе въ Il veggente in solitudine какимъ-либо измѣненіямъ, прибавкамъ и т. п. Нѣкоторыя части стихотворенія (напр. II и IV), по всѣмъ вѣроятіямъ, написаны въ позднѣйшее время, ибо говорятъ объ изгнаніи поэта.

сообщаетъ намъ поэтъ, добровольно уступилъ желаніямъ своего народа—

Ai voti del suo popolo
Cede spontaneo il re.

Королевскій дворецъ (la reggia), который прежде вызывалъ только страхъ, теперь становится предметомъ благодарнаго вниманія. Толпы народа устремляются ко дворцу, громко бьютъ въ ладоши и кричатъ—

Viva Fernando—
E parmi in tutta la gioiosa riva
—Viva Fernando—udir—Fernando viva [1])!

Кто-то обращается къ поэту съ упрекомъ: неужели ты, пѣвецъ родины (o patrio vate), можешь молчать въ такіе дни? Пламя импровизаціи (le fiamme usate... in estro estemporaneo) вспыхиваетъ въ Россетти въ отвѣтъ на эти слова, и онъ начинаетъ въ честь достопамятнаго дня пѣснь славы (canto di gloria)—

Già coronata è l'opra:
Patria, ringrazia il nume;
O qual ti cinge un lume
Di nuova maestà!
Chi fia che più ti dica
Barbara terra incolta?
Non sogni questa volta,
Non sogni libertà [2])!

---

[1]) Poesie di Gabriele Rossetti, ordinate da G. Carducci, Firenze 1861 стр. 104.

[2]) Тамъ-же, стр. 105 и 108.

Фердинандъ I кладетъ руку на Святыя Евангелія Господа и клянется соблюдать конституцію... Но и на этотъ разъ друзей свободы ждетъ разочарованіе: она и теперь оказывается сномъ! Черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ торжественной клятвы, 6-го Декаб. 1820 г. Фердинандъ I испрашиваетъ у молодого неаполитанскаго парламента разрѣшенія отправиться въ Любляну на конгрессъ. Разрѣшеніе ему дано. Изъ Любляны Фердинандъ, все время игравшій съ неаполитанцами двойную игру, извѣстилъ министровъ, что государи Священнаго Союза постановили уничтожить конституцію, только что дарованную имъ, и что онъ, король, присоединяется къ ихъ рѣшенію. Меттерниху удалось добиться согласія союзниковъ— въ Италію были посланы австрійскія войска для возстановленія порядка и законной власти [1]). Неаполитанскіе либералы не умѣли приготовиться къ отраженію врага, не смотря на то, что народъ горячо желалъ войны. Австрійцы, не встрѣчая сопротивленія, двигались къ югу, 7-го Марта 1821 г. разбили неаполитанцевъ при Ріети, а 23-го того же мѣсяца заняли Неаполь. Неаполитанская революція кончилась [2]).

[1]) Русскіе также готовились принять участіе въ усмиреніи неаполитанцевъ; надъ отрядомъ, который предназначался къ отправкѣ въ Италію, долженъ былъ начальствовать А. П. Ермоловъ, спеціально вызванный съ Кавказа... Но Австрійцы выполнили свою миссію до прихода русскихъ. См. Обществ. движенія, стр. 36. Военная молодежь далеко не сочувствовала цѣлямъ предполагавшагося похода. См. Н. В. Басаргинъ, Записки, XIX вѣкъ Бартенева, т. I, стр. 73 (Москва 1872). Были даже лица, стремившіяся въ Италіи волонтерами, чтобы выступить защитниками свободы; таковъ напр. И. П. Липранди. См. Записки С. Г. Волконскаго, стр. 318—319.

[2]) См. Больтонъ Кингъ, Исторія объединенія Италіи, т. I, стр. 1—23. М. 1901).

За то начинался мартирологъ итальянскихъ героевъ свободы, послѣднія страницы котораго написаны не очень давно. Возстановленный силой австрійскаго оружія, абсолютизмъ Фердинанда I не зналъ удержу въ своей мести и злобѣ. Наступила полоса тяжелыхъ гоненій, которымъ подверглись всѣ, хоть сколько-нибудь замѣшанные въ революціи [1]). Тогда припомнили импровизацію Россетти, и ему пришлось подумать, какъ бы избѣгнуть тюрьмы, а можетъ быть и худшаго. Въ то время въ Неаполѣ стояла англійская эскадра, подъ начальствомъ сэра Грехэма Мура: онъ то и спасъ Россетти, который цѣлыхъ три мѣсяца, подъ видомъ лейтенанта англійскаго флота, прожилъ на одномъ изъ фрегатовъ эскадры. Съ палубы фрегата, передъ отъѣздомъ на Мальту, откуда Россетти надѣялся перебраться въ Англію, онъ обратился съ прощаніемъ къ своей родинѣ, глубоко тоскуя о томъ, что день свободы былъ такъ не дологъ—

O Partenope...
O Partenope infelice,
Di tua gloria il chiaro dì
Quasi al nascere morì.

Поэтъ шлетъ проклятія королю-измѣннику, даетъ обѣтъ никогда не отступать отъ дѣла свободы и

---

[1]) См. объ этомъ въ книгѣ Henri de la Torre, L' Italie de 1814 à 1848, Paris 1908, стр. 156—157, во многихъ отношеніяхъ курьезной, но, по богатству матеріала, не безъинтересной.

покидаетъ Неаполь, полный тяжелыхъ предчувствій, что ему уже никогда не вернуться на родину—

—Addio, terra sventurata!

. . . .

Ahi, l'amor della sua terra,
Ahi, qual guerra—in sen gli fa!
Infelice!—il cor gli dice
Che mai più non tornerà.

На Мальтѣ поэта ждала отрадная встрѣча. Когда англійскій фрегатъ подходилъ къ пристани, отъ берега отдѣлилась легкая барка съ прекрасными женщинами (lieve barca con donne leggiadre), которыя привѣтствовали изгнанника—

Salve, italico Tirteo,
Salve, salve!..

Мало того: женщины запѣли одну изъ пѣсень Россетти, которая начиналась словами—

Sei pur bella cogli astri sul crine.

Это была послѣдняя улыбка родины [1]).

Изъ Мальты Россетти переправился въ Лондонъ, гдѣ и оставался до самой смерти, раздѣляя время между семейными заботами[2]), учеными, педагогическими и литературными трудами и мечтаніями о благѣ далекой родины и всего человѣчества. Подъ старость Россетти ослѣпъ,

[1]) См. Fuga da Napoli e asilo in Malta, по ук. изд. стр. 123, 124, 127, 131—132.

[2]) Въ 1826 г. Россетти женился на Франческѣ Полидори, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и столько же сыновей. Старшій изъ нихъ—Данте Габріэль Россетти, знаменитый англійскій живописецъ и поэтъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей прерафаэлитскаго движенія. Отъ отца къ нему перешла горячая любовь къ Италіи и къ ея литературѣ. См. статью H. Dupré въ Bull. italien, 1904, стр. 227—237.

но сохранилъ и бодрое настроеніе духа, и любовь къ работѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній—L' Asilo e l'arpa—Россетти самъ изобразилъ тихое теченіе своей лондонской жизни—

Io libero vivo
Fra libera gente;
Qui tema non sente
Chi colpa non ha.

. . . .

Qui cerco e decifro
Gli arcani dell'arte,
Svolgendo le carte,
Del prisco saper [1])

. . . .

Qui moglie amorosa
Fra teneri figli,
Qual rosa tra gigli
Ch'è vaga e nol sa,
Qual vita d' Engaddi
Coi grappoli intorno
Più cara ogni giorno
La vita mi fa [2]).

Поэта печалятъ страданія родины, которая все еще не освободилась. Но и отъ нихъ есть у него утѣшеніе—вѣрная подруга, арфа подъ звуки которой онъ когда-то воспѣлъ свободу отечества. Съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ своею арфой, и,

---

[1]) Намекъ на занятія Данте. См. ниже, стр. 163—165.
[2]) Ук. изд. стр. 366—367.

можетъ быть, впослѣдствіи, когда поэта уже не будетъ, она послужитъ ему во славу—

Pur caro m'è il suono
Che spargi d' intorno,
E forse che un giorno
Mia gloria sarę [1]).

Въ другой, не менѣе удачной, пьесѣ Россетти, уже ослѣпшій, прощается съ Италіей и съ искусствомъ. Онъ лишился зрѣнія отъ усиленныхъ занятій поэзіей и наукой, въ которыхъ имѣлъ въ виду только славу родины. Теперь и очи, и душа поэта покрылись мракомъ—

Dogliosa notte eterna è meco:
Italia, Italia, il tuo Veggente è cieco.

Приходится сказать прости! ученымъ трудамъ, изъ которыхъ работа надъ Данте ему представляется—

quasi gigante.

Ему остается, какъ когда-то англійскому Гомеру (Мильтону), только арфа. Судьба обоихъ поэтовъ во многомъ подобна—

Patria e religion nel cor gl'infuse
Germe di portentose fantasie:
Patria religion fue le sue muse,
Patria e religion son pur le mie.

Поэтъ находитъ аналогіи даже во внѣшнемъ положеніи: оба, онъ и Мильтонъ, имѣли по два сына, оба, ослѣпши, диктовали дочерямъ свои произведенія. Разница только въ томъ, что Мильтонъ былъ

---

[1]) Poesie, стр. 368 — 370. Ср. также Carducci, Opere, т. II. стр. 374—378.

трижды женатъ, а у Россетти была лишь одна жена, вѣрная подруга его жизни. И Россетти заканчиваетъ—

Come ſra l'ombre mute un usignuolo
Sſoga l'aſſetto e l'armonizza in canto,
Cosi ſra l'ombre mie sſogo il mio duolo
In ſunerea canzon rotta dal pianto,
E dico — è spento il giorno: or via, coraggio,
Chè non è lungi il ſin del mio viaggio. [1]).

Россетти—писатель довольно разносторонній; у него есть сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, работы ученыя, литературныя, даже религіозныя [2]). Правда, особымъ блескомъ или глубиною мысли онъ не отличается, достоинства его стихотворства, по преимуществу, формальныя [3]), по исторической цѣнности за его наслѣдіемъ отрицать невозможно.

Объ ученыхъ изслѣдованіяхъ Россетти мы не имѣемъ нужды распространяться. Они посвящены исторіи и литературѣ средневѣковья, главнымъ образомъ, Данте. Ихъ несостоятельность давнымъ давно доказана, и фантастическія теоріи Россетти не имѣютъ больше сторонниковъ. Данте былъ всегда его любимымъ авторомъ; изгнаніе и жизнь на чужбинѣ усилили это чувство, подняли интересъ къ творцу Божественной Комедіи. Увлекаясь сопоставленіемъ

---

[1]) Commiato dalla patria e dall' arte, Poesie, стр. 442, 443, 446, 447, 451.

[2]) Еще не все, написанное Россетти, издано, напр. его стихотворная автобіографія. См. Guido Perale, стр. 6. Многое могло и пропасть напр. импровизаціи, въ которыхъ Р. былъ великимъ мастеромъ.

[3]) Общую характеристику поэзіи Россетти см. Guido Perale, стр. 156 и слѣд., Carducci, ук. соч. стр. 386 и слѣд. и Guido Mazzoni, L'Ottocento, стр. 587—591.

своей судьбы съ судьбою Данте, Россетти дерзалъ примѣнять и къ себѣ извѣстныя гордыя слова стараго пѣвца—

L'esiglio che m'è dato onor mi tegno [1]).

И ѣдучи въ Англію, на кораблѣ, Россетти перечитывалъ Данте. У него есть цѣлое стихотвореніе— L'ombra di Dante—гдѣ разсказывается, какъ Россетти, предающемуся печальнымъ размышленіямъ о несчастной родинѣ, является великая тѣнь. Данте обращается къ изгнаннику, который, подобно ему, страдаетъ за правое дѣло и за свободу, съ совѣтомъ терпѣть и молча нести свой жребій, а въ воздаяніе за это онъ разъяснитъ младшему собрату истинный смыслъ своихъ твореній. Для непосвященнаго человѣка они—тайна, въ которую проникнуть не такъ то легко!

Purgate le caligini del mondo
Intenderai nel mio parlar coperto
Quell' ineffabil ver che assiduo invochi,
Quel ver che, oscuro ai molti, è chiaro ai pochi [2]).

А между тѣмъ отъ ихъ пониманія зависитъ будущее Италіи, потому что Данте указалъ, кто— враги отечества, и гдѣ находятся средства для борьбы съ ними. Пусть же Россетти смѣло принимается за работу!

Тѣнь исчезаетъ. Россетти очнулся. Онъ даетъ слово исполнить то что завѣщала славная тѣнь,

---

[1]) Въ стихотв. Dimora in Inghilterra, Poesie, стр. 153. Такія буквальныя заимствованія у Данте имѣются и въ другихъ стихотвореніяхъ Россетти. См. ниже, passim.

[2]) Poesie, стр. 150.

повѣдать людямъ о тайномъ и великомъ значеніи ея поэзіи. Съ удвоеннымъ стараніемъ принялся онъ перечитывать Данте и, наконецъ, понялъ флорентійца—

Poi, rileggendo sul velier naviglio
Del mistico poema i cento canti,
Vidi (o sopresa!) allo sbendato ciglio
Nuovo ciel, nuova terra offrirsi avanti
Frutto immortal d' immeritato esiglio,
Oh quanti m'addolcisti amari istanti!
Quei che ti scrisse a me degnò d'esporsi,
Ed all' empirea luce in Dio lo scorsi [1]).

Работы о Данте и заполняли досуги Россетти въ Лондонѣ. Этихъ работъ нѣсколько, выходили онѣ въ разное время и частью остались неизданными [2]). Всѣ онѣ построены на предположеніи, будто авторъ Божественной Комедіи, подъ покровомъ аллегоріи, излагалъ политическія и религіозныя доктрины, очень близкія къ взглядамъ Россетти, почти одинаковыя съ тѣмъ, о чемъ мечтали карбонаріи, масоны и либералы тридцатыхъ годовъ. Поэзія Данте—поэзія гибеллиновъ, направляющая свои стрѣлы противъ папы и римской куріи. Spirito antipapale—вотъ ключъ къ разгадкѣ тайнъ Божественной Комедіи! Самый языкъ Данте былъ своего рода условнымъ языкомъ партіи, жаргономъ, значеніе котораго понимала лишь грандіозная гибеллинская лига, тайное общество, какъ бы карбонаріи средневѣковья, существовавшіе,

1) Poesie, стр. 151.
2) Ихъ заглавія см. Guido Perale, стр. 97 и 112.

конечно, только въ воображеніи Россетти. Цѣль этой лиги борьба съ свѣтской и духовной тираніей папъ, въ которыхъ Россетти видѣлъ, особенно послѣ 18-го Февраля 1849 г. [1]), злѣйшихъ враговъ свободы и просвѣщенія Италіи. Ошибка Россетти, какъ всякаго энтузіаста, въ томъ, что онъ перемѣщалъ въ сѣдую старину свои идеалы и настроенія, сходное выдавалъ за тождественное. Понятно, что въ объясненіи тѣхъ или другихъ темныхъ мѣстъ Божественной Комедіи онъ доходилъ иногда до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Но онъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые поняли, что изучать Данте можно лишь при условіи тщательнаго ознакомленія съ современной ему культурой, что Божественная Комедія откроетъ свои тайны только тому, кто читалъ и другія произведенія Данте. Наконецъ, иногда, комментируя Divina Commedia, Россетти давалъ удачныя толкованія частностей [2]).

Мы не будемъ также слишкомъ долго говорить и о религіозныхъ стихотвореніяхъ Россетти, разборъ которыхъ могъ бы найти мѣсто лишь въ подробной характеристикѣ поэта. Россетти, и чѣмъ старше, тѣмъ больше, увлекался не одной политикой. Въ его горизонты входило также соціальное и религіозное

[1]) Въ этотъ день Пій IX, находившійся въ Гаэтѣ, обратился къ католическимъ державамъ съ просьбой возстановить его правленіе и т. обр. отрекся отъ всякой солидарности съ освободительнымъ и конституціоннымъ движеніемъ Италіи.

[2]) Ср. Guido Perale, стр. 109—141, А. Н. Веселовскій, Собраніе сочиненій, т. III, стр. 47—49. (Спб. 1908) Carducci, Opere, т. II, стр. 375—377 и Л. Ю. Шепелевичъ, Историко-литературная дѣятельность Кардуччи, Ж. М. Н. Пр. 1908, іюнь, стр. 370—371.

обновленіе человѣчества. Ему не чужды были мистицизмъ и жажда церковной реформы черезъ возвращеніе къ евангельской простотѣ [1]). Уже въ Лондонѣ, плѣненный простодушной прелестью англійскихъ церковныхъ пѣсень и вѣрно оцѣнивая ихъ педагогическое значеніе, Россетти вознамѣрился и итальянцамъ дать нѣчто подобное [2]). Такимъ путемъ создался цѣлый отдѣлъ стихотвореній Россетти, въ которыхъ грація размѣровъ соединяется съ теплымъ христіанскимъ чувствомъ [3]).

Но, конечно, самое важное и цѣнное у Россетти— политическая поэзія.

Мы уже знаемъ, въ чемъ выразилось участіе Россетти въ неаполитанской революціи, которая была лишь однимъ изъ актовъ великой драмы, называемой Il Risorgimento Italiano, имѣющей длинную исторію, драмы, которая перешла черезъ нѣсколько блестящихъ и глубоко-интересныхъ стадій развитія. Начавши съ борьбы съ тиранами въ отдѣльныхъ государствахъ (Неаполь, Пьемонтъ), первыя силы отдавая добыванію конституціи, итальянскіе патріоты и либералы постепенно приходятъ къ сознанію, что гарантіей свободы можетъ быть лишь объединеніе Италіи, подъемъ просвѣщенія и культурныхъ силъ на-

---

[1]) Hauvette, Littérature italienne, стр. 473 (Paris 1906).

[2]) Россетти, вѣроятно, не были знакомы Laudi Spirituali Лоренцо Медичи; въ противномъ случаѣ, онъ не отзывался бы такъ строго о религіозной лирикѣ итальянцевъ, какъ дѣлаетъ въ предисловіи къ сборнику L'arpa evangelica.

[3]) Carducci, Opere, т. II, стр. 407 и слѣд. Ср. также Guido Perale, стр. 181—188. Въ Лондонѣ Россетти охотно читалъ Евангеліе. См. ст. L' Evangelio, Poesie, стр. 486.

рода. Этотъ переливъ конституціонныхъ стремленій въ націоналистическія и прочная ихъ сплавка, этотъ патріотизмъ освободителей—главное отличіе итальянской революціи отъ испанской, гдѣ все ограничивается первымъ моментомъ, отличіе, которое и позволяетъ итальянскую исторію XIX-го столѣтія вплоть до 1870 г.—обозначить однимъ терминомъ Risorgimento. Слово революція не исчерпываетъ сущности дѣла. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и разочарованій великое предпріятіе выполняется благодаря любви къ родинѣ всѣхъ итальянцевъ, особенно благодаря героизму, прозорливости и мудрости Виктора-Эммануила II, Кавура и Гарибальди.

Сообразно съ этимъ сложнымъ процессомъ и итальянская литература, отраженіе и орудіе Risorgimento, прошла черезъ нѣсколько ступеней, на которыхъ мѣнялись не только люди, но доктрины и вкусы. [1])

---

[1]) Обзоръ главнѣйшихъ событій Risorgimento см. въ статьѣ G. Carducci, Del Risorgimento Italiano, Opere, т. XVI, стр. 133—183 (Bologna, 1905). На русскомъ языкѣ о Risorgimento пока имѣются лишь переводныя или компилятивныя работы. См. напр. общія сочиненія по исторіи Италіи XIX-го столѣтія Сорена, Орси, Больтона Кинга или пр. доц. Е. В. Тарле (Исторія Италіи въ новое время. Спб. 1901). Надо желать, чтобы появился самостоятельный русскій трудъ объ этой грандіозной эпохѣ, которая одинаково можетъ увлечь и историка, и любителя поэзіи, и философа. При существованіи независимой оцѣнки Il Risorgimento выяснились бы, вѣроятно, и нѣкоторыя стороны русскаго освободительнаго движенія, поражающаго, кстати сказать, по сравненію съ итальянскимъ, бѣдностью культурныхъ идей и идеаловъ. Изъ новыхъ работъ о Risorgimento должна быть упомянута, какъ особо цѣнная, книга Julien Luchaire, Essai sur l'évolution intellectuelle de l'Italie de 1815 à 1830. Paris 1906.

Такихъ ступеней обыкновенно насчитываютъ три. Главный представитель первой—Альфіери (1749—1803), раньше всѣхъ, послѣ долгаго перерыва, воспламенившій умы и сердца идеями отечества, свободы и ненависти къ тиранамъ [1]). Однако, онъ не далъ этимъ идеямъ ясной и точной формулировки. Какъ реализовать эти идеи, какъ избавить Италію отъ власти духовенства и иностранцевъ, какъ объединить ее—ни Альфіери, ни современники его еще не знаютъ. [2]) Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ надѣялись въ Императорѣ французовъ найти желаннаго освободителя, въ честь его слагали звучные гимны и оды (напр. Монти и нашъ Россетти), подумывали и о республикѣ, но потомъ, приблизительно около 1820 года, остановились на мысли о федераціи независимыхъ конституціонныхъ монархій. Съ 1821 года обозначаются новыя вѣянія, не безъ вліянія литературныхъ теорій романтизма. За единство Италіи стоитъ только Мандзони [3]), а прочіе напр. Giovanni Berchet или Scalvini, влюбленные въ красоты средневѣковья, монастыри, замки или палаццо синьорій, возводятъ въ политическій идеалъ свободныя коммуны, независимыя Флоренцію или Сіену, какъ было въ XIII—XIV вѣкахъ. Такова вторая ступень. Третья начинается около 1831 года, когда выяснилось, что съ такими взглядами прогрессъ не возможенъ, что надо смотрѣть не только

---

[1]) См. Henri de la Torre, ук. соч. стр. 189.
[2]) См. Больтонъ Кингъ, ук. соч. стр. 30 и Luchaire, стр. 83 и слѣд.
[3]) Luchaire стр. 246 и слѣд.

назадъ, но и впередъ. Необходимо, свободою заинтересовать всю націю, подготовить весь народъ къ принятію конституціонныхъ формъ жизни. Безъ соціальнаго и религіознаго усовершенствованія политическія программы, какъ бы широки и продуманы онѣ ни были, не спасутъ Италіи. Надо напомнить итальянцамъ о силахъ, дремлющихъ въ ихъ груди, о ихъ великомъ прошломъ, съ цѣлью вдохновить на новые подвиги въ будущемъ. Только узнавъ себѣ цѣну, Итальянцы добьются объединенія и свободы. И кромѣ того, нѣкоторые писатели были убѣждены, что благо родины нельзя отдѣлять отъ счастья всего человѣчества. Не ограничиваясь Италіей, свобода должна разливаться повсюду. Всѣ притѣсняемые народы—союзники. Эту программу съ одинаковымъ жаромъ проповѣдуютъ и республиканцы—народники, во главѣ съ Джузеппе Мадзини (1805—1872), основателемъ „Молодой Италіи", и т. н. неогвельфы, напр. Винченцо Джіоберти (1801—1852) и др. которые вѣруютъ, что возрожденіе Италіи будетъ совершено папскимъ Римомъ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ республиканцы и неогвельфы расходились самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но будущее показало, что и тѣ, и другіе ошибались. „Возрожденіе" послѣдовало не изъ Рима и выполнено было не республиканцами, а королевскою властью въ союзѣ съ народомъ, идеальнымъ воплощеніемъ котораго былъ Гарибальди.

Крупнѣйшіе поэты третьяго періода—Джусти (1809—1850) и Россетти: въ общихъ вопросахъ они

сходятся, но Джусти—болѣе узкій итальянскій патріотъ, тогда какъ мечтанія Россетти обнимаютъ все человѣчество. [1]) Конечно, политическая программа Россетти установилась не сразу, испытала небольшія колебанія, но въ основѣ ея всегда лежали двѣ идеи—единство Италіи и конституціонная монархія. Относительно выполненія программы Россетти былъ оппортунистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Было время, когда и онъ увлекался федераціей, но потомъ, особенно послѣ бѣгства Пія IX въ Гаэту, когда рушились мечты неогвельфовъ о папѣ, объединителѣ Италіи и руководителѣ союза итальянскихъ независимыхъ государствъ, онъ сталъ видѣть въ свѣтской власти папъ, какъ и въ ихъ духовной тираніи, главное препятствіе дѣлу свободы и окончательно возложилъ свои упованія на Савойскую династію. И исторія оправдала Россетти! [2])

Арфа Россетти охотно отзывалась на наиболѣе крупныя событія эпохи, не различая государствъ и національностей. Повсюду, во всѣхъ странахъ, были тираны и угнетенные, защитники и жертвы свободы. И Россетти зналъ магическое слово, которымъ можно исцѣлить страданія народовъ и устроить на землѣ царство небесное. Это слово—конституціонная монархія. [3]) Разумъ и просвѣщеніе по-

---

[1]) G. Carducci, Opere, т. II, стр. 401—404 и Hauvette, ук. соч. стр. 458—475.

[2]) Guido Perale, стр. 166—174.

[3]) См. небольшое стихотвореніе Despotismo e monarchia rappresentativa, написанное терцинами и полное дантовскихъ реминисценцій. И здѣсь, какъ въ извѣстной канцонѣ Данте,—

Tre donne intorno al cor mi son venute.

степенно проникаютъ въ самые отдаленные углы земного шара: даже въ Австріи и въ Россіи открывается дорога передъ ихъ тріумфальнымъ шествіемъ—

l'umana ragione
A gran passi ricerca la meta;
Anche in Austria s'aggira secreta,
Fino in Russia la strada s'aprì. [1]).

Съ полнымъ сочувствіемъ Россетти относится къ освобожденной Греціи (Grecia redenta), приглашаетъ ея сыновъ трудиться на возстановленіе ея величія и славы, предостерегая отъ междуусобныхъ войнъ. Самое лучшее, если въ одномъ союзѣ любви сольются королевская власть и народная свобода—

in nodo d'amor ſanno alleanza
Libertà popolar regia possanza.

Россетти, увлекаясь красивыми перспективами, впадаетъ въ смѣшное преувеличеніе, когда говоритъ, что въ замѣнъ одного, древняго, Демосѳена у молодой Греціи явятся цѣлыя сотни—

E i Demosteni tuoi ſien molti omai;
Se ne perdesti un sol, cento ne avrai. [2]).

Убѣжденный поклонникъ великой французской революціи, [3]) Россетти, послѣ воцаренія орлеанской

Эти три дамы, залогъ лучшаго будущаго, Исабелла Испанская, Глорія Португальская и Викторія Англійская. См. Poesie, стр. 195—198.

[1]) L'Anno 1831, Poesie, стр. 165. Трудно догадаться, что въ Россіи въ 1831 г. могло представиться Россетти указаніемъ на близкую побѣду просвѣщеннаго разума.

[2]) Alla Grecia redenta, Poesie, стр. 179—180.

[3]) См. стихотворенія Rivoluzione francese dopo il 1830 и La Francia dopo il anno 1831.

династіи, усумнился, что Франція исполнитъ свою миссію освободительницы народовъ. Франція, начиная съ 1831 года, измѣнила дѣлу свободы. Король и представители націи стали продажны, бросили на произволъ судьбы двѣ несчастныя страны, которыхъ прежде манили радужными мечтами. Все во Франціи свелось къ заботѣ о деньгахъ. Кто тамъ вспомнитъ о плачѣ Италіи и стонахъ Польши—

D' Italia il pianto e di Polonia il gemito?

Французскій парламентъ не собраніе свободныхъ людей, а позоръ вѣка, кладбище, гдѣ погребены чаянія народовъ—

Chè ti copre di lutto e vituperio
Quel parlamento... no quel cimenterio. [1]).

Въ стихотвореніи Il monte delle visioni e il congresso dell'ombre, которое относится къ числу наиболѣе слабыхъ у Россетти, защита конституціонной монархіи соединена съ жестокими нападеніями на римскую курію, на распущенность духовенства при Григоріи XVI-омъ. [2]) Поэтъ оплакиваетъ запустѣніе Рима и смѣло провозглашаетъ, что уничтоженія свѣтской власти папъ требуетъ благо родины и всего человѣчества [3])

Не меньшій гнѣвъ, чѣмъ Римъ Григорія XVI, вызываетъ въ Россетти современная Австрія, самый тяжелый и неповоротливый камень на дорогѣ итальянскаго Risorgimento.

---

[1]) Francia dopo il anno 1831, Poesie, стр. 170—171

[2]) О Григоріи см. ниже, стр. 185—186.

[3]) Poesie, стр. 200 202, 203, 219—220.

Ей ставятся на счетъ не только итальянскія, но и польскія дѣла, ее громитъ Россетти и за то, что она, вмѣстѣ съ Пруссіей и Россіей, состоитъ въ Священномъ Союзѣ, этомъ страшилищѣ народовъ. Отдѣлывая Австрію, Россетти не скупится на горячіе призывы покончить съ нею, ни на бранные эпитеты. Австрія является у него безстыдной распутницей (svergognata putta), застарѣлой язвой Германіи, позорной кузницей, гдѣ куются цѣпи для столькихъ народовъ. Ея римская Имперія узурпація, руководитель ея политики, Меттернихъ—палачъ, который желѣзнымъ прутомъ подгоняетъ народы. Повсюду—изъ Венгріи, Истріи, Саксоніи, Польши... раздаются крики: смерть злому временщику, смерть Сеяну! [1]) Невѣроятно, чтобы такая грязь, какъ Австрія (tanta sozzura), существовала на лицѣ земли, да еще пользовалась покровительствомъ католической церкви! А между тѣмъ это такъ! Но и помимо римскаго первосвященника, у Австрійцевъ есть друзья и союзники. Въ стихотвореніи Usurpazione di Cracovia, которое относится къ 1846 г., когда послѣ революціонныхъ волненій въ Краковѣ, это послѣднее прибѣжище польской независимости было присоединено къ Австріи [2]), Россетти даетъ исходъ своему полонофильству и ненависти къ Священному Союзу. Извѣстно, что Австрія въ данномъ случаѣ дѣйствовала съ согласія и одобренія Пруссіи и

---

[1]) All'Austria, Poesie, стр. 248—255.

[2]) См. Татищевъ Имп. Николай I и иностранные дворы, стр. 106, 107, 108.

Россіи. Этотъ фактъ и отразился въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ Россетти—

Lo scismatico e l'eretico
Han ſra lor segreto patto
Onde il Cesare catolico
Lor satellite sia ſatto:
I superbi comandarano,
E il vilissimo obbedì.

Совершенно неестественный союзъ католика съ раскольникомъ и еретикомъ! Весь позоръ этой дружбы падаетъ на Австрійца. Пусть же всѣ узна́ютъ, что изъ трехъ деспотовъ самый злѣйшій австріецъ—

che dei tre despoti
È l' austriaco assai peggior.

И поэтъ сѣтуетъ о горькой участи несчастной Польши. Она была когда-то европейскою скалой, о которую разбивались волны варварскаго прилива, но за эти услуги Европа заплатила ей неблагодарностью. Никто не вступился за Польшу, родину героевъ и добродѣтельныхъ женщинъ, когда гнѣвный вихрь, налетѣвшій съ Сѣвера, сокрушилъ славный тронъ Ягеллоновъ—

Quando iperboreo turbine iracondo
Fe crollar sul tuo sen ſra 'l lampo e'l tuono
Dei Giaggelloni il venerando trono.

Три разбойника (tre ladroni) бросили жребій надъ нешвенной, царственной ризой Польши и отняли у ней послѣднее дыханіе жизни. Поэту кажется, что онъ видитъ Яна Собескаго и его

товарищей, которые съ укоромъ и негодованіемъ смотрятъ на вѣроломную Вѣну. Сколько поляковъ пало въ 1683 г., защищая австрійскую столицу отъ Турокъ! Если бы не Собескій, теперь въ Вѣнѣ царили бы Турки, и это не было бы проигрышемъ для свободы и культуры, потому что турецкій деспотизмъ не хуже австрійскаго, если не лучше! Но часъ мести ударитъ! Россетти слышится, будто Собескій и его дружина громкимъ голосомъ проклинаютъ свою кровь, которую они пролили въ защиту Вѣны. Ихъ проклятія разнесутся по всѣмъ славянскимъ землямъ и вообще повсюду тамъ, гдѣ тяготѣетъ рука Австріи. Мужество славянскихъ народовъ воскреснетъ, и желаніе мести загорится на славянскихъ поляхъ. То же будетъ и въ Италіи... И Россетти заканчиваетъ проэктомъ славяно-итальянскаго союза, которымъ сокрушится австрійскій деспотизмъ, какъ бы ни покровительствовали послѣднему подземные боги—

L'aquila slava e l'aquila latina
Parràn fenici in rinnovar le piume;
E'l mostro che sol vive di rapina,
Finor protetto da tartareo nume[1]),
Vedrà di quà doppio nemico:
Non sempre il ladro ride, è detto antico.
. . . .
Sarmatici ed ausonici trofei

---

[1]) Играми словами: tartareo не только подземный, но и татарскій, т. е. русскій.

Sull'aura atroce sfolgorar già veggo.

. . . .

Anunzia, o profezia, l'età futura;
Gira pel mondo afflitto e il rassicura[1]).

Занятіемъ Кракова вызвано еще одно стихотвореніе Россетти въ дантовскомъ духѣ, съ видѣніями и даже описаніемъ царства блаженныхъ, гдѣ мѣстопребываніе Божества. Тѣнь Собескаго является на небеса требовать мести. Къ требованію героя и его товарищей присоединяются и блаженные духи, такъ что вся небесная сфера огласилась однимъ грознымъ крикомъ—vendetta! И Верховное Существо, которое хранитъ въ мірѣ порядокъ справедливости и закона, соглашается на эту месть, но ея исполненіе въ далекомъ будущемъ, оно—дѣло потомковъ Собескаго и другихъ польскихъ героевъ. Настанутъ дни, когда погибнетъ Священный Союзъ—

La sacra alleanza . . . .

. . . .

Orrendo flagello del secolo nostro,
Vergogna d'Europa, tricipite mostro.

Но надо умѣть ждать. Теперь возстановленіе Польши только мечта. И здѣсь красивая лирическая строфа, полная свѣтлыхъ упованій—

Come alle tenebre
Seguon gli albóri,
Come succedono
Ai geli i fiori,

[1]) Poesie, стр. 256, 257, 258, 260, 261—262.

Cosi suol sorgere
Per voi mortali
Dalla tirannide
La libertà!

Поляки, ждите, но будьте всегда готовы! [1])

Послѣ такихъ стихотвореній, какъ два, только что разобранныя, въ честь Собескаго и Польши, зная, вдобавокъ, политическій катехизисъ Россетти, мы не удивимся, если встрѣтимъ у него строгій приговоръ одному изъ столповъ, на которыхъ покоился старый порядокъ и status quo въ Европѣ. Россетти ждалъ удобнаго случая, чтобы громко высказать свое мнѣніе и о Русскомъ Императорѣ.

---

[1]) L'Ombra di Sobieski, Poesie. стр. 263 — 269. Россія, Пруссія и Австрія выставлены врагами культуры и свободы еще въ одномъ стихотвореніи Россетти, лишь недавно увидѣвшемъ свѣтъ. Это — Epistola al cittadin Luigi Bonaparte, написанная въ 1850 г. Россетти предостерегаетъ тогдашняго президента французской республики отъ увлеченія тираніей, отговаривая отъ замѣны республиканскаго правленія во Франціи монархическимъ. См. G. Luzzi, Un' epistola inedita di Gabriele Rossetti a Luigi Bonaparte, Bull. ital. 1904, стр. 257—263.

IX

Такой случай представился зимою 1845—1846 гг. Осенью 1845-го г. здоровье Императрицы Александры Өеодоровны сильно пошатнулось. Врачи совѣтовали ей покинуть Петербургъ и искать облегченія въ тепломъ климатѣ. Можно было отправиться въ Крымъ, но путешествіе туда представлялось сопряженнымъ съ большими неудобствами; да, кромѣ того, и дворецъ въ Ореандѣ тогда еще не былъ достроенъ.

Ѣхать за границу самому или отпускать туда Императрицу Николаю Павловичу не хотѣлось: не разрѣшая своимъ подданнымъ ѣздить въ Европу, онъ, какъ будто, и для семьи не склоненъ былъ отмѣнять строгія приказанія. Въ его царствѣ ни для кого не допускались привиллегіи! Но, наконецъ, нѣжный супругъ уступилъ суровому законнику-императору: придворные врачи, изъ которыхъ особенно старался Мандтъ, побѣдили, и 10/22 Октября 1845 г. высокіе путешественники уже прибыли въ Палермо, гдѣ Императрица и прожила всю зиму. Николай Павловичъ, вѣчно занятый государствен-

ными дѣлами, оставался въ Палермо [1]) очень недолго. Онъ спѣшилъ въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ еще до наступленія новаго года.

На обратномъ пути въ Россію Императоръ посѣтилъ Римъ, гдѣ состоялось свиданіе съ папой Григоріемъ XVI-ымъ. Любопытному Меттерниху очень хотѣлось узнать, о чемъ могли говорить при встрѣчѣ „глáвы двухъ церквей". Но Николай Павловичъ, въ ту пору недовольный вѣнскимъ дворомъ, ѣдучи изъ Рима въ Петербургъ, пробылъ въ австрійской столицѣ лишь нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ не допустилъ канцлера коснуться интересовавшаго его вопроса [2]). Россетти, хотя и находился тогда въ Англіи, оказался счастливѣе Меттерниха. О бесѣдѣ Николая I и Григорія XVI ему повѣдала Муза, вѣрнѣе, услужливое воображеніе поэта, не стѣснявшееся ни отсутствіемъ, ни дальностью разстоянія.

По этому поводу Россетти и изобразилъ русскаго царя во вéсь ростъ въ стихотвореніи, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Мы достаточно приготовлены и и на похвалы не расчитываемъ.

Въ Niccolò I di Russia in Italia десять октавъ, въ которыхъ Россетти, расписывая Николая I, не пожалѣлъ черной краски.

Поэтъ приглашаетъ стонущее человѣчество приготовить новые запасы терпѣнія. Понадобится новая

[1]) Точнѣе, въ мѣстечкѣ Olivuzza. Подробности см. у A. Th. Grimm'a, Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland, т. II, стр. 234 и слѣд. (Leipzig 1866).

[2]) Татищевъ, Имп. Николай I и иностр. дворы, стр. 102—104.

помощь противъ свѣжаго, недавняго бѣдствія. Такъ и кажется, что скиѳскій медвѣдь, обитающій подъ полярною медвѣдицей, сталъ живымъ образцомъ для всѣхъ прочихъ государей. Всѣ они безъ страданія рвутъ человѣчество на части, и самый подлый изъ нихъ тотъ, который выдаетъ себя за преемника Христа—

Gemente umanità! novel soccorso
D'uopo ti ſora nel tuo mal recente:
Sotto l'orsa polar lo scitic'orso
Par ſatto ai prenci un esemplar vivente.
Tutti senza pietà, senza rimorso
Ti squarcian viva, umanità gemente;
E ſra gl'iniqui sembra il più tristo
Quei che si vanta successor di Cristo!

Русскій царь и римскій папа сошлись въ Ватиканѣ. Они образуютъ прекрасную пару—самодержецъ и теократъ. Благодаря ихъ дружбѣ, соединилась греческая вѣра съ латинской.

Совершивъ долгій путь изъ Скиѳіи въ Ватиканъ, медвѣдь льстиво полизалъ руку первосвященнику и излилъ ему всю свою звѣриную душу. И не мудрено: рыбакъ рыбака видитъ из далека—

Nel viaggiar di Scizia in Vaticano
L'orso (chè il pari al par si ravvicina)
Ossequïoso gli leccò la mano
E tutta in lui versò l'alma ſerina:
L'autocrata al teocrata lontano
Si giunse e la ſè greca alla latina.

Между Николаемъ и Григоріемъ, въ самомъ дѣлѣ, большое сходство. Каждый изъ нихъ хвастается тѣмъ, что происходитъ отъ Петра, котораго Николай называетъ Великимъ, а Григорій—Святымъ. Оба они претендуютъ на высшую, абсолютную власть надъ священной религіей, и оба съ презрѣніемъ попираютъ христіанство ногами—

Si vanta ognun di lor sceso da un Piero,
Che quei nomina il grande e questi il santo:
Ciascuno di lor s'arroga il sommo impero
Del sacro culto e lo calpesta intanto.

Но вѣдь Христосъ никогда не носилъ меча и шлема, тіары и золотого плаща, какъ эти двое, которыхъ міръ, по справедливости, называетъ звѣрями! Нечего надѣяться, что они когда-нибудь измѣнятся. Далеко до этого! Обоихъ снѣдаетъ ненасытное честолюбіе. Горе стаду овецъ, которое поручено волку и медвѣдю—

Se ad un orso e ad un lupo il doppio ovile
Affidato riman, misero gregge! [1]).

Когда-то въ Римѣ разыгралось отрадное зрѣлище: Левъ изгналъ свирѣпаго Аттилу. А что́ дѣлаетъ Григорій? Онъ обнимаетъ Аттилу. Повсюду разносится молва, что воплощенный деспотизмъ странствуетъ по Италіи изъ одного дворца въ другой [2]). Каждый государь, жестокій самъ по себѣ, становится еще хуже отъ соприкосновенія съ Ни-

[1]) Poesie, стр. 244—245.

[2]) Императоръ посѣтилъ, между прочимъ, Неаполитанскаго короля. См. A. Th. Grimm, ук. соч. стр. 239.

колаемъ... Чтó выйдетъ изъ этого, не стóитъ загадывать. Факты скоро обнаружатся сами собою. Въ тотъ день, когда Николай высадился на сицилійскомъ берегу, съ материка раздались громкіе крики: Сицилія, древнее гнѣздо тирановъ, вотъ новый Діонисій, который приходитъ къ тебѣ! И Тифей свирѣпымъ голосомъ привѣтствовалъ своего соперника, котораго, увы! не отягощаютъ цѣпи. Вѣдь если на Тифеѣ покоится вся тяжесть Этны, то на Николаѣ почіетъ ненависть цѣлаго міра—

E salutò Tifeo con ronco grido
L'emulo distruttor senza catene:
Come su lui riman dell'Etna il pondo,
Gravita su costui l'odio del mondo [1]).

Дологъ путь злодѣйствъ и убійствъ, которымъ шествуетъ русскій Императоръ! Пора бы, кажется, насытиться его безпокойнымъ желаніямъ! Нѣтъ, алчность его такъ велика, что онъ продолжаетъ грабить то Польшу, то страну Черкесовъ. У него только одна цѣль—сдѣлать своихъ медвѣжатъ болѣе жирными. И горе міру, если сыновья похожи на отца, если въ нихъ расцвѣтаетъ его властолюбивая душа!.. Но поэтъ не хочетъ такъ мрачно смотрѣть на будущее: не всегда же ухудшается человѣкъ! Бывало и такъ, что отъ Коммода происходили Авреліи—

Cupido è si, che ad ingrassar gli orsatti
Or Polonia or Circassia assalta e spoglia:
E guai se son di lui fidi ritratti,

[1]) Poesie, стр. 246.

Guai se l'alma paterna in lor germoglia!
Ma no, speriam: non sempre l'uom peggiora;
Da un Commodo gli Aureli escon talora [1]).

И однако, какъ бы самоувѣренъ и гордъ ни былъ этотъ извергъ, и на него найдется управа! Плохо пришлось ему, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ черкесскимъ охотникомъ! Черкесы спустили его съ верховъ снѣжнаго Кавказа въ долины, порядкомъ помяли шею медвѣжьимъ полкамъ Николая, вырвали у нихъ изъ рукъ побѣду. Коршуны кавказскихъ горъ утолили свой голодъ русскими трупами, и теперь тамъ цѣлыми грудами бѣлѣютъ обнаженныя кости. [2]).

---

[1]) Poesie, стр. 247. Слѣдующую строфу, грубую и крайне не эстетичную, мы оставляемъ безъ перевода. Она читается такъ—

Ovunque ei passa, ogni alma si conturba,
Ed ei schifo di tutti il grugno arriccia:
—Ve l'orso che salvatico s'inurba,—
L'un dice all'altro, e ognun ne raccapriccia;
E sel figura fra sbranata turba
Guazzar nel sangue che fumando spiccia;
E mentre spiega l'ugna e il pelo arruffa
Sangue bee, sangue anela e sangue sbuffa.

Какой-бы реальный смыслъ ни вкладывалъ Россетти въ эту риторику, несомнѣнно, что онъ вышелъ здѣсь за предѣлы поэтически-дозволеннаго. Даже самый ярый врагъ Имп. Николая, прочитавъ тираду недовѣрчиво покачаетъ головою и скажетъ: слишкомъ много крови!

[2]) За принятое въ текстѣ толкованіе слѣд. двухъ строкъ—

Ove all'orsin suo branco ardimentoso
Vide il collo fiaccar fra sasso e sasso, Poesie, стр. 247. приносимъ искреннюю благодарность прив. доц. В. Ѳ. Шишмареву.

Въ этой строфѣ Россетти имѣетъ въ виду, по всѣмъ вѣроятіямъ, несчастную экспедицію Воронцова къ горному аулу Дарго (6—20 Іюля 1845), которая кончилась отступленіемъ русскихъ, понесшихъ при этомъ громадныя потери (3631 человѣкъ, въ томъ числѣ три генерала и около 200 офицеровъ). Понятно выраженіе Россетти, что въ горахъ бѣлѣютъ цѣлыя груды костей, и что черкесы спустили русскихъ съ вершины горъ въ долины! Ст. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Вел. до нашихъ дней, подъ общей редакціей Г. А. Леера. т. IV, стр. 215—221 (Спб. 1896).

Но вотъ настало время, и кровожадный государь долженъ покинуть родину поэта: подобно бурѣ, возвращается онъ въ гиперборейское царство. Ступай, напутствуетъ его Россетти, ступай, величайшій учитель тиранства, и пусть каждый твой ученикъ будетъ достоинъ тебя! Европа посылаетъ тебѣ вслѣдъ долгій трепетъ негодованія, Ступай, но, замышляя новыя разрушенія, не забывай, какъ кончилъ твой отецъ—

Va, maestro maggior di tirannia,
Ch'ogni discepol tuo ti fia degno!
L'Europa, al tuo passar, dietro t'invia
Un prolongato fremito di sdegno:
Va pur, ma nel produr nuove ruine,
Del padre tuo non obliar la fine! [1]).

Въ только-что изложенномъ стихотвореніи Россетти далъ битву носителямъ двухъ принциповъ, которые казались ему наиболѣе опасными для мирнаго преуспѣянія человѣчества и для раскрѣпощенія Италіи. Рядомъ поставлены теократъ и самодержецъ. Что касается перваго, то историческая наука оцѣниваетъ его почти такъ-же строго, какъ нашъ поэтъ. Изъ плохихъ папъ XIX-го ст. Григорій едва-ли не самый худшій, во всякомъ случаѣ, самый бездарный и ничтожный. Его правленіе было въ высокой степени низкимъ и варварскимъ. Правда, лично Григорій XVI былъ человѣкъ довольно мягкій и добрый, но тѣмъ болѣе свирѣпствовали его клевре-

[1]) Poesie, стр. 247—248.

ты, изъ которыхъ особенно отличался кардиналъ Ламбрускини. Самъ-же Григорій, главной страстью котораго было обжорство, положительно не интересовался ни политикой, ни общественными дѣлами. Конечно, онъ оправдывался тѣмъ, что считалъ себя слишкомъ старымъ для преобразованія государства, и любилъ говорить, что міръ как ъ-нибудь просуществуетъ и безъ реформъ. Будучи обскурантомъ послѣдняго разбора, Григорій XVI возставалъ противъ научныхъ конгрессовъ, тогда весьма популярныхъ въ Италіи, даже противъ желѣзныхъ дорогъ, повидимому, считая ихъ вредными для религіи. Паденіе римской куріи при немъ дошло до того, что Григорій не стыдился вступать въ переговоры и сношенія съ разбойниками, которыми кишѣла церковная область! [1]) Ясно, безъ дальнихъ словъ, что онъ былъ не пара Императору Николаю I. Не дѣлая никакой разницы между людьми, о которыхъ писалъ, Россетти думалъ только объ одномъ—сразу метнуть молніи въ обоихъ тирановъ. Едва-ли безпристрастный ученый подпишется подъ приговоромъ Россетти Николаю I! Правда, въ послѣдніе годы образъ суроваго царя значительно померкъ, къ Николаю Павловичу стали прилагаться такіе эпитеты, какъ тюремщикъ, постоянно приходится слышать и читать о его мстительности, жестокости и т. д. Но едва-ли мы впадемъ въ большую ошибку, если ска-

---

[1]) См. Fr. X. Kraus, Cavour, стр. 18 (Mainz 1902), Пьетро Орси, Современная Италія, стр. 99 (Спб. 1907) и Больтонъ Кингъ. ук. соч. стр. 77, 91—92, 164—165, 176.

жемъ, что въ настоящее время еще нѣтъ полной картины николаевскаго царствованія, что самая личность Николая I остается далеко не разгаданной. Если неумѣстны панегирики à la Корфъ [1]), то и Россетти, къ которому, вѣроятно, того не подозрѣвая, близки и многіе современные русскіе критики, Россетти, говоримъ мы, съ своимъ трафаретнымъ тираномъ далекъ отъ истины. Мы лично не принадлежимъ къ поклонникамъ Николая Павловича, но думаемъ, что и онъ имѣетъ право быть выслушаннымъ. Суровость, строптивость, непріятная самоувѣренность—черты, подмѣченныя еще въ ребенкѣ, остались у Николая I на всю жизнь, но неужели же этимъ исчерпывается весь внутренній міръ человѣка? А выходитъ такъ, если послушать Россетти и его нынѣшнихъ единомышленниковъ. При такомъ взглядѣ на дѣло совершенно улетучивается трагизмъ, которымъ полна фигура Николая I, трагизмъ, заключающійся въ томъ, что, въ концѣ концовъ, онъ былъ совершенно одинокъ въ своемъ царствѣ, разошелся со всѣми, кто, подобно ему, мечталъ о счастьѣ родины. А что Николай Павловичъ былъ исполненъ страстной любви къ Россіи, что ея благо, имъ ошибочно понимаемое, стояло на первомъ планѣ его стремленій, въ томъ сомнѣнія недопустимы. Извѣстный Шнейдеръ, актеръ и придворный чтецъ прусскаго короля, занесъ въ свои За-

[1]) Да и Корфъ въ Матеріалахъ и чертахъ къ біографіи Н. I судитъ его гораздо строже, чѣмъ въ пресловутой книгѣ о 14-мъ Декабря 1825. См. Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 98-ой, стр. 1—100, Спб. 1896.

писки слѣдующія слова Николая Павловича, сказанныя во время берлинскихъ маневровъ въ Маѣ 1838 г.: „я взираю на цѣлую жизнь человѣка, какъ на службу, ибо всякій изъ насъ служитъ... Вотъ почему и я буду отправлять свою службу до самой смерти“ [1]). Императоръ старался руководиться въ этой своей службѣ правиломъ: „быть добрымъ русскимъ, не ненавидя, однако, безъ разбору всего иностраннаго“ [2]). Это стремленіе служить родинѣ до нѣкоторой степени объясняетъ солдатскіе вкусы и привычки Николая Павловича, ибо понятно, что принципъ „службы“ находитъ одно изъ самыхъ яркихъ примѣненій именно въ военномъ дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ не малый интересъ Записки печальной памяти А. Х. Бенкендорфа за 1832—1837 гг., веденныя во время служебныхъ поѣздокъ Николая Павловича по различнымъ мѣстностямъ Россіи [3]). Сколько старанія во все вникнуть, одно подтянуть, другое ободрить, тамъ сдѣлать выговоръ, здѣсь посѣтить учебное заведеніе или больницу, учинить смотръ войскамъ и т. п. По истинѣ, ни минуты покоя! И всетаки хочется сказать, къ чему такая трата мvра! Неужели Императору не было ясно, что одному человѣку выполнить столько работы нельзя, что даже не къ чему входить во всякую мелочь, что участіе общественныхъ силъ страны въ политической и административной

---

[1]) Татищевъ, Имп. Николай и иностранные дворы, стр. 376.
[2]) Корфъ, Матеріалы... стр. 100.
[3]) Н. К. Шильдеръ, Николай I, т. II, стр. 647 и слѣд.

жизни Россіи необходимо, что, отстраняя ихъ, царь беретъ на себя непосильную задачу? Но, очевидно, Николай Павловичъ этого не думалъ, а результаты такого ослѣпленія всѣмъ извѣстны. Но какъ бы то ни было, нельзя забывать, что первыя десятилѣтія николаевскаго царствованія были временемъ бодрыхъ мечтаній о реформахъ, изъ которыхъ кое-что и прошло въ жизнь [1].

Конечно, Россетти объ этомъ ничего не зналъ. Никто и не ожидаетъ отъ него справедливой оцѣнки русскаго Императора. Его стихотвореніе звучитъ въ унисонъ съ тѣмъ хоромъ брани и насмѣшекъ, объектомъ которыхъ постепенно сдѣлался Николай I. Правда, отъ лицъ, которымъ приходилось ближе наблюдать русскаго царя, не ускользнуло, что не всегда у него на душѣ покойно, что не всегда онъ такъ самоувѣренъ и свѣжъ, какимъ старается казаться. Какъ разъ въ Іюлѣ 1844 г. англійская королева Викторія писала Леопольду Бельгійскому слѣдующее: „(Николай) несчастливъ, и меланхолія, проглядывающая въ его внѣшности, по временамъ наводила на насъ грусть“ [2]. Какъ далеки мы отъ скиѳскаго медвѣдя, который безъ сожалѣнія все окружающее топитъ въ крови! У Россетти къ ненависти карбонарія прибавилась еще классическая риторика, въ которой онъ вообще былъ довольно силенъ [3]. Изъ сочетанія этихъ элементовъ получилось стихо-

[1]) См. С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской исторіи, ук. изд. стр 624–633.

[2]) Татищевъ, Имп. Ник. и иностранные дворы, стр. 28—29.

[3]) Carducci, Opere, т. II, стр. 393.

твореніе, не лишенное энергіи, выразительное, отчасти справедливое, но въ послѣднемъ результатѣ не имѣющее серьезной исторической цѣнности. Такими представлялъ себѣ Россію и ея повелителя итальянецъ сороковыхъ годовъ, но оригиналъ и копія, въ данномъ случаѣ, не совпадали. Само собой понятно, что и Россетти, подобно Эспронседѣ и по тѣмъ-же самымъ причинамъ, не могъ разобраться въ старинныхъ спорахъ русскихъ и поляковъ, что даже въ кавказскихъ войнахъ, гдѣ культура была всецѣло на сторонѣ Россіи, гдѣ ея сыны, начиная съ Паскевича и кончая послѣднимъ солдатомъ, проявили героизмъ и выдержку, которые признаютъ за ними и нѣмецкіе историки [1]), даже здѣсь Россетти не видѣлъ ничего кромѣ ненасытной жадности грабителей. Русскую жизнь и исторію Россетти, такимъ образомъ, понималъ хуже и мельче, чѣмъ Эспронседа. Какъ за Николаемъ, новымъ Діонисіемъ сиракузскимъ, исчезъ Николай Павловичъ, имѣвшій не одни только недостатки, такъ за Россіей, временной участницей позорнаго и безславнаго Священнаго Союза, Россетти проглядѣлъ великую славянскую державу съ необъятнымъ будущимъ [2]). Од-

---

[1]) См. Th. Schiemann, ук. соч. т. II, стр. 277 и слѣд. Отмѣтимъ, что Шамиль пользовался въ Италіи значительной популярностью. Извѣстный Карлъ-Альбертъ, король Сардиніи и Пьемонта, отецъ Виктора-Эммануила II, одно время надежда итальянскихъ патріотовъ, въ посланіи къ членамъ сельско-хозяйственнаго конгресса въ Casale (Сентябрь 1847) сравнивалъ себя съ Шамилемъ, выражая готовность сдѣлать противъ враговъ Италіи то-же, что кавказскій герой дѣлаетъ противъ огромной русской имперіи. См. Орси, ук. соч. стр. 111.

[2]) Съ инвективой Россетти любопытно сравнить панегирическое стихотвореніе графини Théodore de Pierreclau, вызванное также италь-

нимъ только смягчилъ Россетти мрачный колоритъ своей картины: можетъ быть, сынъ и наслѣдникъ Николая не будетъ похожъ на отца! Этой мечтѣ Россетти суждено было сбыться, но не оправдалось другое его предсказаніе. Напрасно напоминалъ онъ Николаю I о кончинѣ его отца. Николай погибъ не отъ руки убійцъ, но за то передъ смертью ему пришлось испытать нѣчто, не менѣе ужасное, чѣмъ

янскимъ путешествіемъ Николая I и напечатанное въ Петербургѣ въ 1846 г. Оно озаглавлено L'Empereur de Russie à Rome и содержитъ около 200 строкъ александрійскаго стиха. Французская графиня не скупится на восхваленіе Императора. Она сравниваетъ его съ богомъ Марсомъ, отцомъ двухъ римскихъ близнецовъ. Николай — наслѣдникъ славы Римлянъ. При встрѣчѣ царя римскій народъ говоритъ—

Non, ce n'est point... un prince de la terre;
C'est le dieu des Romains, c'est le dieu de la guerre.

Николай—fier souverain. Одна молодая Римлянка, при встѣчѣ съ Николаемъ, чувствуетъ первое трепетаніе младенца въ ея утробѣ—

c'est pour lui rendre hommage,
Et du fond de mon sein saluer son passage,
Qu'a tressailli mon fils.

Графиня описываетъ молитву Николая Павловича въ Соборѣ Св. Петра, созерцаніе развалинъ Рима, прогулку въ Тиволи—

Pensif il va rêver dans les champs de Tibur.

Однако, красота природы и воспоминанія о Лезбіи и Гораціи не дѣйствуютъ на царя—

Il marche en méditant sur Rome et la Russie.

Задумывается онъ также и о суетѣ мирской и ничтожествѣ жизни. Альбунея, Сивилла Тибура, благословляетъ Николая, какъ единственнаго изъ властителей

Qui seul entre les Rois par ta ferme prudence
Sais te faire adorer et bannir la licence.

Пусть же онъ возвращается на берега Невы, гдѣ его ждутъ новые и долгіе тріумфы, предугаданные еще Александромъ I!.. О бунтѣ декабристовъ графиня выражается такъ—

Père d'un peuple entier, parmi tous tes enfants
Tu marches entouré de respects et d'encens;
Un jour, d'un seul regard, tu domptas la révolte,
Et le bonheur de tous est ta riche récolte.

Цитируемъ по экземпляру, находящемуся въ коллекціи Rossica.

злобу полупьяныхъ заговорщиковъ [1]). Онъ видѣлъ измѣну друзей—Австріи и Пруссіи — видѣлъ крушеніе и гибель той Россіи, которую такъ любилъ и которой такъ гордился.

---

[1]) См. объ этомъ въ Запискѣ Фонъ-Визина, стр. 140 и 142.

Приложеніе. Для пополненія коллекціи Rossica печатаемъ здѣсь цѣликомъ текстъ стихотвореній Эспронседы и Россетти.

EL CANTO DEL COSACO

(по изд. D. José de Espronceda, Obras poéticas, colleccion completa, ordenada por D. Patricio de Escosura, Madrid 1884, стр. 176—179)

Donde sienta mi caballo los pies
no vuelve á nacer hierba.
(Palabras de Atila).

CORO

¡Hurra, cosacos del desierto! ¡Hurra!
La Europa os brinda espléndido botin:
Sangrienta charca sus campiñas sean,
De los grajos su ejército festin.

!Hurra, á caballo, hijos de la niebla!
Suelta la rienda, á combatir volad:
¿Veis esas tierras fértiles? las puebla
Gente opulenta, afeminada ya.

Casas, palacios, campos y jardines,
Todo es hermoso y refulgente allí:
Son sus hembras celestes serafines,
Su sol alumbra un cielo de zafir.

¡Hurra, cosacos del desierto...

Nuestros sean su oro y sus placeres,
Gocemos de ese campo y de ese sol;
Son sus soldados menos que mujeres,
Sus reyes, viles mercaderes son.

Vedlos huir para esconder su oro,
Vedlos cobardes lágrimas verter...

II

¡Hurra! volad: sus cuerpos, su tesoro
Huellen nuestros caballos con sus pies.
¡Hurra, cosacos del desierto...
Dictará allí nuestro capricho leyes,
Nuestras casas alcázares serán,
Los cetros y coronas de los reyes
Cual juguetes de niños rodarán.

¡Hurra! volad á hartar nuestros deseos:
Las más hermosas nos darán su amor,
Y no hallarán nuestros semblantes feos,
Que siempre brilla hermoso el vencedor.
¡Hurra, cosacos del desierto...
Desgarraremos la vencida Europa
Cual tigres que devoran su ración;
En sangre empaparemos nuestra ropa
Cual rojo manto de imperial señor.

Nuestros nobles caballos relinchando
Regias habitaciones morarán;
Cien esclavos, sus frentes inclinando,
Al mover nuestros ojos temblarán.
¡Hurra, cosacos del desierto...
Venid, volad, guerreros del desierto,
Como nubes en negra confusión,
Todos suelto el bridón, el ojo incierto,
Todos atropellándose en montón.
Id, en la espesa niebla confundidos,
Cual tromba que arrebata el huracán,
Cual témpanos de hielo endurecidos,
Por entre rocas despeñados van.
¡Hurra, cosacos del desierto...
Nuestros padres un tiempo caminaron
Hasta llegar á una imperial ciudad;
Un sol más puro es fama que encontraron,
Y palacios de oro y de cristal.

III

Vadearon el Tibre sus bridones,
Yerta á sus pies la tierra enmudeció:
Su sueño con fantásticas canciones
La fada de los triunfos arrulló.
¡Hurra, cosacos del desierto...
¡Qué! ¿No sentís la lanza estremecerse,
Hambrienta en vuestras manos de matar?
¿No veis entre la niebla aparecerse
Visiones mil que el parabién nos dan?
Escudo de esas míseras naciones
Era ese muro que abatido fué;
La gloria de Polonia y sus blasones
En humo y sangre convertidos ved.
¡Hurra, cosacos del desierto...
¿Quién en dolor trocó sus alegrías?
¿Quién sus hijos triunfante encadenó?
¿Quién puso fin á sus gloriosos días?
Quién en su propria sangre los ahogó?
¡Hurra, cosacos! ¡gloria al más valiente!
Esos hombres de Europa nos verán:
¡Hurra! nuestros caballos en su frente
Hondas sus herraduras marcarán.
¡Hurra, cosacos del desierto...
A cada bote de la lanza ruda,
A cada escape en la abrasada lid,
La sangrienta ración de carne cruda
Bajo la silla sentiréis hervir.
Y allá después en templos suntuosos,
Sirviéndonos de mesa algún altar,
Nuestra sed calmarán vinos sabrosos,
Hartará nuestra hambre blanco pan.
¡Hurra, cosacos del desierto...
Y nuestras madres nos verán triunfantes
Y á esa caduca Europa á nuestros pies,

IV

Y acudirán de gozo palpitantes,
En cada hijo á contemplar un rey.
Nuestros hijos sabrán nuestras acciones,
Las coronas de Europa heredarán,
Y á conquistar también otras regiones
El caballo y la lanza aprestarán.
¡Hurra, cosacos del desierto! ¡hurra!
La Europa os brinda espléndido botín:
Sangrienta charca sus campiñas sean,
De los grajos su ejército festín.

NICCOLÒ I DI RUSSIA IN ITALIA.

(По изд. Poesie di Gabriele Rossetti ordinate da G. Carducci, Firenze 1861, стр. 244—248).

— —

Gemente umanità! novel soccorso
D'uopo ti fora nel tuo mal recente:
Sotto l'orsa polar lo scitic' orso
Par fatto ai prenci un esemplar vivente.
Tutti senza pietà, senza rimorso
Ti squarcian viva, umanità gemente;
E fra gl'iniqui re sembra il più tristo
Quei che si vanta successor di Cristo!

Nel viaggiar di Scizia in Vaticano
L'orso (chè il pari al par si ravvicina)
Ossequïoso gli leccò la mano
E tutta in lui versò l'alma ferina:
L'autocrata al teocrata lontano
Si giunse e la fè greca alla latina:
Ambi il popol fedel scemàr non poco,
Col gel lo Scita ed il Roman col foco.

Si vanta ognun di lor sceso da un Piero,
Che quei nomina il grande e questi il santo:
Ciascun di lor s'arroga il sommo impero
Del sacro culto e lo calpesta intanto.
Non mai Cristo portò spada e cimiero,

Nè triregno gemmato ed aureo manto,
Come costor cui per comun favella
Col nome di due belve il mondo appella.
Vano è sperar che cangin mai di stile,
Chè pari ambizion gl'informa e regge:
Se ad un orso e ad un lupo il doppio ovile
Affidato riman, misero gregge!
Stringe un amplesso il borïoso e il vile,
Nè questo contro quel più ci protegge.
Ve'Leon che d'Italia Attila scaccia!
E Gregorio? E Gregorio Attila abbraccia!
Fama dicendo va con alta voce,
La qual per mille e mille bocche eccheggia,
Che l'incarnato dispotismo atroce
Scorre l'Italia e va di reggia in reggia,
E che ogni prence già per sè feroce
Dal suo contatto reo... Ma pria ch'io veggia
L'effetto qual sarà di quel contatto,
Taccia il timor: parlerà tosto il fatto.
Quel di ch'ei giunse di Cariddi al lido,
Gridaron molti dalle opposte arene
— Sicilia, di tiranni antico nido,
Un nuovo Dionisio a te sen viene:
E salutò Tifeo con rauco grido
L'emulo distruttor senza catene:
Come su lui riman dell' Etna il pondo,
Gravita su costui l' odio del mondo!
Per lunga via di strazii e di misfatti
Ei mai non empie l'inquieta voglia;
Cupido è sì, che ad ingrassar gli orsatti
Or Polonia or Circassia assalta e spoglia:
E guai se son di lui fidi ritratti,
Guai se l'alma paterna in lor germoglia!
Ma no, speriam: non sempre l'uom peggiora;
Da un Commodo gli Aureli escon talora!

VII

Ovunque ei passa, ogni alma si conturba,
Ed ei schifo di tutti il grugno arriccia:
— Ve'l'orso che salvatico s'inurba,—
L'un dice all'altro, e ognun ne raccapriccia;
E sel figura fra sbranata turba
Guazzar nel sangue che fumando spiccia;
E mentre spiega l'ugna e il pelo arruffa
Sangue bee, sangue anela e sangue sbuffa.

E pur mostro si fiero e vigoroso
Mal regge in faccia al cacciator circasso,
Che dai balzi del Caucaso nevoso
Malconcio e vinto il risospinse al basso:
Ove all'orsin suo branco ardimentoso
Vide il collo fiaccar fra sasso e sasso,
Che là degli avoltoi sbramò la fame,
E a mucchi or ne biancheggia il nudo ossame.

Ma quel crudo, lasciando Italia mia,
Torna qual nembo all'iperboreo regno.
Va, maestro maggior di tirannia,
Ch' ogni discepol tuo di te fia degno!
L'Europa, al tuo passar, dietro t'invia
Un prolungato fremito di sdegno:
Va pur, ma nel produr nuove ruine
Del padre tuo non obliar la fine!

———

